

СВЕТОМЕТ

№ 11 (1417) ИЮНЬ 1986

ISSN 0431-6658

IV-86

ПИСЬМА
НАШИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ:
СОВЕТЫ,
СПОРЫ,
ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

СООБЩА

Журнальная книжка, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, не совсем обычна — все материалы, составившие этот номер «Смены», подготовлены по вашим письмам. Появление такого номера естественно и закономерно. Почта журнала — самый чуткий и справедливый барометр, по которому мы определяем действенность и уровень своей работы. Почта журнала — это неиссякаемый источник тем и адресов, прямо влияющий на содержание каждого номера «Смены». И, думается, наши читатели заметили, сколь широко использует журнал письма в своей работе. По существу, нет ни одного номера, в котором отсутствовали бы письма читателей, материалы, созданные по их просьбе и подсказке. И мы можем со всей ответственностью сказать: живому, честному читательскому письму, затрагивающему проблемы, интересные многим, всегда найдется место на журнальной полосе.

Надо отметить, что именно таких писем, ведущих открытый, взыскательный разговор, проникнутых уверенностью, что перемены в нашей жизни, ее обновление реальны и неизбежны, что они по силам нам, писем, для которых характерна прежде всего общественная направленность, становится в нашей почте все больше и больше. Совершенно очевидно, что вызвано это прежде всего тем высоким настроем, который задал нашей жизни XXVII съезд партии, подъемом самосознания людей, потому что на каждом сегодня лежит ответственность, от каждого требуются сегодня поступки, реальные действия.

«Смена» всегда гордилась своим читателем, верила ему, его щедрости и широте, его способности отозваться на доброе начинание, его умению поддержать честный, человеческий поступок. Так было, когда мы всем читательским миром собирали книги для библиотек Нового Уренгоя и для детских домов, так было, когда мы рассказывали о людях, для которых деятельная доброта стала законом жизни, но которые нуждались в защите от бюрократов и крючкотворов. Так было всегда, когда журнал поднимал свой голос для утверждения творческих, честных начал жизни, и эта поддержка всегда была самой высокой оценкой наших усилий.

Мы особенно ценим ваши советы, дорогие друзья, касаются ли они содержания журнала или формы подачи материалов. Ваши письма, в которых содержится критика в наш адрес, всегда становятся предметом серьезного разговора и обсуждения на заседаниях редколлегии, после чего обычно следуют конкретные шаги и решения.

Мы не намерены отступать. Установка на сотрудничество и сотворчество с читателями «Смены» остается для нас руководством при подготовке каждого номера журнала. Как всегда, мы ждем ваших писем!

Всем ли по плечу трудности?

Дорогая «Смена»! Не раз читал на твоих страницах о комсомольских отрядах, отправлявшихся на ударные стройки. А как складывается в дальнейшем их судьба? Ведь далеко не все выдерживают испытание трудностями. Думаю, было бы интересно и полезно вернуться к героям «торжественных репортажей» и рассказать об их опыте, успехах и неудачах.

Виталий ЯКИМЕНКО,
бригадир, Хабаровск

ОТГРЕМЕЛА МЕДЬ ОРКЕСТРОВ

Экспедиция

«Смены»:

Западная Сибирь —
люди, проблемы,
факты

Владимир ЛЕВИН

Фото автора

Поселок строителей, в котором сосредоточены основные силы комсомольско-молодежного отряда имени XIX съезда ВЛКСМ, с геометрической строгостью вытянулся посреди тюменской тайги, у живописной излучины Казыма — притока Оби.

По-своему прекрасна река зимой — неподвижная и безмолвная, в седом обрамлении лесов. Но летом, когда, опрокинувшись, упадет в нее синее небо и пойдут по ней караваны судов, она особенно хороша. Если бы еще не тучи мошкар!.. Окрестности поселка оживают криком птиц, sireнами буксиров, визгом лебедек, лягом цепей.

От Белого Яра, где базируется трест «Казымгазпромстрой», до поселка Верхний Казым — около полутора часов езды. В моем блокноте — имена бойцов, о которых «Смена» дважды рассказывала в начале их северной биографии (№ 13 за 1982 год и № 5 за 1983-й). Почему, собственно, взят прежний адрес, если в Западную Сибирь ежегодно отправляются новые и новые отряды? Как раз потому, что у тех, кто живет и трудится в Верхнем Казыме, уже нема-

лый опыт, достаточный для обобщений и выводов. Возможно, они уберегут от многих ошибок и тех, кто впервые собирает в дорогу рюкзак, и тех, кто напутствует их, и тех, кто готовится принимать пополнение.

К сожалению, моим планам встретиться с давними знакомыми суждено было исполниться лишь отчасти. В трестовском отделе кадров сообщили: за истекшие годы из отряда выбыла треть его состава... Остальные, правда, закрепились прочно, сплотив вокруг себя комсомольско-молодежное строительное управление № 35 и, без преувеличения, став ударным костяком треста «Казымгазпромстрой».

По-прежнему не уступает передовых позиций Александр Сомусев. За успехи в сооружении газокompрессорных станций на трассах уренгойско-ямбургского коридора его бригада удостоена права носить имя 65-летия Ленинского комсомола. Сам бригадир избран секретарем партийной организации управления, представлен к правительственной награде.

Бывший комсорг отряда Елена Кулакова теперь в Верхнем Казыме председатель поселкового Совета.

Перешел на партийную работу в область Сергей Потепенко, с первых дней проявивший незаурядные организаторские способности.

Счастливо сложилась жизнь Мариты Бекишевой, ставшей ныне Шадовой. Пошел уже третий год сынишке Славе, а семья вновь ждет пополнение. Марита работает теперь в его же построенном детском саду — ведет хорошие занятия с детьми отрядовцев.

Но нет в отряде Ольги Святохи...

В тресте Оля работала инженером по социалистическому соревнованию, занималась внедрением передовых форм организации труда, в частности бригадного хозрасчета. Пыталась сделать все «по науке». Но по-книжному не получалось, бригады ведь работали далеко не в идеальных условиях северной стройки. Сегодня, скажем, комплекующие есть, а завтра погода помешала или подвел поставщик. Словом, с хозрасчетом не ладилось. Но Оля не отступала, шла на конфликты с руководством, а выхода так и не находила. В итоге, продержавшись до истечения договорного срока, уехала...

— Сегодня мы бы гораздо серьезнее подошли к подбору кандидатур в отряд — считает начальник отдела кадров треста Зинаида Иосифовна Еремичева. — Конечно, работать нам тогда пришлось в цейтноте. Шутка ли — в один прием опросить триста человек! Тут не то чтобы в душу заглянуть — анкеты перелистывать едва успевали... Скажем, меньше, чем на кого-либо, полагались на москвичей. Думали, избалованы они столичным комфортом, «неженки»... А они взяли и удивили — наименьший процент отсева и наибольшая самоотдача!

А в анкетах всяк на одно лицо: родился, учился, еще не женился. И причина вступления в отряд как под копирку:

«Хочу участвовать в сооружении важнейших объектов народного хозяйства...» Но что подразумевалось под этим «хочу», выясняли, уже когда через общественные отделы кадров несостоявшиеся бойцы покидали стройку. Тогда оказывалось: один искал приключений, другой где родился, не пригодился, вот и решил поискать счастья в Сибири. Кое-кто из девчат надеялись встретить спутника жизни, эдакого настоящего мужчину, какие, по их мнению, обитают только на Севере. А им попадались такие «герои», от которых дома попросту избавились, полагая, что Сибирь да отряд воспитают. Но воспитание их было уже в таком состоянии, что продолжить его взялись только судебно-правовые органы. Таких единицы, но и они были.

В любом новом деле без ошибок, наверное, не обойтись. «Переболели» ими и местное руководство, и сами комсомольцы. Но истину искали вместе.

— Первая ошибка большинства наших бойцов, — вспоминает Зинаида Иосифовна, — обнаружилась еще по пути из Москвы — переоценка собственных сил. Впрочем, для молодых это ошибка полезная. Главное — работать над собой, скорее приводя силы, знания и мастерство в соответствие с задачей. Уже в поезде ребята вручили мне списки лидеров и составы бригад, пожелав трудиться самостоятельно, как они выразились, «без отцов и дедов». Но никто и малейшего представления не имел о сложной специфике северного строительства.

На месте бессменный управляющий трестом Василий Федорович Лысюк осмотрительно предложил ребятам усилить молодежные бригады опытными специалистами хотя бы на период адаптации. Но те ни в какую:

— То, что предлагаете вы, называет-

ся не усилить, а разбавить. Мы на это не пойдем!..

Столь твердая решимость новичков отстоять целостность отряда всерьез озадачила тогда управляющего, и, будь у трестовского руля иной человек — властный, не терпящий возражений, — мог разразиться нешуточный конфликт. Лысюк оказался перед альтернативой: либо пойти «на поводу» у отряда и тогда поставить под угрозу план, либо настоять на своем, тогда вместо «мостика» взаимного доверия между ним и отрядом проляжет пропасть. Из двух зол Лысюк выбрал первое. «Набьют себе шишек — быстрее поймут что к чему, — решил он. — А план вытянем». Его поддержал секретарь парткома Добросмыслов: «Истина легче становится убеждением, если до нее доходят сами».

«Дошли» ребята скоро, в первый же месяц заработав «на брата» по пять — восемь рублей... Старание без сноровки — суета. Основное время «съел» брак, остальное — бестолковая беготня. И с предположением управляющего пришлось согласиться. С тех пор дела отряда резко пошли в гору. Однако лишь двум бригадам удалось заявить о себе почти с самого начала и сохранить по сей день практически в первоизданном виде — плотникам-бетонщикам Алексея Пожидаева и Александра Сомусева.

В гостях у Сомусева я застал Пожидаева, прервав друзей в разгаре дискуссии: кого считать рвачами? Уже гораздо реже, чем прежде, но и сейчас кое-кто из старожилов нет-нет да и бросит в адрес бойцов обидное обвинение: «Урвать приехали? Надорветесь — так вам и надо. Только и нам из-за вас расценки сбросят!»

— Разве мы гонимся за выгодной работенкой? — возмущался Пожидаев. — Или, может, втираем очки припи-

РЕБЯТА ИЗ БРИГАДЫ АЛЕКСАНДРА СОМУСЕВА (В ЦЕНТРЕ) ОБОСНОВАЛИСЬ НА ТЮМЕНСКОМ СЕВЕРЕ ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО.

сками и торопимся в ущерб качеству? Ведь нет же! Наша последняя компрессорная построена быстрее всех и сдана на «отлично»!..

— Точно, — согласился Александр. — А теперь прикинь с другого бока. За пятилетку нам надо ускорить темпы развития больше чем вдвое. Но если не прибавишь ты и не прибавлю я — а те, что нас упрекают, сам видишь, прибавлять не желают, — то кто же его ускорит?! Нет, рвач именно тот, кто хочет работать ни шатко ни валко, а денег получать побольше.

Внешне оба друга — Сомусев и Пожидаев — такие же, как большинство ребят в поселке — общительные, все еще по-комсомольски ершистые, откровенные в признаниях... Чем они взяли в те самые трудные для бойцов времена? И не только не затерялись, но и стали лидерами в тресте.

— Много раз сам пытался понять, чем взял... — помедлил с ответом, сказал Сомусев. — И не смог. Хотя знаю твердо: окажусь в подобной ситуации — снова пойду вперед. Разгадка, возможно, в том, что не сразу меня в бригады выдвинули. Я перень неброский — при первом знакомстве мне об этом и жена сказала. Не заматили. А потом, как и всем, через месяц-полтора дали на усиление третьего бригадира из старожилов. Так что у меня было время осмотреться, понять и прочувствовать производственные связи. Перенял немало полезного у ветерана. Одно в нем не нравилось — «химичил» с нашим заработком. Правда, о том мы только догадывались. Кому ни за что премию выведет, а кого в упор не видит, коть тот и заслужил.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1417) ИЮНЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
коллаж
Олега ГРАЧЕВА.

- 1** ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ЛЮДИ, ПРОБЛЕМЫ, ФАКТЫ. Владимир ЛЕВИН. «ОТГРЕМЕЛА МЕДЬ ОРКЕСТРОВ».
- 3** XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС... «НЕ ОТСТУПИМ!»
- 6** ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ. «ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО». Фотоочерк Максима АЛЕКСЕЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 8** Рассказ Леонида БЕЖИНА «ВСТРЕЧИ НА СРЕТЕНКЕ».
- 12** ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА. Игорь МАРИНОВ. «ЗНАЙ НАШИХ!»
- 14** КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ. Валентина ОЛЕНСКАЯ. «ИГРЫ В СУМЕРКАХ».
- 16** ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Светлана ИВАНЧЕВА. «КТО С МЕЧОМ К НАМ ПРИДЕТ...»
- 18** «ОТДЫХАЯ, ПОРАБОТАТЬ».
- 20** «МОДА ПО-ПРАЖСКИ».
- 21** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС. «ДО СВИДАНИЯ, КОМЕТА ГАЛЛЕЯ!..»
- 23** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ «ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?».
- 24** Владимир ВЫСОЦКИЙ. «ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И ПЕСНИ».
- 26** ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН. «КОММЕНТАРИЙ К ЖИЗНИ КОММЕНТАТОРА».
- 30** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Артура КОНАН ДОЙЛА «ДОЛИНА СТРАХА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Обстановка была натянутая. Обойденные дуются на любимчиков, да и те как не в своей тарелке. К счастью, месяца через три он ушел в отпуск (замечу: отпуска здесь большие), а за старшего оставил меня...

Первую же зарплату молодой бригадир поделил поровну. Конечно, не каждому работа давалась одинаково хорошо, но лентяев не было. И отстающие приняли равную долю как своего рода аванс за старание. Опытные тоже не обиделись — и у них заработок оказался больше, чем месяц назад. Этот факт, кстати, подкрепил недоверие к отпускинику. А бригаду словно подменили. В следующем месяце только на возродившемся энтузиазме она сработала еще лучше.

Следующим шагом в отсутствие подзадержавшегося бригадира стал выход в число передовых по тресту. А когда «ветеран» вернулся из отпуска, вся бригада отказалась его принять и, не спрашивая согласия Сомусева, подписала письмо руководству треста с просьбой оставить Александра бригадиром...

Многое с тех пор изменилось в характерах ребят, в их взглядах на жизнь. Главным мериллом в оценке себя и друг друга стал для них труд. Он показывал, кто есть кто, срывая словесную шелуху с выскочек, болтунов, «гастролеров», с любителей поплескаться на гребнях чужой славы. Сейчас уже с юмором вспоминают, как один из горе-бригадиров, еще не выйдя на работу, отбил за свой счет телеграмму в ЦК комсомола, отработав, что-де возглавляемый им коллектив первым приступил к строительству и побивает рекорды производительности. А через две недели сама бригада разжаловала его «в рядовые» за нерадивость и неспособность руководить. Низвергались скороспелые лидеры, на смену им приходили настоящие.

Менялись и взгляды на быт. И не поверишь теперь, что ребята сначала до глубины души разочаровал, если не оскорбил, своим «пижонским» городским видом тот пятиэтажный блочный дом, который любезно предоставил им трест вместо грезившихся палаток, вагончиков и балков! Но когда пошли одна за другой свадьбы в поселке, ребята поняли, что справедливая, быть может, в теплых краях поговорка «с милым и в шалаше рай» в условиях Севера звучит просто смешно.

Иными словами, бойцы взрослели, обретали жизненный опыт и зрелость и уже совсем по-другому оценивали свои первые шаги в Верхнем Казыме и то, что им предшествовало... Настало время оглянуться и поразмыслить.

В народе издавна повелось провожать сыновей и дочерей на ударные стройки с оркестром, с песней, торжественными напутствиями. С шумными почестями провожали из столицы и этот отряд. Вся страна смотрела по телевидению, как вручали ему знамя, как присваивали высокое имя комсомольского съезда... Но вот прошли годы, и оказалось: часть ребят и девчат «по семейным обстоятельствам» вернулась домой, многие попросту дезертировали, кое-кто попал на скамью подсудимых.

Откуда вы, горе-бойцы? Из отряда, имени которого были, как выяснилось, недостойны... Но за доброе имя надо бороться, завоевывать его в труде так же, как, скажем, ратные полки добивались в боях звания гвардейских. Может, не стоит спешить с присвоением высоких имен еще не сложившимся, ничем не проявившим себя коллективам? Может, правильнее подумать об этом позднее, когда успехи отряда налицо?

А успехи у тех, кто остался, кто выдержал испытание Севером, есть, и немалые. Трест за минувшую пятилетку в два с половиной раза сократил сроки строительства газокompрессорных станций в сравнении с нормативными.

Много трудностей стояло у них на пути. Отряд с честью справился с ними, помог, как говорят в подобных случаях, сплав молодости и опыта. Однако не-

сомненно и другое: если бы слияние этих ценных компонентов протекало менее болезненно и не так долго, то цель была бы достигнута с меньшими издержками и морального, и материального характера. К сожалению, отряд вживался в основную коллектив тяжело. В этом нет ни его вины, ни вины треста, ибо ни одна строительная организация не способна в один прием как следует переварить столь большую «порцию» свежих и, будем откровенны, сыроватых сил.

Первая и острейшая проблема — жилье. Оно было обещано отряду. Даже «Казымгазпромстрой», который решает эти вопросы лучше большинства других трестов, который (редкий случай!) не боялся во всеуслышание заявить, что к концу 1987 года каждый семейный, работающий в тресте, будет обеспечен отдельной квартирой, даже он не располагал резервом жилого фонда на триста человек. Тем не менее Лысюк отдал молодым бойцам дом, квартиры в котором предназначались вначале тем, кто отработал на Севере уже по несколько лет.

— ...Море волнуется — раз. Море волнуется — два. Море волнуется — три, морская фигура, замри! — доносится сквозь ребячий гам на игровой площадке голос воспитательницы Веры Петровны Пелех, и дети застывают в самых неожиданных и забавных позах.

А тем временем заведующая детским садом КМСУ-35 Любовь Григорьевна Галюк, сама и строившая его, рассказывала мне о своем беспокойном хозяйстве:

— Мест в саду не хватает. Группы вдвое-втрое перегружены. И это бы еще ничего, если бы не полсотни двухлетки. Ни умыться, ни ложку взять, ни одеться, ни раздеться самостоятельно. Им бы лучше с полгодика дома побыть, но мамы на работе, а бабушки у нас на Севере — большая роскошь, дефицит...

За дружными свадьбами в поселке последовал и бурный всплеск рождаемости. Почти все женщины одновременно ушли в декретные отпуска, и таким образом производство в одночасье недосчиталось четвертой части всего отряда. Другая четверть в лице молодых пап полностью и надолго выпала из общественной жизни отряда, поскольку помочь в уходе за младенцем больше некому. Перед новоиспеченными родителями возникли такие трудноразрешимые в условиях местной торговли проблемы, как детское питание и предметы детского обихода. Это хорошо, что у командира отряда Александра Журкина друзья умело орудуя топором. Пока он ездил в белоярский роддом за женой, ребята срубили и сколотили новорожденному Сережке, прямо скажем, грубоватую, но крепкую кроватку. А другой хоть криком кричи. И тут уже не до трудового подъема...

Чтобы решить родительские проблемы, трест в дополнение к двум действующим в Верхнем Казыме детским садом запланировал строительство еще одного комбината. Но пройдет год-другой, и рождаемость в поселке пойдет на спад, поскольку возраст сегодняшних его хозяев примерно одинаков и у большинства из них уже по двое-трое детей. И, стало быть, скоро переполненные пока детские учреждения опустеют, а потом та же волна пройдет и по школьным классам...

Вот далеко не все загадки, которые задал и себе, и тресту отряд. А ключ к ним один — слишком велико оказалось разовое пополнение. Не возникло бы и половины этих проблем, если бы оно шло планомерно, размеренно в течение полутора-двух лет. Разумеется, внешне это не очень эффективно — нет пышности, размаха, — и от организаторов потребовалось бы нечто большее, нежели устраивать шумные проводы. Зато помощь освоителям сибирских недр была бы сразу надежной и верной, а отряд не растерял бы треть своего состава, и имя его вспоминалось бы исключительно в связи с ударными, героическими делами...

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ В «СМЕНЕ» ТРЕХ БЕСЕД АКАДЕМИКА ФЕДОРА УГЛОВА «ПРАВДА И ЛОЖЬ ОБ АЛКОГОЛЕ» (№№ 10—12, 1985 год) В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО МНОЖЕСТВО ВЗВОЛНОВАННЫХ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ. ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМО ВНИМАНИЮ ОБЗОР ЭТИХ ПИСЕМ.

«Федор Григорьевич, дорогой, вы призываете женщин начать с себя, утверждая, что от нас многое зависит. Да, есть трезвенницы, есть и такие, которые, чтобы сохранить семью, пьют вместе, а после рожают дебилов, а потом от них отказываются и «дарят» государству, третьи разводятся и сами воспитывают детей. Только ведь пьянство не болезнь—это распущенность. Моральная распущенность, и ее надо не лечить, а искоренять всеми средствами. Надо восстанавливать нашу мораль, с которой отцы и деды делали революцию, а потом защитили ее от фашизма, нашу молодежь оберегали всеми силами, чтобы с нас брали пример, нам подражали.

Б. ЯКОВЛЕВА,
Харьков».

«Я работаю библиотекарем в маленькой сельской библиотеке. Молодежи в наших местах мало,

НЕ ОТСТУПИМ!

Начнем, пожалуй, с этого короткого письма без подписи. Тем более, что писем такого содержания в редакционной почте больше не было.

«Размышления Углова—пустая болтовня. Испокон веков русский мужик был русским мужиком. Я сам родился в поле, и мать родила меня нормальным. Никогда этот академик не докажет, что алкоголь—это смерть. Суждено человеку жить—выживет, не суждено—умрет».

Что ж, и это позиция. Странная, но позиция. Сразу вспоминается грустная картина, не раз виденная нами: молчаливые очереди, мужчины, убивающие свое свободное время, чтобы получить бутылку. Не из этой ли очереди автор письма? Есть ли смысл доказывать ему то, что доказательств не требует?

Уже почти год прошел с того времени, как были опубликованы беседы с академиком Угловым, а письма все идут и идут. В них—слезы, несчастье, горе, трагедии... И надежды. Вера в нашу с вами силу, в силу народа, которому по плечу любые трудности. И, что особенно важно и дорого, письма эти объединяет единоклюпная, твердая решимость: начав борьбу, не отступать!

Конечно, мы не ждем, что в нашей борьбе с алкоголизмом все будет идти гладко и быстро. У нас хватает еще противников. И они разные. Одни выставляют часами в очереди и молча пьют, другие, как А. Маргулев из Москвы, не жалея времени, под копирку рассылают письма: «Корреспондент излагает об алкоголе правду, а академик Углов демонстрирует вслед за этим образчик лжи...»

В конце письма Маргулев делает такой вывод: «Я—за трезвый взгляд на проблему. А еще я—против тех, кто, делая из большой проблемы конъюнктуру и искусственно разжигая страсти, создает обстановку психоза, дабы под видом борьбы с пьянством ударить по интеллигенции...»

Что ж, и это позиция. В своем истинном, глубинном значении она даже опаснее, чем та, что в письме, с которого мы начали.

Действительно, плохо сегодня иным «интеллигентам», любившим прежде пошмаковать спиртное на банкетах, пирушках, посиделках. С горечью говорил Федор Григорьевич Углов об этом слое интеллигенции. Оглянемся в недалекое прошлое. Немало образованных, внешне культурных людей, занимающих, кстати, ответственные должности, постоянно пребывало в легком подпитии, и это не считалось дурным тоном. Они выступали на собраниях, произносили речи, руководили... С этим, было время, мирились, но теперь мириться не намерены. Будьте добры теперь быть интеллигентными не только на словах. А нет—так не причисляйте себя к интеллигенции.

«Передайте глубокоуважаемому хирургу Углову наш семейный сердечный поклон. Наша семья солидарна с ним полностью, мы впервые встречаем такого врача. Некоторые врачи говорят о вреде алкоголя, а сами умирают от пьянства.

Б. БОЛОТОВ,
рабочий,
Ростов».

«Пишет вам человек, которому есть что сказать. Сам начал пить с 18 лет. Женился. Пил. Развелся. Выгнали со всех работ. Мать имела пристрастие к спиртному и кончила жизнь самоубийством. Стал пить еще больше. Отсидел в тюрьме. Выводов не сделал. Бывало, с похмелья встанешь и думаешь: «Вот сдохнешь, как собака, и никому не будешь нужен». Попал в ЛТП сроком на два года. Как гром среди ясного неба, письмо от сына: «Папа, я помню тебя и жду». Вернулся на завод, откуда три раза уходил, и вот уже пять лет работаю бригадиром. Здоров, но ведь гложет, разъедает мысль: я не пью, а вокруг пьют. Как помочь людям?»

А. БРЫКОВ,
слесарь,
Щекино Тульской области».

«То, что ограничили продажу спиртного,—правильно! Но этого мало. Ожили и наплодились спекулянты, продают бутылку по 15 рублей, а в воскресенье—по 25. Вот и посчитайте их доходы, если в отличие от нас им работать не надо. Не брезгают даже горем, берут «под покойников», якобы на поминки по два ящика... Как с ними бороться?»

В. ШИБИН,
водитель,
поселок Нюрба Якутской АССР».

«Огромное спасибо Ф. Г. Углову за то, что с таким знанием дела, с таким блеском, столь аргументированно и убедительно продемонстрировал всю пагубность, всю мерзость, весь идиотизм пьянства и алкоголизма.

М. БАБКИН,
г. Кропоткин Краснодарского края».

«Рассказ академика Углова произвел большое впечатление. Таких сильных, образных, точных и смелых определений и заключений мы еще не читали. До постановления печать робко писала о пьяницах, выставляя их как отдельных нерадивых лиц с «пережитками прошлого». Печать боялась критикой алкоголизма подрубить сук, на котором висел основной доход торговли. А на деле пьянство давно выросло в социальное зло, принявшее опасные размеры для государства. Пьют много, пьют коллективно, на работе. Причем средства для этого изыскивают за счет государства. Здесь и фиктивные наряды, и неработающие «мертвые души», и продажа из-под полы материалов и запчастей, и нелегальный наем транспорта, разного рода «шабашки».

Д. СТРАКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны,
поселок Северный Краснодарского края».

«Спасайте молодежь от пьянки. Помогите избавиться от «алкашей». Я все слезы выплакала от пьянства своих, а теперь уже старая и ничем не могу помочь.

КИРСАНОВА,
Крым-Сарай, Татарская АССР».

и я веду борьбу с алкоголизмом среди людей среднего и пожилого возраста, рабочих нашего совхоза. Прочла беседы Ф. Углова и в клубе, и в отделении. Но как трудно довести до сознания людей, именно пьющих людей, всю тяжесть их положения. Соглашались, лекций и бесед недостаточно, надо шире распространять методы борьбы с алкоголизмом.

Л. РОМАНОВА,
деревня Заручье, Ленинградская область».

И как бы в подтверждение этих слов Нина Н. из Ишимбай Башкирской АССР спрашивает: «Как быть с теми, кто, зная правду об алкоголизме, продолжает пить?»

Как быть, если человек, судьба которого Нине небезразлична, уже два раза лечился? Она не теряет надежды, ищет способы помочь ему. Что ответить ей, как быть? Редакция ответила письмом, напомнила: алкоголизм—болезнь, не надо ее стыдиться, надо бороться за близкого человека, неустанно внушая главное—только сознательное желание избавиться от порока может принести облегчение. Надо бороться и верить.

Думаю, что эти письма и есть настоящая правда об алкоголе.

«У меня нет сомнений, алкоголь—враг нашего общества, враг наших будущих поколений. Я принял для себя «сухой закон». Выполнять закон и придерживаться такой позиции чрезвычайно трудно, но отступать не намерен. Что мне помогло и помогает, так это участие в борьбе за абсолютную трезвость.

В. ЕРШОВ,
второй секретарь Горно-Бадахшанского
обкома ЛКСМ Таджикистана».

Очень понравилось большое критическое письмо, где Анатолий К. из Свердловска опровергает позицию Ф. Углова, считая ее недостаточно аргументированной. Но, читая это письмо, любил себя на мысли: не хочет человек признавать истину и выискивает государственные промахи, не ленится отыскать исторический пример. И все-таки к концу письма выдыхается, и, словно что-то прорывается в нем, после многих нелепых он буквально кричит: «Надо бить в набат, а не осторожно гладить против шерсти. Возьмите письма женщин в газеты. Они потрясут. Рисуется страшная картина алкогольного дурмана: гибнут люди, рушатся семьи, страдают дети. Надо брать примеры из жизни, чтобы люди узнали себя, узнав, ужаснулись».

Правильно, Анатолий, надо бить в набат! Нам нужна правда—горькая, откровенная правда. И давайте не будем оглядываться на какую-то историю пьянства, не станем ссылаться на прэдков, которые пили. Это удобное оправдание, которым пользуются пьяницы.

Речь о нашем с вами будущем. И потому трижды права С. Комарова из Махачкалы, написавшая: «Может, я ошибаюсь или не совсем точно объясняю свои мысли, но мне кажется: человек—собственность государства. Государство заботится о его здоровье, питании, учении и т. д. И, думается,

недалек час, когда всякого, кто подрывает здоровье (хоть и свое!), будут привлекать к ответственности за сознательное нанесение ущерба обществу. Но уже сейчас надо взимать плату за лечение алкоголиков, и не только от алкоголизма, но и за лечение других заболеваний, связанных с алкоголем или полученных вследствие опьянения».

Согласен с вами, это верный, принципиальный подход к проблеме. Да, постановление об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом положило конец нашему отступлению. Надо честно сказать: мы разделились на тех, кто, сознавая беду, стал по правую сторону, тех, кто, раздираемый противоречиями, посередине, и тех, кто непримиримо остался на «той» стороне. Не будем скрывать: последних очень много. Зато теперь, когда мы разделились, ясно видно, сколько их — не жалеющих времени, денег, здоровья, не раз предупрежденных и оштрафованных, но остающихся еще с бутылкой. И еще раз повторим: в том, что их много, и наша с вами вина.

«Уважаемая редакция, беседы об алкоголизме академика Ф. Углова взволновали меня необыкновенной силой правды. Страсть к выпивке пустила сильные корни среди молодежи. Мне 17 лет, я молод, еще только вступаю в самостоятельную жизнь, но твердо знаю — не пил и пить никогда не буду.

Пить в начале жизни — это вдвойне преступно, это значит ставить крест на всей своей жизни. А многие юноши, ухарски глотнув для «храбрости», в бесшабашной удалости считают себя уже взрослыми людьми. И полуопереточные «антиалкогольные» вечеринки типа «Водка вредна здоровью» только усиливают иллюзию взросления. «Вот, мол, я какой», — думает шестнадцатилетний мальчик, у которого капли молока на губах сменились каплями водки, но он уже на «ты» разговаривает с собственной жизнью. А ведь он и не догадывается, что, кроме родительских денег, он пропивает свою страну, своих настоящих (а не имею в виду собутыльников) друзей, свое будущее. С антиалкогольной деятельностью академика Углова я познакомился раньше, когда прочитал один из его докладов в школе на политинформации. Этот доклад моих теперь уже бывших одноклассников просто потряс и ошарашил. Все, кто выпивал, почувствовали себя неуютно. Многие, как я узнал, после этого бросили пить. Спасибо за это товарищу Углову. Его беседы проникнуты чувством ответственности за судьбу страны. Это позиция настоящего коммуниста, ученого, гражданина.

Сергей ГОЛОВАНОВ,
Саранск».

В своем письме инженер Д. Памбук из Симферополя, определив отношение великих людей к пьянству, приводит длинный столбец четверостиший Омара Хайяма. Последнее подчеркнуто, и его стоит процитировать: «Запрет вина — закон, считающийся с тем, с кем пьется, и когда, и много ли, и кем, когда соблюдены все эти оговорки, пить — признак мудрости, а не порок совсем». Далее автор письма уточняет: «Согласно словарю русского языка С. П. Ожегова: «Пьянство — постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков». Д. Памбук делает вывод: «Следовательно, если употребление не постоянное и в умеренных дозах, — это нельзя назвать пьянством».

Вот вам еще одна позиция — добросовестное обоснование философии так называемой «культурной выпивки»! В таком случае остается только удивляться, откуда же берутся пьяницы и алкоголики, на заре своей жизни выпивающие непостоянно и умеренно? «Я знаю, что мало и умеренно пьющих (а к ним отношу и себя) намного больше, чем пьяниц и алкоголиков. И считаю, как и многие, что со злом бороться, безусловно, надо, только не доводить дело до смешного и до абсурда. Я знаю, мое письмо вы не опубликуете (даже в порядке обсуждения или дискуссии). Это очень жаль, потому что хотелось бы узнать мнение других людей по этому вопросу».

Хотите знать другие мнения? Пожалуйста!
«Пишу впервые, волнуясь, прошу простить за стиль. Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь, — так начал свое письмо врач «Скорой помощи» Е. Цуканов из Риги. — Во имя этого мы и бодрствуем по ночам. Наш шофер В. Борисенко приобрел диван, выпил по этому случаю и был отстранен от дежурства. На срочный вызов к умирающему человеку выехала бригада, где неопытный шофер долго плутал в новостройках. Когда приехали на место, оказалось, что уходящий ПТУ А. Кириенко выпил и вздумал пошутить по телефону-автомату, вызвав сразу две «Скорые помощи». А в это время из-за долгого отсутствия машин от удущья скончался мальчик пяти лет. Малыш умер за 20 минут до приезда машины».

Свое письмо Е. Цуканов заканчивает так: «Никогда

в жизни не забуду ту ночь и имена участников тех событий».

Сравнима ли цена пятилетней жизни с ценой водки, «культурно выпитой» шофером Борисенко и «шутником» из ПТУ Кириенко?..

«С 1970 года я работаю врачом-наркологом. Трудно себе представить, сколько алкоголиков за это время прошло через мои руки, сколько людей погибло в расцвете лет. Тяжело смотреть, как люди, занимавшие ответственные посты, ценные работники, под воздействием алкоголя скатывались по социальной лестнице, теряли свою квалификацию. Но еще тяжелее видеть слезы и несчастье их близких.

В. ФЕДИРКО,
врач-нарколог».

Воскресенск, Московская область».

Наша читательница Валентина Митрофановна Федирко пишет далее, откуда все начинается:

«Пьют в присутствии детей, которым тоже часто наливают немножко вина. Юноши, девушки «обмывают» экзамены в средней школе. Провожая в Советскую Армию, многие сердобольные родители «накачивают» спиртным восемнадцатилетних сыновей до такой степени, что некоторых буквально волоком тащат на призывной пункт. Разве эти напоминания не стоят того, чтобы еще раз обратиться к самим себе? Куда мы идем, товарищи?! Действительно, кто заставляет родителей делать это? Нужда? Судьба? Горе? Что? О чем подумают они, дожив до тех черных дней, когда дитя с кулаком отнимет у них деньги на бутылку; не они ли, эти родители, побегут с криком: «Защитите!» От кого? Давайте оглянемся, дорогие товарищи! Давайте вспомним сердобольный вопрос некоторых жен и матерей: «Что, бедный, головка болит? Здоровье надо поправить?»..»

А теперь, поддерживая Валентину Митрофановну Федирко, давайте вслух повторим истину, которая ей, врачу-наркологу, пятнадцать лет вытаскивающему своих пациентов из пропасти, известна лучше:

«Человек начинает пить не потому, что заболел. Наоборот — болезнь развивается вследствие того, что человек стал часто и помногу пить. Не хочешь стать алкоголиком — не пей!»

«Уважаемый Федор Григорьевич, — пишет Л. Радушная из Свердловска, — решила написать Вам, потому что Вы первый сказали правду об алкоголизме. Нельзя одной рукой подавать, а другой подавлять. Ну и что из того, что магазины стали с двух часов торговать вином? Ведь торгуют!

Во время войны люди отдавали свои жизни ради будущих жизней. Почему не хотят издать указ о «сухом законе»? Разговоры о том, что будут гнать самогон, — чепуха! Только «сухой закон» и изъятие из свободного обращения алкоголя могут исправить имеющееся положение».

«Беседы Углова прекрасны, только ведь пьяницы их не читают! Нужен «сухой закон». Вот это что-то существенное, серьезное, а так — одни басни. Только ведь соловья баснями не кормят...»

А. ЧЕРЕНКОВ,

Гатчина Ленинградской области».

Итак, действительно ли спасение в «сухом законе», о чем написано в десятках писем? По этому поводу, на мой взгляд, правильно высказывается А. Антон из города Нарва Эстонской ССР, человек, знающий историю и правильно расставляющий акценты:

«Сейчас все говорят о времени «сухого закона» 1914—1925 гг. Но вот в Большой советской энциклопедии, том 1, в статье «Алкоголизм» говорится, что за это время резко возросло количество употребляемой «сивухи», самогона и других суррогатов. Неэффективным оказался «сухой закон». Без точных цифр нельзя обрисовать перед каждым гражданином величину проблемы, сами душевительные беседы порой выглядят неубедительно, если они не подкреплены статистическим материалом. Наше время — время точных знаний и выкладок. О своих внутренних проблемах мы должны говорить максимально откровенно, чтобы по-настоящему организовывать общественное мнение, чтобы сделать трезвость нормой жизни. Каждому известно, что, зная причины, легче лечить болезнь».

Да, одним приказом пьянство не отменишь. Строгость в сочетании с воспитательной работой, кропотливой, неослабляемой — вот, вероятно, оптимальный путь к всеобщей трезвости.

«Очень своевременно выступил Ф. Углов на страницах «Смены». Не надо бояться тех, кто ухмыльнется. Нашему поколению сейчас приходится с большим трудом отвыкать от алкоголя. А нашим детям нельзя и притрагиваться. И может, когда-нибудь следующие поколения удивятся: «Зачем наши деды курили и пьянствовали?»

В. ИВАНОВ,
Москва».

Не менее важным кажется и коренной пересмотр некоторых наших представлений, о чем пишет В. Прякин из Минска: «Надо выбросить из лексикона выражение «злоупотребление алкоголем», как будто можно не злоупотреблять алкоголем и наркотиками, а принимать их нормально».

Об этом говорит и инженер Н. П. Матвеева из Броваров Киевской области. Выражая волю женщин завода, включившихся в антиалкогольную борьбу, она просит исключить термин «злоупотребление алкоголем». «Смешно, противоречиво и непонятно: «злоупотребление ядом-наркотиком».

Поднимают в своих письмах наши читатели и такой крайне важный вопрос, как авторитет руководителя. В своем рассказе, присланном в редакцию в ответ на беседы Ф. Углова, инженер Г. Беллимов из города Волжский Волгоградской области приводит такой эпизод:

«Ты назови, кто сейчас не пьет? — наступал Алексей. — Думаешь, я как факир — оп-ля! — цех из отступающих вытаскил? Не-ет, она, водочка, родимая, помогла. Да-да! Сколько я ее здесь попил — и со смежниками, и со снабженцами, и с ОТК! А то бы они тебе за здорово живешь обеспечили фронт работ... Тут иное: будет дружба, уговор — и они тебя не захотят подводить. Не под чаек же связи завязывать».

Не правда ли, знакомая ситуация? Точнее, еще одна позиция: пью во имя дела! Только давайте спросим себя: кто из нас отвечает за руководителя, который, радея за наши интересы, рано или поздно превращается в пьяницу? Согласны ли мы с вами получать «фронт работ», перечеркивая судьбу человека? Согласны ли выполнять государственный план ценой спаивания друг друга?..

И все-таки что делать человеку, если он на краю пропасти? На этот вопрос отвечает письмо С. Миронова из Красноярска.

«...Ну, и о себе тоже надо добавить. Пил 16 лет: и хорошие вина, и спирт, и одеколон. Следя за собой, заметил определенные этапы своей жизни, связанные с пьянкой. Первый: все хорошо, даже утром голова не болит (лет пять-шесть). Второй: потребность «лечиться». Очень редко я позволял себе опохмеляться, а в остальном все вроде бы нормально (года три). Третий: усталость после попойки, нервное, разбитое состояние, иногда отказ памяти — «заспал», говорят у пьющих (года два). Четвертый: равнодушие к жизни, после выпивки — половое бессилие, привычка к пиву с похмелья (но не к вину!). Пятый: стресс, порой жестокий, после пьянки, когда хочется умереть, и затем — полное равнодушие к окружающему миру, иногда — прогулы. Попадание в вытрезвитель в 1977, 1979, 1980, 1982 годах. Шестой: жестокое желание переменить жизнь или умереть».

После поездки в Братск (там закрывался наш объект) вновь встретился с женщиной, с которой познакомился в Красноярске в 1980 году. Ее дочери было тогда шесть лет. За «веселым» столом, когда еще не был совсем пьян, почувствовал (девочка забралась на колени) всю одиночество и никчемность жизни. Резко заныло не только сердце, но и мозг, на который я больше всего уповал. Зачем? Спросил себя и в первый раз попытался все изменить. Пить стал только хорошие вина, иногда пиво, по праздникам — водку. Но это продолжалось недолго, а в 1982 году уже, судя по специальной литературе, должен был бы лечиться. Но! Упрямотой и еще что-то (не боясь) мешали. А в 1983 году я приехал в Красноярск да так там и остался. Женился на теперешней жене, умной женщине. Дочке уже 11 лет, сын родился. Женившись, практически бросил пить. Но это продолжалось не очень долго. Когда родился сын, с меня как будто оковы сняли, я почувствовал себя уверенно в жизни, в работе, в будущем. Снова разрешил себе выпивать когда вздумается, веря, что это проходящее. Дошло до того, что в пьяном виде обидел жену и дочь (не ударил, сказал только что-то, чего она так и не повторила мне). И тогда снова оценил себя нынешнего, пьющего по поводу встречи с другом, по поводу покупки, по поводу дня рождения... Ведь пили и пьют вокруг все, за редким исключением».

Однажды за столом в честь годовщины свадьбы заявил: «Все!» С тех пор стал чувствовать себя намного уверенней. Более четко стал работать мозг, прошли стрессовые ситуации, усталость, появился интерес к литературе, математике. И, в общем, возрождаюсь. Вот такая история.

Я — за! Я — за все меры борьбы с пьянством. Это очень и очень необходимо, иначе нам нечего будет оставить своим детям. Ф. Углов прав. Только нужна правда во всем: от мелочи до крупного дела. И чем быстрее мы начнем говорить правду, тем быстрее подействуют все меры, принятые для борьбы с алкоголизмом. Не отступать бы!

Для сведения— собираюсь подать заявление в партию. С глубоким к вам уважением.

С. МИРОНОВ,
35 лет».

Спасибо, Сергей Владимирович, за разговор честный, правдивый, нужный не только вам— многим. Спасибо за то, что нашли в себе мужество оценить самого себя. Это— главное. Очень легко предъявлять претензии к человечеству, которое изобрело «огненную воду», но ведь человечество— это мы с вами. И от того, какими будем мы, зависит, какими будут наша семья, наш коллектив, наша страна. Успеха вам в работе, в укреплении тех позиций, какие вы нашли сами, пройдя через отчаяние.

На этом можно бы и закончить обзор (все письма из-за их большого количества не процитировать), но есть одно письмо, о котором я не могу не сказать.

«Давно читаю ваш журнал. Много хороших откровений прочитал, но хочу рассказать нашим мужикам, как и что. Окончил службу— и на завод. Деньги были очень большие (правда, работал воем). Женился, пил, благо денег было много. Родился ребенок— и то же самое дальше. Не скрою— бил жену. Ушла. И вот теперь я понял (и то не знаю, до конца ли), что это значит. Начал менять работу одну за другой, и все не по душе. Многие из ребят подумают, что я слабохарактерный. Нет. У меня много знакомых, друзей, но никто из них не подумает никогда, что я мог бы написать это письмо. Была милиция, драки, вино, но это не утешение. Так что, ребята, подумайте, что мы делаем. Это не пустые слова— здесь сказано все. Кто еще может— держитесь, забудьте и рабочую выпивку, и небольшие дозы с приятелями.

Без подписи,
Люберцы, Московская область».

Вот такое письмо. Между строк его— крик о помощи. Хороший человек бродит где-то по подворотням Люберец. Не был бы хороший, не написал бы исповедь, где не хватает гладкости, где слова кровоточат. Я бы очень хотел, чтобы этот номер журнала попал ему в руки и он поверил в призыв к самому себе, поверил бы в свои силы и волю.

...Был у нас на кафедре института, где я работал, человек, который дружил со всеми, один из тех, кого принято называть «душой компании». Секретарь первичной партийной организации, хороший семьянин. Все у него получалось ладно: и шутка, и серьезный разговор, и чего греха таить, мгновенная организация «междусобойчиков». Быстро, с желанием порадовать всех он бежал в магазин и тут же, пока мы, вернувшись с занятием, передевались, аккуратно разворачивал «скатерть-самобранку», приговаривая: «Отметим и разойдемся». Не год, не два продолжались короткие посиделки. Для него это стало привычной обязанностью. Начал он опаздывать на занятия, пропускать их и появляться нетрезвым. Его освободили от выборной должности. Говорили, что дома он варил самогон, приобщил к выпивке жену— прекрасного врача, тогда заведовавшую отделением. Говорили многое... Потом его освободили от работы. Я давно уехал из того города. Но каждый раз, бывая там, расспрашивал о нем, так ничего хорошего и не узнав. Работает на какой-то стройке каменщиком. Видели его опухшим, избитым...

Нет, и двадцать лет назад я его не спаивал. Лишь, как все, принимал участие. И когда уезжал из города, вроде бы еще и не было поводов для опасений. Но из всех нас спился и потерял себя он один. И я не могу простить себе этого. Не могу простить вины перед ним и его детьми, хотя только «принимал участие»... И пишу эти строки не для того, чтобы оправдываться и казаться лучше. Это должно многих заставить задуматься. Да, сейчас с проведением подобных «мероприятий» стало намного сложнее, но люди, желающие организовать их, все же находятся. Их еще можно спасти. Надо сказать: «Нет!» Себе. Товарищу. Не поддержать «благие» намерения. И раз и навсегда— не отступать.

Да, у нас были ошибки. Да, широкая продажа спиртных напитков— ошибка. Никакие деньги, вырученные за водку, не могут возместить ущерб, который она наносит.

Признав это, государство приняло справедливое решение о закрытии многочисленных спиртоводочных заводов.

Очень легко советовать другим, как им быть и как руководить. Но порядок в государстве начинается с порядка в нашем доме, на работе, с нас самих.

Если мы часто говорим о разбитых семьях, то разве государство виновато в том, что жены выставляли к празднику на стол водку, спаивая мужей и сыновей, спиваясь сами? Нет, мы виноваты в этом сами.

И дальше все будет зависеть от нас. От нашей настойчивости, терпения, последовательности. Только от нас.

Обзор подготовил
Александр БОЙКО.

КОНТАКТ

Предлагают и советуют секретари горкомов и обкомов комсомола

Мы обратились в обкомы и горкомы комсомола с просьбой высказать свои предложения и пожелания по поводу публикации «Смены» на ближайшее время и получили в ответ обстоятельные и заинтересованные письма комсомольских работников.

В будущем на страницах журнала хотелось бы видеть больше материалов, посвященных актуальным вопросам нравственного воспитания молодежи. Нужны и публикации, рассказывающие об интересном опыте по организации досуга, совершенствованию стиля и методов комсомольской работы.

В качестве героев для очерков и репортажей журнала мы могли бы порекомендовать комсомольцев Кольской сверхглубокой скважины, акванавтов специализированного водолазного судна «Спрут», рыбаков и моряков Мурмана.

В. ДОВГАНЬ,
секретарь Мурманского обкома ВЛКСМ

По нашему мнению, подтвержденному анкетированием, наибольший интерес у комсомольцев и молодежи вызывают вопросы претворения в жизнь решений XXVII съезда КПСС, ускорения социально-экономического развития страны, коренной перестройки всех сторон жизни советского общества, преодоления негативных явлений, в особенности бюрократизма.

Назрела также проблема повышения общей культуры, эстетического воспитания молодежи. Думается, что начавшаяся на страницах «Смены» дискуссия о фильме «Пришла и говорю» может быть продолжена как разговор об истинных и ложных критериях ценности произведений искусства.

Хорошо бы открыть в качестве постоянной рубрику «Конкретные дела комсомола», в рамках которой вести разговор о путях борьбы с формализмом, четком определении конкретного участка работы комсомольских организаций, использовании в полной мере законодательных прав, предоставленных комсомолу.

А. БОЖКО,
секретарь Крымского обкома ЛКСМ Украины

В последнее время в печати, в том числе и в «Смене», появилось много интересного, злободневного материала, способствующего воспитанию у молодежи активной жизненной позиции, неприимности к проявлениям потребительства, мещанства, волокиты, всего того, что мешает нам жить и работать.

Хочется, чтобы в постоянных и новых рубриках журнала больше внимания уделялось инициативе и творчеству молодежи, организации ее свободного времени. Пусть чаще выступают специалисты в области музыки, театра и кино. С интересом встретит молодежь публикации о новых советских музыкальных группах.

В. ДЗОНЬ,
секретарь Ворошиловградского обкома ЛКСМ Украины

Среди молодых киевлян особый резонанс вызвали статьи, опубликованные в первых трех номерах за этот год— «Молодой коммунист: Что сделано? Что не сделано? Что предстоит сделать?». В них содержатся ответы на многие вопросы нашей сегодняшней жизни, в том числе и на самый главный: как работать по-новому?

Особой поддержки требует открытие рубрики «От 15 до 30». Социальный портрет сегодняшней молодежи. Очень бы хотелось, чтобы статьи, посвященные анализу ответов на вопросы анкеты, как можно скорее появились на страницах «Смены».

Хорошим подспорьем в нашей работе будут статьи об имеющемся в стране опыте организации сквозных комсомольско-молодежных бригад, работающих на единый наряд, комплексных творческих молодежных коллективов, материалы, посвященные проблемам становления моло-

дого ученого, специалиста, организации молодежных клубов-кафе, участия комсомольских организаций в осуществлении школьной реформы.

В. ГЕВЕЛЬ,
секретарь Киевского горкома ЛКСМ Украины

Целесообразно придать более регулярный характер рубрике «Зарубежная мозаика», усилив в ней контрпропагандистскую линию. Хотелось бы также увидеть в ближайшем будущем на страницах журнала постоянную рубрику, где могли бы поделиться своими размышлениями комсомольские работники всех ступеней— от секретаря первичной комсомольской организации до секретаря ЦК ВЛКСМ. Следует подумать и над тем, как расширить географию публикаций.

Ю. СОКОЛОВ,
секретарь Одесского обкома ЛКСМ Украины

Особый интерес читателей вызывают материалы, поднимающие вопросы нравственного становления личности, социально-экономического развития страны на современном этапе, досуга молодежи. Хотелось бы видеть на страницах журнала больше материалов, посвященных перестройке работы комсомольских организаций в духе решений XXVII съезда КПСС, актуальной международной проблематике.

Н. КРАВЧЕНКО,
секретарь Донецкого обкома ЛКСМ Украины

Где и как создаются молодежные центры, каковы формы их работы, как создаются и функционируют клубы и объединения по интересам, как можно ориентировать работу с подростками по месту жительства— вот вопросы, которые волнуют молодых. В нашей области остро стоит вопрос с обеспечением жильем молодых семей, делаются первые шаги по созданию МЖК. Хотелось бы на страницах «Смены» познакомиться с опытом строительства МЖК и работой в уже отстроенном комплексе.

С удовлетворением встречена нашей молодежью, особенно девушками, рубрика, которую ведет художник-модельер В. Зайцев.— «Молодежная мода». В связи с этим пожелание приглашать в редакцию журнала косметологов, парикмахеров, которые могли бы своими практическими советами помочь правильно выбрать грим, сделать прическу.

К сожалению, «Смена» не балует повестями и рассказами о комсомольских работниках. Может быть, привлечь к этому молодых прозаиков?

Хотелось бы, чтобы «Смена» вернулась к традиции публиковать в конце каждого номера ноты и текст полюбившихся молодежи песен, да еще неплохо бы рассказать историю их создания.

В. МАРКОВ,
секретарь Кемеровского обкома ВЛКСМ

На страницах журнала надо больше говорить о проблемах молодой семьи, об отношении молодежи к моде, современной музыке.

Ваш журнал является не только общественно-политическим, но и литературно-художественным. Поэтому в «Смене» хотелось бы чаще видеть произведения молодых литераторов, пусть даже и спорные. Необходимо, нам кажется, и периодические обзоры новинок литературы, которые служили бы молодым своего рода компасом в книжном море.

А. ШАРЫПКИН,
секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ

Интересна организованная редакцией экспедиция «Смены» «Западная Сибирь— люди, проблемы, факты». У нас, дальневосточников, есть предложение— организовать подобную экспедицию по Дальнему Востоку.

А. ТИШУТИН,
секретарь Хабаровского крайкома ВЛКСМ

Несколько эпизодов
из жизни директора

ПОД КРЫШЕЙ

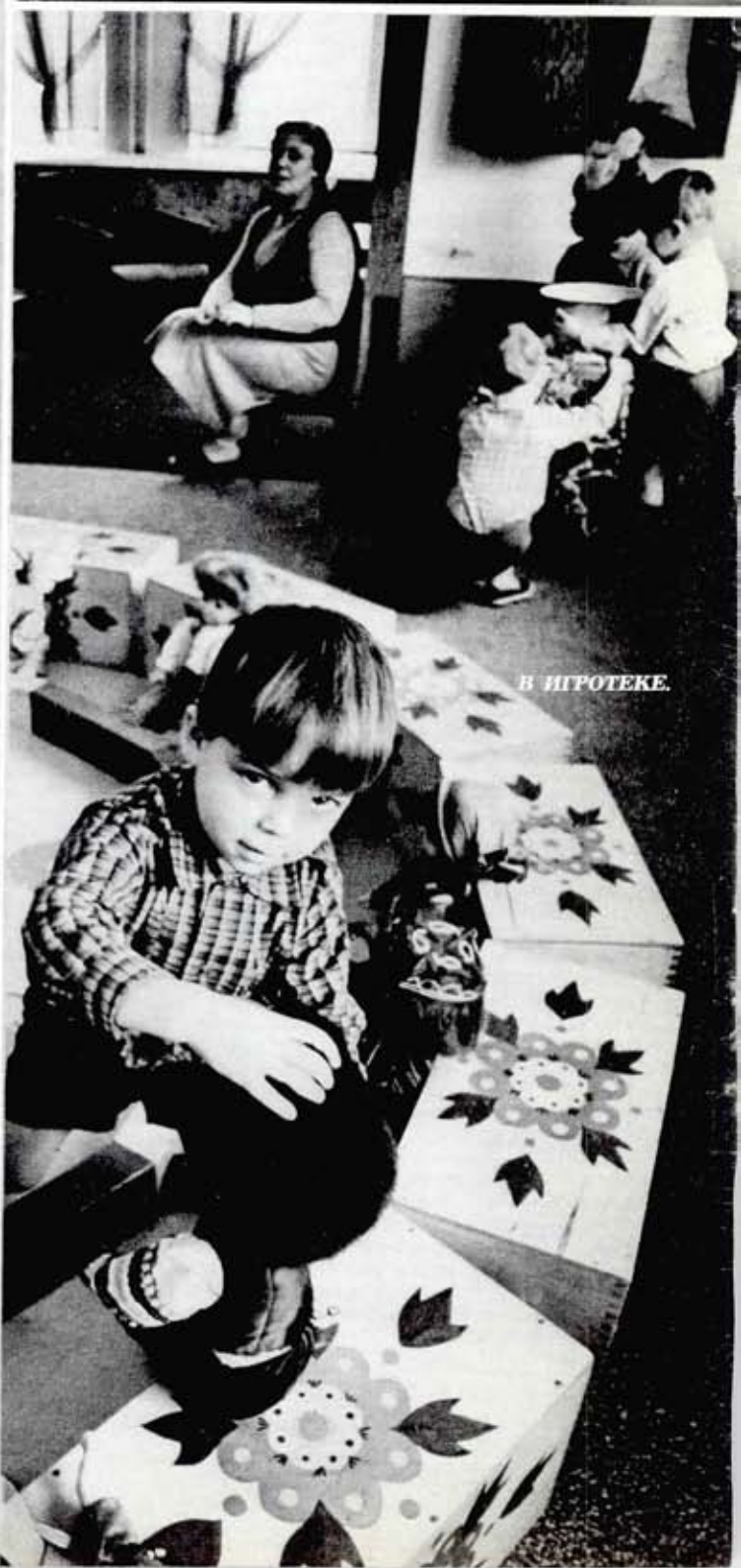
ЗОЛУШКА ПЕРЕД БАЛОМ.

ДОМА СВОЕГО

ЧАС МУЗЫКИ.

В ИГРОТЕКЕ.

ТИХИЙ ВЕЧЕР ПОД ГРОМКУЮ МУЗЫКУ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

 Требуется всех сил души

...Вот уже сколько лет прошло, но самым добрым словом вспоминаю я педагогов из дошкольного детского дома, где воспитывалась. «Смена» много внимания уделяет проблемам школьных детских домов (могу судить об этом, поскольку слежу за всеми публикациями рубрики начиная с 1981 года, то есть со времени ее открытия), но не помню, чтобы вы рассказывали о воспитателях дошкольного детского дома. А ведь работа здесь особенно сложна и ответственна, требует всех сил души...

Валентина НИКОЛАЕВА,
Волгоград

**Детский дом —
теплый дом**

Максим АЛЕКСЕЕВ

В воскресенье в детском доме произошло ЧП: во время прогулки потерялась Оля Кондратьева. Воспитатели, разумеется, тут же обыскали все укромные уголки двора — мало ли куда мог спрятаться шестилетний ребенок. Но Оли и след простыл. Девочка словно растворилась в большом микрорайоне Ленинграда, где кварталы домов разрезают магистрали с мчащимися на полной скорости автомобилями.

Правда, когда Бетти Александровна бегом спускалась по лестнице своего дома, она уже знала, что ничего страшного не произошло. Пока не произошло: Олю видели в окне квартиры, где живут ее бабушка и дедушка. Но телефонная информация не успокоила директора. Скорее наоборот, еще больше встревожила.

С момента телефонного звонка для директора детского дома № 31 Бетти Александровны Потапенко словно включился невидимый секундомер: надо успеть, во что бы то ни стало успеть. Она выбежала на улицу, позабыв от волнения захватить сумочку с деньгами и документами...

— Бетти Александровна, наконец-то! — встретила директора воспитательница. — Там Оля, там. Только одна туда не ходите, я сейчас за милицией...

В окнах квартиры Кондратьевых появились какие-то пьяные лица, беззвучно шевелили губами, улыбались ехидно и исчезали.

— Долго! Лучше денег одолжите — за такси расплатиться. И пошли в квартиру. Справимся!

Но перед дверью даже ей, человеку далеко не робкому, на мгновение стало не по себе. Квартира на первом этаже пользовалась в округе недоброй славой: ее драчливых обитателей соседи редко видели трезвыми. Совсем недавно здесь на глазах у маленькой Оли совершилось дикое преступление: ее отчим в пьяной драке убил человека. Убийца, а вместе с ним и мать девочки — она проходила по делу соучастницей — были осуждены на длительные сроки, девочка оказалась в детском доме. А дебоши в квартире продолжались. С той лишь

ВОСПИТАТЕЛЬ
АННА АЛЕКСЕЕВНА ИВОЧКИНА
ВЕДЕТ ЗАНЯТИЯ
ПО РИСОВАНИЮ.

КТО ТЕБЕ СНИТСЯ?

разницей, что пьянствовали и дрались теперь родственники осужденных.

...Бетти Александровна нажала кнопку звонка, и через минуту дверь наконец отворилась. Поталенко решительно шагнула через порог:

— Я директор детского дома. Где девочка?

Осоловевшие хозяева ухмылялись и прятали глаза. Оли в квартире не было. Но ведь ее видели в окне полчаса назад!..

— Куда вы дели нашего ребенка?!

«Нашего»... Она не оговорила. Какое отношение к маленькой Оле имеют эти вконец опустившиеся люди?

Бетти Александровна чувствовала, как убегают драгоценные минуты, но не уходила из комнаты.

— Да они ее через окно выпустили. По дворам, по чердакам теперь ищите...—не выдержала одна из Олиных теток. Настойчивость директора сломила ее.

Олю, бледную и продрогшую, нашли лишь поздно вечером. Родственники уверили девочку, что прятаться надо подальше, потому что за побег ее ждет наказание.

Увидев Бетти Александровну, Оля опустила голову в ожидании выговора, но выговора не последовало. Наоборот, по дороге домой директор, как могла, старалась успокоить девочку.

— Голодная, наверное? Сейчас поужинаем, повара пирог испекли, ребята уже пробовали — вку-у-сный! И спать, да? Устала, набегалась за день, хорошо спать будешь...

И только когда Олю искупали, накормили, когда убедилась Бетти Александровна, что ребенок заснул спокойно, она поняла, что сегодняшняя маленькая победа за ней. И лишь тогда спало напряжение и Поталенко позволила себе вспомнить о внуке, которого, убегая выручать Олю, оставила у соседки.

В последние годы случаи усыновления ребят из детского дома стали редкостью. «Берут ведь обычно лишь здоровых, а наши-то теперь многие с неврозами, а то и похуже, — горько вздохнула старший воспитатель Тамара Иосифовна Мишина. — А детдом у нас для здоровых. Значит, и лечить мы можем только валерианкой, а еще — заботой и добротой...»

...Вечер. В комнате сказок расположились трое девочек, каждая выбрала себе куклу, разумеется, самую красивую, и что-то тихо нашептывает ей на ухо. Игрушек кругом много, стоит лишь найти свою и открыть ей по секрету все, чем дышит твоя душа. Педагоги знают, как дороги их воспитанникам эти минуты, и не торопятся нарушать уединение.

Был в директорской практике случай, когда у матери, бросившей ребенка, казалось, проснулось материнское чувство. Увы, ненадолго.

...У Сережи Трофимова (фамилии детей по понятным причинам изменены) оказалась тяжелая болезнь сердца. Предстояла сложная операция, длительное и трудное лечение. Навещая ребенка в клинике, детдомовские педагоги всякий раз встречали его мать, сутками сидевшую у постели сына. И врачи отзывались о ней хорошо:

— Сережу своего любит, ухаживает, переживает очень. Жаль, что родительских прав лишили. Может, поторопился?

Бетти Александровна посоветовалась с инспектором по делам несовершеннолетних и решила рискнуть. Оформили все документы, как полагается, и вернули матери сына. И хорошо, что соблюли тогда все формальности, потому что через некоторое время в кабинете директора раздался звонок из прокуратуры:

— Вам известно, что мать Трофимова опять пьет и неделями не появляется

дома, а мальчику снова нужна медицинская помощь?..

Сказать, что директор проклинала час, когда пошла навстречу той женщине? Это будет неправдой. Просто она не могла упустить последней, пусть и неоправдавшейся возможности вернуть ребенка мать. Жаль только, что мать Сережи не смогла использовать этот последний свой шанс.

Наверное, атмосфера постоянного нравственного напряжения, которая присутствует в детском доме, вырабатывает у педагога какую-то особую меру милосердия и к детям, и к их заблудшим родителям. Позволяет определить, где доброта оборачивается приторной жалостью, а где — попустительством злу.

Но неужели оживить родительские чувства у людей, затаянных в воронку нетрезвой жизни, вообще невозможно? Увы, практика директора ленинградского детского дома № 31 почти не знает здесь примеров положительных. Помнит Бетти Александровна, как передавала рыженькую Валюшку ее матери — проснулась совесть у непутевой женщины. А год спустя девочка сама (!) упростила родительницу вернуть ее в детский дом. Нужны ли комментарии?

Поталенко размышляет об этом, слушая восьмилетнего Валерку. Мальчик именно для нее хотел сыграть сонатину Клемента — пьесу, которую он недавно разучил, занимаясь в капелле имени Глинки. Музыка звучит в пустом зале, где от вчерашней танцевальной репетиции остались на стульях бумажные цветы и яркие костюмы, и светла эта музыка, как глаза мальчишки...

Первого сентября, когда воспитанники старшей группы впервые отправились в расположенную по соседству школу, директор пригласила в детский дом родителей их одноклассников. Она водила взрослых по уютным комнатам, по нарядно украшенным залам, показывала удивительный зимний сад и диковинную избу сказок. Демонстрировала игрушки, о каких порой лишь мечтать могут дети из «благополучных» семей.

— Поймите, мы прекрасно обеспечены материально... У нас отличные шефы. Поймите, что с детьми в детских домах работают люди очень внимательные и самоотверженные...

Зачем она это говорит? Чтобы посторонние взрослые поохали и повосхищались? Нет.

— ...Но при всех наших усилиях самый идеальный детский дом все равно не станет домом родительским.

Взрослые нахмурились и задумались. К чему она все-таки клонит?

А клонила Бетти Александровна лишь к тому, что и Оля Кондратьева, и Сережа Трофимов, да все сто тридцать воспитанников их дома прожили первые годы свои, годы, когда родители ломали их судьбы, не на заброшенном хуторе и не на необитаемом острове. В обычных микрорайонах, в плотно заселенных многоэтажках. На глазах у многих людей, которые не вмешались вовремя, не помогли. Словно отложили свою доброту на потом.

Нет, за тех, кто уже попал сюда, вступить есть кому, педагоги не дадут в обиду. А вот за новых кандидатов в детдомовские воспитанники бороться можно только сообща. Всем миром.

...А ребята врываются в подъезд, раскрасневшиеся от холода и быстрого бега, и спешат поделиться сегодняшними школьными радостями. «Пятерка, у меня пятерка!» — «И у меня тоже!» — «А я только чуть-чуть стихотворение забыла, и уже четыре». Бетти Александровна встречается в коридоре и тоже спешит расспросить каждого, ведь каждому нужна хоть капля внимания.

— Молодцы, вы все у меня молодцы! — радуется директор и вдруг всплескивает руками. — А ведь обед стынет! Ну-ка, раздеваться, мыть руки и за столы...

ВСТРЕЧИ

Леонид БЕЖИН

РАССКАЗ

Я

часто встречаю людей, воплощающих свойство, именуемое мною комнатной экзотикой. О, это особые люди, настолько непохожие на обычных, что приходит на ум сравнение. Вот, скажем, растет из земли дуб, и, с какой стороны ни взгляни, все правильно, в полном согласии с порядком вещей: вцепился в землю корнями и сидит в ней крепко. А вот прилепился к камням цветок, и сам-то весь неказистый, и не поймешь, чем же он за камень-то держится: весь вывернулся, искривился, и кажется, дунешь — и тотчас сорвется...

Таких прилепляющихся к своим комнатенкам людей я знаю много. И не то чтобы мы были близко знакомы, но я их словно бы инстинктивно угадываю. К примеру, был однажды консерваторский вечер — один из тех, на которые почти никто не ходит. Зал полупустой, аплодисменты жидкие, да и артисты не в ударе. Но я не уходил, привлеченный не столько тем, что происходило на сцене, сколько теми, кто сидел в зале. На плохих концертах — я уже успел заметить — собирается самая причудливая публика из числа тех, для кого более всего важен сам факт их присутствия на концерте, а не дома за телевизором или кухонной плитой. Это люди, особенно остро ощущающие каждый миг своего существования, — домашние философы экзистенциального толка. Жизнь для них складывается из простых и значимых актов: кормления воробьев и бездомных кошек, чтения объявлений на фонарных столбах и разговоров на скамейках бульвара. При этом она вряд ли заслуживает названия созерцательной жизни, потому что причуды и странности в людях скрывают деятельность души — может быть, самую главную для человека.

Однако вернемся к теме. Чуть поодаль от меня и сидел такой домашний философ в заношенном пиджаке и войлочных ботинках, со слуховым аппаратиком в ухе и под аккомпанемент скрипки увлеченно передвигал карманные шахматы, а рядом с ним я увидел старую женщину с надменным лицом, неестественно прямо и напряженно державшую спину, и что меня в этой женщине особенно удивило — выведенное молью боа и бельевые перчатки до локтя, какие в старину носили на балах. Конечно же, это были люди комнатной экзотики, причудливые, как вензель на обоях. Сразу сознаюсь: я не из их числа и в то же время не отношу себя к людям, противоположным настолько, чтобы не испытывать к ним никакого интереса. Интерес — самый жгучий — я как раз и испытываю. Мое любопытство дразнит цветок, прилепившийся к камням, и хочется узнать, где он берет почву, чтобы расти. Ради этого научного знания я даже готов на эксперименты: дернуть за стебелек и попробовать силу корней. Выдержат или нет?

Но произошла история, научившая меня, что экспериментировать с цветком нельзя. Странности, встречающиеся в жизни, надо беречь и лелеять, как старые уловки города. Надо любить и уважать чудачков, потому что их жизнь, может быть, гораздо серьезнее, чем наша собственная, а сами мы и есть настоящие чудачки, только боимся себе в этом признаться.

1

Сенсацией нашего курса была женитьба Аркаши Сергеева на Кирочке Кулаковой. В консерваторской курилке, у большого зеркала, висевшего в раздевалке, и в репетиционных классах только и разговоров было, что о молодом семействе, напоминавшем, по мнению многих, причудливый гибрид двух растений. Консерваторское зубоскальство, впрочем, удовлетворялось лишь внешней стороной парадокса, вызывавшего в памяти тени Жорж Санд и Шопена. Киру изображали не иначе как роковой возлюбленной, одержимой манией семейного диктаторства, а Аркашу — ее слабой жертвой, чем-то вроде мужа-мальчика и мужа-слуги. И мало кто задумывался, что Шопен и его амазонка здесь совершенно ни при чем и вся история куда более в духе Сретенки и московских переулков, чем Монмартра и Елисейских полей.

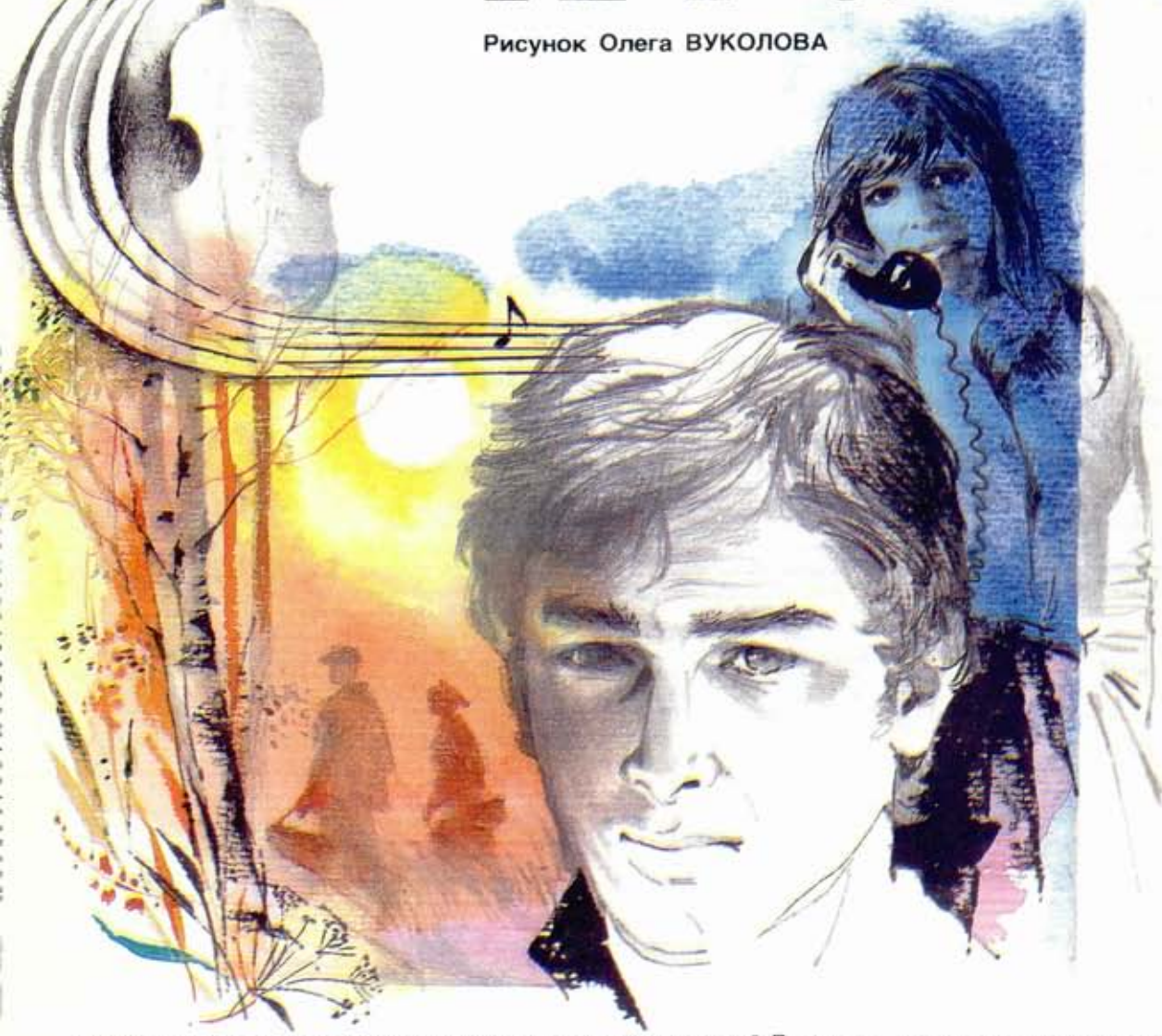
Аркаша, собственно, и жил на Сретенке, в этом маленьком государстве со своими законами, своими домами и тротуарами, своим — особым — населением, совершенно непохожим на население других московских государств — Самотеки и Арбата. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Аркашин дом с колоннами, античными масками и изразцовым фризом, тротуар вокруг которого предусмотрительно огорожен досками, потому что карнизы грозят вот-вот обвалиться, а с колонн сыплется штукатурка. Любой из тех, кто бывал у Аркаши, может засвидетельствовать, что его старый угол — лучшее место в Москве, чтобы к нему прилепиться. Стоит свернуть со Сретенки в кривой переулок, нырнуть под темную арку, пересечь двор и, поднявшись по лестнице черного хода, оказаться в крошечной комнатке, хотя и согреваемой паровым отоплением, но сохранившей белую печь с чугунной дверцей поддувала и медными крышечками отдушин, как вас охватывает ощущение, что вы погребены, забыты, предоставлены лишь собственным мечтаниям. Признаюсь, и я поднимался, и меня охватывало, а уж Аркаша — он просто сросся со своей Сретенкой.

Одним из проявлений его комнатной экзотики была, например, боязнь телефонных разговоров. Аркаше нужно было собрать все душевные силы, чтобы позвонить по неотложным делам, а уж позвонить без всяких дел, между прочим, — такое было для него немислимо. Точно так же и с ним нельзя было просто поболтать по телефону: Аркаша мучился, и в трубке, казалось, было слышно, как панически колотится его сердце. Зная за ним эту слабость, я нарочно испытывал Аркашу, заводя с ним иезуитски длинные разговоры по телефону и особенно разыгрывая самую болезненную для него ситуацию, когда собеседникам нечего сказать друг другу и меж ними воцаряется неловкое молчание. Я не тяготился этим молчанием, но Аркаша страдал, как никто. И еще я заметил за ним черту, свойственную людям такого типа: из страха перед неловкими паузами и ради иллюзии полноценной беседы они способны удариться в откровенность, которую вы совершенно не вправе с них спрашивать, и вместо того, чтобы отделаться пустяками, отчаянно поверяют вам свои душевные тайны.

Признаюсь, я часто пользовался этим, что тоже входило в число экспериментов. Я старался как можно больше выведать об Аркаше, оправдывая себя тем, что

НА СРЕТЕНКЕ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

первые анатомы не стеснялись вскрывать могилы ради научных знаний. Подчеркиваю — именно научных, потому что я никогда не интересовался тем, чем интересуются из праздного любопытства. Сколько зарабатывает, с кем развелся, на ком женился — это тема для сплетен, меня привлекал гораздо более странный и возвышенный предмет. Может быть, и сам я отчасти философ, но в каждом человеке я стремился отыскать и дею, спасающую от того мучительного, что есть в жизни. Мне слишком хорошо знакомы состояния тоски, отчаяния, разочарования в себе и обиды на весь мир, и поэтому хочется знать, как другие-то спасаются. Должна же у них быть идеяка — такая зацепочка! Для Аркаши зацепочкой была духовность, в которую он свято верил, оставаясь при этом человеком комнатной экзотики. Аркашину комнату я сравнивал с гимнастическим залом, где его воображение проделывало головокружительные прыжки и кульбиты. В ней он был способен на смертельный риск, на отважные и дерзкие поступки, но, лишенный ее, терялся, словно человек, выведенный из гипноза, и повторить свои подвиги не мог.

Теперь о Кире. Она никогда не заполняла неловких пауз откровенностью, и я вынужден опираться на собственные догадки, пытаюсь рассказать о ней. С Кириой бесстрашие экспериментатора мне всегда изменяло, и в душе тяжелел мучительный, потаенный ком. Может быть, это объяснялось тем, что Кира была красива какой-то венгерской или молдаванской красотой, статная, сбитая, черноровая, красота же сама по себе могла считаться редкостью, а всякая редкость привлекательна. Естественно, что в Киру влюблялись, у нее было несколько романов, самым бурным из которых я считаю роман со мной. Дошло даже до свадьбы — вот ведь какое дело...

Мы купили кольца — это было зимой в заснеженном Столешниковом переулке, окутанном морозным паром, словно источник гейзера. Все белело в махровом инее, мороз жег губы, солью проступая в воздухе, снег оглушающе скрипел под ногами, клокотал голубиный табор, раскинувшийся на площади. Мы надели кольца, стараясь поймать в стеклах ювелирного магазина свое отражение. «Тебе очень идет», — говорила она. — Мужчинам вообще идут кольца. Какой хорошей обычной, а ведь многие их не носят! Как это глупо! — Конечно... прекрасный обычай! — шептал я восторженно. Мы выбежали на площадь, стали кормить голубей сухим печеньем, оказавшись у нее в сумочке. Потом забрались в полупустой кинотеатр и молча устались на экран, сцепив в напряжении пальцы и словно испытывая друг друга: я-то решил, не отступлюсь, а ты?

Отступила Кира, позвонив мне на следующее утро и сказав, что наша затея ее разочаровывает, мы слишком серьезные люди и слишком хорошо знаем недостатки друг друга, и то, что у нас было, вовсе не обязательно переводить во что-то новое, лучше оставить все как есть. И еще она добавила, что за меня надо выходить замуж во второй или в третий раз, но не в первый, не в первый! Это был почти крик, я помолчал в трубку и то ли в шутку, то ли всерьез ответил, что подожду такого поворота в ее судьбе. Я не удивился словам Киры: в жизни я всегда был вторым или третьим, но никогда первым. Я привык к этому — притерпелся и согласен терпеть и

дальше, лишь бы быть с Кириой. С ней или рядом с ней — все равно.

Однако я не представлялся... Я и есть третий герой этой истории, неплохо владею контрабасом и играю в оркестре одного кафе. У меня звучное имя эстрадной звезды — Олег Вертоградов, но я не прославил его победами на конкурсах, самопожертвованием и подвижничеством. В моей жизни не было бурь, у меня не умирал любимый пес, я не бросал вызов врагу, не терял друзей и близких, но что любопытно: все, с кем это случается, почему-то спрашивают совета именно у меня. Давать эти глубокомысленные и мудрые советы помогает мне то, что я умею быть бесстрастным к происходящему, не осмущивая ни одной из спорящих сторон. В любой дуэли я лишь секундант и арбитр. Сейчас принято собирать коллекции — самые необычные и забавные. Один собирает дверные замки, другой — самовары, третий — старинные лампы. Я же, равнодушный к вещам, коллекционирую людские недоразумения и курьезы, с которыми сталкивает меня жизнь.

2

Между Сергеевыми и Кулаковыми тоже началась дуэль, и мне снова досталась роль секунданта. Молодожены получили различное воспитание, что обнаружилось вскоре после свадьбы. Аркаша был взлелеян бабушкой Анастасией Глебовной, осколком дворянских гнезд, бестужевкой и эмансипэ. Она знала три языка, была страстной гетеванкой и в молодости стенографировала на конгрессах Коминтерна. Именно от бабушки Аркаша унаследовал убеждение в том, что в жизни надо стремиться только к духовному. Ребенком он засыпал под Моцарта, а в десять лет декламировал наилучший отрывок из «Фауста». Анастасия Глебовна воспитала во внуке завидное умение отделять духовное от недуховного, и Аркаша никогда не мог сказать, какой у него воротничок рубашки и размер обуви. Непрактичных людей обычно жалеют, по-моему же, им, наоборот, легко, это беззаботные счастливицы, избавленные от житейского бремени. Вот и Аркаша порхал мотыльком, окруженный духовным комфортом, пока не влюбился в Киру...

Кирочку Кулакову тоже лелеяли с детства, но совсем иначе. Ей не читали шедевров веймарского старца, ее не убаюкивали Моцартом, но зато для нее создавали совсем иной комфорт — материальный. Ребенком она носила самые лучшие платица и туфельки, ее одаривали дорогими игрушками, возили на лучшие приморские курорты. Стоило ей захотеть, и из-под земли доставалось все — даже то, что невозможно было достать. Хозяйство у Кулаковых велось идеально, и в нем никогда и ничто не пропадало. Обеспечивая Кире калорийное питание, они старались как можно реже ходить в магазин и много сил вкладывали в дачу. Анастасия Глебовна же дачников терпеть не могла. «Своя картошечка, свои огурчики». — Она зажимала от этого нос, словно от дурного запаха, и у частных принципиально ничего не покупала. «Рыночный мед и творог?! Это же сплошная антисанитария!» Только в магазинной упаковке, только государственное... От старушки исходил воинственный дух неприятия новых родственников, и Кулаковы платили ей тем же.

Упоенные счастьем молодожены не обращали внимания на вражду своих монтекки и капuletти, и, лишь встречаясь со мной, Кира сеговала на ссоры между родственниками и спрашивала моего совета. Ей хотелось считать меня умным другом счастливых влюбленных, и, выслушав мою речь, она восклицала: «Умничка! Ты не сердись?! Не ревнуй?!» Я уверял ее, что все забыто, а потаенный камень тяжелел в душе, и я успокаивал себя лишь тем, что, если бы возлюбленные из Вероны когда-нибудь поженились, в них бы тоже проснулись монтекки и капuletти. Мне хотелось думать, что в Аркаше и Кире столкнулись две избалованности, два своенравия, два закоренелых эгоизма. Я не сомневался, что Аркаша любит Киру, но, человек комнатной экзотики, он, как мне казалось, никогда бы не пожертвовал ради нее частицей духовного комфорта. Киру же воспитали так, что она умела принимать заботу, но не обладала умением создавать материальный — кулаковский — комфорт для других. Поэтому от их совместной жизни я заранее ждал курьеза.

И я не ошибся. Когда молодожены появлялись вместе у знакомых, эффект был неотразим: брючнокостюмная, вельветово-замшевая Кира, разодетая, как модистка, и с нею Аркаша в замусоленном пиджачке, на котором белеет неотпоротый номерок химички. Кире и в голову не приходило, что, кроме поцелуев, она должна дарить мужу домашний покой и уют, лелеять его, как когда-то и ее лелеяли дома. У нее было несколько портних, ей оставляли модные вещи в магазинах, и она никогда не надевала платье больше семи раз, тотчас сдавая его в комиссионку, если оно чуть-чуть вышло из моды. В мире легкой промышленности у нее действовали проверенные каналы, о существовании которых Аркаша догадывался по коробочкам конфет или духов, время от времени появлявшимся на буфете и сразу же исчезающим. Но мужу она не шила ни рубашки. С такой же милой небрежностью Кира забывала о том, что Аркашу надо кормить, поддерживая в нем жизненные силы. Самое большее, на что хватало ее умения, — это разгреть и подать к столу. Кире быстро надоело стоять у плиты, и она часто норозила сбежать из дома, оставив нож в наполовину разрезанной луковице.

Сам же Аркаша о поддержании жизненных сил вовсе не думал и тратил деньги только на книги, которых Кира почти не читала, оправдываясь тем, что занятия в

консерватории отнимают у нее много времени. «Ничего не успеваю из-за этой музыки», — жаловалась она, хотя на самом деле заниматься музыкой тоже не успевала. Однажды в разговоре ей долго не могли втолковать, что в русской литературе было три Толстых и «Князя Серебряного» написал вовсе не тот Толстой, перу которого принадлежит «Война и мир». Аркаша при этом чуть со стыда не сгорел. С тех пор он осторожно убирал от жены книги, о которых Кира могла изречь нечто подобное, и оставлял лишь проверенные временем шедевры вроде «Королевы Марго» и «Двенадцати стульев». Между супругами пролегла первая трещина. Забегая ко мне в кафе, Кира садилась за столик и потерянно смотрела перед собой. «Снова родственники? Не договорились между собой?» — спрашивал я, настраивая мой контрабас. «Нет, нет, они прекрасные люди, особенно Анастасия Глебовна», — отвечала Кира, чтобы сейчас же добавить: — А вот Аркаша... И я опять давал ей советы.

3

Забегал ко мне и Аркаша, чаще всего затем, чтобы перехватить до стипендии, но однажды занял крупную сумму. По словам Аркаши, ему позвонил Вадим Августович, знакомый оценщик из букинистического, и сообщил по секрету, что есть альбом его любимого нидерландца, в хорошем состоянии, но очень дорогой. Аркаша два раза пропускал случай купить такой и все из-за денег. Было ясно, что больше трех раз ему не повезет и если нидерландец уплывет в чьи-то руки, то счастье уже не повторится. Поэтому Аркаша и решил занять и, окрыленный, помчался в букинистический.

Заполучив нидерландца, Аркаша принес его показать. Мы уселись за столик с таинственным видом якобинцев, замесливших наложение на Бастилию. Прежде всего Аркаша исследовал качество типографской печати и, лишь убедившись, что никаких дефектов нет, предался эстетическому наслаждению. Я тоже склонился над альбомом. Изумительна была грубоватая тяжесть мазка, присутствовавшая в любой картине. Замысел художника казался простым и безыскусным: он показывал все как есть, заботясь лишь о том, чтобы можно было подробно разглядеть каждую мелочь. При этом даже в самых страшных сценах он не стремился устрашать, а лишь слегка пугал, как пугают детей рассказами о ведьмах и домовых. Изображенные художником ужасы несли печать здоровой сельской наивности, но Аркаша как бы договаривал за нидерландца то, о чем тот предпочитал умалчивать. Он упивался этими ужасами как чем-то зловещим и саркастически торжествовал вместе с художником. Под влиянием этих чувств Аркаша даже заказал вина, а я поднялся на сцену, где собирался наш небольшой оркестрик — саксофон, ударные и труба. В это время на пороге зала появилась молодая женщина с двумя тюками в руках, и мы с Аркашей узнали Киру.

— Ты?! Недурно проводишь время, — сказала она, с трудом осваиваясь с ситуацией, что человек, удививший ее чуть ли не до легкого шока, есть не кто иной, как ее собственный муж. — По какому случаю банкет?

Аркаша пожал плечами, показывая, что ответ вовсе не затрудняет его.

— Обедаю... Весь день ничего не ел.

— И не пил? — спросила Кира как раз в тот момент, когда официант поставил на столик сухое вино.

— Давай вместе выпьем, раз уж мы здесь встретились, — сказал Аркаша, лишь робко намекая, что они в равной степени грешники, так как подробный счет грехов был бы явно не в его пользу.

Кира издала на меня посмотрела, как бы приглашая третьим за этот нелепый стол. Она не удостоила Аркашу ответом и, отодвинув бокал, заказала официанту шашлык.

— А это что за карикатуры? — спросила Кира, заметив альбом, и я понял, что Аркашину восторгу от восприятия живописи сейчас будет нанесен невосполнимый урон.

Он тихо назвал имя нидерландца.

— А кроме уродов и пьяниц, твой живописец что-нибудь рисовал? — Она подчеркнуто сближала пьяниц, изображенных художником, с пьяницами, сидящими рядом с ней.

— Не рисовал, а писал... Красками, — смущенно поправил Аркаша, не притрагиваясь к бутылке.

— Ну, правильно... А я что сказала?

Кира потянулась за альбомом, и тут — о боже! — задетая ее локтем соусница, которую только что принес официант, опрокинулась на страницы. Шашлычный соусрызнул на фирменные репродукции.

— Прости... — пролепетала Кира.

Я с ужасом представил, что сейчас будет. Любой человек на месте Аркаши превратился бы в разъяренного монстра, и мне казалось, будто я уже слышу звон бьющейся посуды, грохот падающих стульев и бранные крики. Я был уверен: Аркаша и Кира поссорятся так, что никакое примирение не будет возможно, и, признавшись, мне даже хотелось этого. Но, увы, я не учел одного: застенчивый человек, Аркаша просто не мог кричать и бить посуду.

— Ерунда... не имеет значения, — сказал он, пытаясь всем лицом изобразить беспечность.

— Правда, ты не сердился? — Кира украдкой взглянула на свое платье и, увидевшись, что оно не пострадало, с еще большим сочувствием улыбнулась мужу.

— Конечно, нет... Нисколько.

— Милый, я такая растяпа! Я так виновата перед тобой!

— Ну, а ты что купила? — спросил Аркаша, словно боясь того, что его покупка слишком долго служила предметом разговора.

— Сапоги и чудесные туфельки, — оживилась Кира. — Мне так повезло... Правда, пришлось занять денег.

Влюбленные зашептались, и я отвернулся, чтобы не мешать им. Одна немаловажная подробность: кредитором Киры тоже был я.

4

Бывает, вам попадает лесная редкость — причудливо сросшиеся корни или переплетенные стволы берез, — и невозможно представить, как же они держатся вместе. В вас возникает навязчивое беспокойство: как? Ответа вы не находите, да его и нет, собственно. Природа любит создавать странности, не подчиняющиеся биологическим законам, и почему бы не принять этот факт как он есть? Пусть тайна останется тайной... Но вы упрямы, вам хочется докопаться до истины, и вы не успокоитесь, пока не разрушите природное своеволие и не уничтожите чудо.

Весной Аркаша готовился к конкурсу скрипачей, а у меня был отпуск, и мы втроем — влюбленные и их умный друг — махнули в Прибалтику. В таллинских пригородах, среди камней и сосен, мы сняли верх недорогого коттеджа и жили там, как бременские музыканты. Весна выдалась зябкой и ветреной, на прибрежной гальке ночами намерзал иней, крупный, словно английская соль, и в комнатах пахло смолой и хвоей. По утрам мы бегали к соседям-эстонцам за молоком и сметаной.

Кира готовила нам омлеты, и, позавтракав, я брался за контрабас, а Аркаша за скрипку. Поначалу я старался не уступать и работал с таким же пылом, как и он; у нас тоже был маленький конкурс. Но затем, слыша волшебные тембры, извлекаемые Аркашей из хрупкого инструментика, я опустил смычок, понимая, что мои старания тщетны, и со спокойной совестью шел курить.

Вскоре местная почталыонша в куцей шубейке и перепачканных грязью ботах доставила нам телеграмму: бедственно захворала Анастасия Глебовна, что-то с почками, положили в больницу. Аркаша заторопился на поезд, а я поспешил предупредить стихийный порыв Киры: «Зачем вам ехать вместе! Для старушки это лишние волнения. Лучше Аркаша съездит один и поскорее вернется». И тут на язык подвернулось, и я добавил: а мы с Кирой будем его ждать. Добавил и, сам того не ведая, оказался прав... Аркаша уехал в Москву, а мы с Кирой, как и прежде, хозяйничали в коттеджике, каждый день приносили к себе наверх бидончик молока, выливавшегося из-под крышки, и обсуждали с соседями виды на урожай. Перед поездкой в Прибалтику Кира в очередной раз спросила меня, простил ли я ее и не ревную ли, и я в очередной раз ответил: «Простил... не ревную», — но камень, камень тяжелевал в душе, когда я разыгрывал платоническую жажду товарищества. Двенадцать часов в сутки я был свидетелем несноснаго зрелища: Кира ждала мужа. Я готов был доказывать всем, что она не должна его ждать. Она не из того теста, Кирочка Кулакова, уж я-то знал! Но вопреки всем моим доводам Кира постоянно, в любую минуту дня и ночи ждала и этим доводила меня до бешенства. Что за диковинное чудо эта чета Сергеевых! И у меня возник непреодолимый соблазн разрушить это чудо...

Я услышал от хозяев коттеджика, что неподалеку открылся маленький дорожный ресторанчик, где посетители сами жарят шашлыки, и мы с Кирой решили туда наведаться. По ошибке мы выскочили из автобуса раньше, чем нужно, и дальше побрели пешком. Вскоре мы оказались возле карликового весеннего водопада, образовавшегося невесткой как: стекло по плоским камням, щелкало, бурлило, лепетало что-то алмазно-холодное, сияющее на солнце. Надо было перепрыгнуть на другой берег. Я проделал это вполне благополучно, а Кира по неосторожности зачепнула сапогом, и сели мы с ней сушиться. Она стащила с ноги сапог, выжала шерстяные носки, а я соорудил костерок. И словно бес меня подтолкнул...

В лыжной куртке с откинутым капюшоном, удрученная и несчастная, Кира была такой красивой, что мне мучительно захотелось ее поцеловать. Я приблизился к ней, разглядывая ее исподлобья. Она удивленно вскинула брови и насмешливо ждала. Я обморочно протянул руку к ее волосам. Она резко выпрямилась и оттолкнула меня, хотя поцелуй мне все же достался, правда, ценою увесистой оплеухи. Я готов был крикнуть: ну, зачем ты лжешь, разыгрывая эту нелепую верность, ведь тебе нужен я, а не Аркаша! Разве ты забыла, что шептала мне ночами, когда, опустошенно-счастливые — голова к голове, — мы падали на подушки? Как ни притворяйся, ты не сможешь без меня, ведь мы похожи, словно близнецы. Наверное, слишком похожи, поэтому ты бросила меня. Похожи хотя бы тем, что мы оба без странностей, без причуд — нормальные люди. У нас общие привычки, от которых ты еще не отвыкла. Даже краник газовой плиты мы одинаково закрываем в обратную сторону... даже...

Но я промолчал, и, чтобы не испытывать мое терпение, Кира торопливо сказала:

— Пойдем, Олег, пора...

Она вновь натянула сапог.

— Пора так пора...

Я засыпал костерок снегом, не делая ни малейшего движения в ее сторону.

— Пора, иначе мы здесь останемся навеки. — Кира улыбнулась, как бы приглашая и меня улыбнуться ее шутке.

— Навеки так навеки. — Я отвернулся и посмотрел в сторону, словно бы извиняясь за то, что не улыбнулся вместе с Кирой.

— Значит, ты все же ревнуешь и ничего не забыл! Поэтому и затеял эту поездку! — с облегчением воскликнула Кира.

Она как бы испытывала, что мне дороже — мои собственные слова или она, находившаяся в противоречии с ними.

— Ничего это не значит. — Я стал заталпывать шипевшие угольки.

— Ты серьезно? — Она не знала, в чем сомневаться — в моих словах или во мне.

На этот раз я улыбнулся, как бы подсказывая Кире, что во мне она может не сомневаться.

— Гораздо серьезнее, чем ты думаешь, — ответил я и первым двинулся дальше.

5

В ресторанчике — вот неожиданность! — я встретил Вадима Августовича, оценщика из букинистического магазина, с которым был знаком. Он тоже проводил отпуск в Прибалтике, бродяжничая дикарем и меняя стоянки. Вадим Августович исповедовал непонятный для меня образ жизни: яйцеголовый, с животиком и плешью, он до синевы выскабливал бритвой морщинистое лицо и смотрел на всех бесцветным, скужающим взглядом. Но при этом он пользовался успехом у дам, и его привыкли видеть в обществе экстравагантных манекенщиц. У него была репутация холодного циника, и, пропитанные жгучим ядом, его остроты кочевали из уст в уста. Вадим Августович собирал красивые вещи — серебро, фарфор, бронзу, и двери его холостяцкого жилища оставались для всех закрытыми. Идеалом Вадима Августовича было английское одиночество с камином, и он казался себе сухопарым лордом, греющим у огня озябшие руки и поглаживающим пятнистого дога, лежавшего на персидском ковре...

По Прибалтике он путешествовал с молоденькой манекенщицей, кутавшейся в короткую шубку и не снимавшей с головы вязаной шапочки. Вадим Августович представил ее как Настеньку, а потом по ошибке назвал Сонечкой. Я обрадовался застойной компании — одиночество с камином для нас с Кирой равнялось бы пытке. Под ядовитые каламбуры Вадима Августовича мы выпили по глотку шампанского, Кира слегка опьянела, стала громко смеяться, капризно жаловаться на сквозняк и кутаться в спортивную куртку, словно ее била дрожь, и я почувствовал, что она близка к истерике... почувствовал это и яйцеголовый лорд. Меж ним и Кирой началась скрытая дуэль, в которой он все более обволакивал ее своим потертым обаянием, а она — как пьют отраву сквозь стиснутые зубы — с отчаянной безнадежностью поддавалась ему. «Вы собираете фарфор? О, я заинтригована... У вас дома есть настоящий дог? А он не опасен для ваших гостей?» Я видел, что Кира гнула, но не встал и не увел ее. Я оставался секундантом. «Пусть не я, а этот лордик докажет, что она все-таки не ждет мужа!» — подумал секундант и пригласил танцевать Сонечку, которая на самом деле была Настенькой.

Работал джазик, едва тлел притушенный свет в светильниках, в камине потрескивали натуральные поленья, и мы, танцую, обо всем забыли. Настенька, переименованная в Сонечку, оказалась достойной партнершей, и я тоже старался, как мог. Старался не отстать от Настеньки, старался не смотреть на Киру, старался не думать о Вадиме Августовиче. Не смотреть и не думать. Но внезапно меня словно бы обожгло, и я беспомощно остановился посреди зала. Ища взглядом Киру, я

молил бога, чтобы она не наделала глупостей. Настенька мне что-то говорила, но я не слышал. Я искал взглядом Киру: где же она? Оставив Настеньку, я ринулся к нашему столику, но там никого не было — ни Киры, ни Вадима Августовича, только записка, прижатая пепельницей: «Встретимся завтра. Кира».

На следующее утро я с Кирой не поздоровался. Мы молча завтракали на веранде, она была бледна и рассеянна, а я в сотый раз терзался вопросом: неужели яйцеголовый лорд своего добился?! Неужели я доказал Кире, что она не ждет?! Чем чаще повторял я этот вопрос, тем неразрешимее он мне казался, и в ощущении безысходного тупика я стал дожидаться Аркашу, чтобы... Да, да, в лихорадочном горении я жаждал высказаться. Наверное, я понимал, насколько это жестоко и каким ударом для Аркаши будет измена жены, но бес подстегивал меня. Когда Аркаша вернулся из Москвы и мы остались наедине, я начал осторожную разведку.

— Как съездил? Как Анастасия Глебовна? — спросил я, а сам подумал, что лучше бы он сейчас съездил мне по физиономии.

— Спасибо, ей гораздо лучше... А вы?

Аркаша, без всяких сомнений, ставил знак равенства между собой и нами.

— Скучали без тебя. Очень ждали. — Мой голос помимо моей воли выделит последнее слово.

— Правда, я быстро? — обрадованно спросил Аркаша.

— Да, ты очень быстро вернулся. Может быть, потому, что не слишком уверен в молодой жене?

Я как бы шутил, что было естественно для двух близких друзей, встретившихся после короткой разлуки. Аркаша лишь улыбнулся, словно бы считая, что было бы нелепо убеждать меня в обратном.

— Видишь ли, я потому спрашиваю...

И я вкрадчиво стал рассказывать: «Вадим Августович... пропадали всю ночь... а утром...» Рассказывая, я не отрываясь смотрел на Аркашу, словно от него зависела моя жизнь. Что он сейчас ответит? Что?!

— Чепуха, — сказал Аркаша.

Я поверил и не поверил, продолжая его оторопело разглядывать.

— Полнейшая чепуха, — повторил он, и тогда я вздохнул с облегчением.

6

В Москве мы расстались. Аркаша и Кира долго не появлялись у меня в кафе, а мне не удавалось встретить их в консерватории, куда я изредка забегал по старой памяти. Профессор Кабанчиков, у которого я учился, маленький, юркий, румяный, слегка привизгивающий при смехе и с задором ударяющий себя по коленям, благоволил к моей великолепной пальцевой растяжке, божьему дару для контрабасиста, и находил во мне музыкальность, призывая избрать поприще концертующего ансамблиста. Но я принципиальный — законченный — неудачник. Мне доставляет наслаждение думать, что во мне что-то такое погибает, перл не перл, но увесистый самородок. О, как это поднимает меня в собственных глазах! Я начинаю сознавать свою значительность, превосходство над удачливыми соперниками. В то же время мои подразумеваемые таланты мгновенно обесценились бы, если бы я вздумал пустить их в ход — борьба истончается. Да и заскучал бы я на классике, милый профессор, — иное дело наш протестный московский джазик...

Итак, я по-прежнему аккомпанировал ударным, саксофону и трубе, не имея вестей о чете Сергеевых, но затем мое невнимание было вознаграждено с лихвой. Я узнал, что Аркаша и Кира поселились на Сретенке: Анастасия Глебовна выписалась из больницы, и ей был нужен домашний уход. Старушка почти не поднималась с постели — выздоровление затягивалось, — и Аркаше приходилось быть сиделкой и домработницей. Он бегал за лекарствами, готовил и убирался по дому, едва успевая урывками готовиться к конкурсу. Минули времена, когда он ценил в жизни только духовное, и теперь он часто брался за скрипку, даже не сняв кухонного передника.

Кира искренне желала ему помочь, но с ее появлением на Сретенке сергеевский быт был взломан, словно асфальт ростком чертополоха. Прежде всего произошла метаморфоза с телефоном. У Сергеевых телефон чаще всего молчал, и звонки были традиционно одни и те же: знакомому из высотного дома, родственникам, в гомеопатическую аптеку. Но благодаря Кире телефон стал звонить непрерывно, и из коридора его пришлось перенести в комнату молодых. Сергеевы недоумевали, с кем можно по стольку разговаривать: час, полтора часа, есть же пределы! Один лишь Аркаша, слушая разговоры жены с продавщицами, портнихами и парикмахершами, понимал, что телефон для Киры — соломинка для утопающего. На Сретенке ей было все чужое. Старые вещи, книги, лепные бордюры, изразцовая печка с чугунной дверцей вселяли в нее беспросветное уныние, и, если не звонил телефон, Кира целыми днями, подобрав ноги, сидела в углу дивана. Здесь, на Сретенке, она не жила, а чхла, и Кулаковы забили в колокола. Начался их новый турнир с капuletти: они упрекали Сергеевых, что те не создали условий для Киры, что ее муж занят капризной старухой больше, чем собственной женой. «Зачем мы отдали дочь в эту семью?!» — спрашивали себя Кулаковы, вспоминая те времена, когда я, отупленный и избитый, появлялся у них с букетиками и весенних фиалок и милыми пустячками в скромных подарочных коробках. Теперь я казался им идеалом...

Вскоре, не выдержав комнатной экзотики, Кира ушла к родителям. Аркаша бросился за ней следом, но вернуться она не согласилась. Молодые надолго расстались, и лишь благодаря мне их удалось помирить. Под предлогом некоего мифического ЧП я порознь пригласил моих друзей в кафе, усадил за столики и нарисовал картину их безумных поступков. «Вы идеальная пара, вы созданы друг для друга, — рокотал я возвышенно. — Вы чудо из чудес, вы ангелы-небожители, так зачем вам опускаться на грешную землю, унижаясь до мелких ссор и размолвок! Оставайтесь таким же чудом, такими же ангелами, дайте нам, смертным, любоваться вами почитательно и благоговейно...» Признаться, я немного фиглярствовал от отчаяния, что снова теряю Киру, но они и ухом не повели. Аркаша и Кира попросту не слышали меня в ту минуту. Намыкавшись в разлуке, эти странные создания пожарили друг друга глазами, ожидая, когда их непрощенный миротворец исчезнет. И я исчез, унося с собой камень, тяжелевший в душе. Словно секунданта, я возвращался с дуэли, где один блестяще победил, а другой блестяще погиб, и вся дуэль напоминала фейерверк, праздник, возвысивший и победителя, и жертву. И только секунданта остался тем же самым. Он не пал и не возвысился. Когда в богатом доме пир и все пьяны, нужна одна трезвая голова следить за тем, чтобы слуги не растащили дорогую посуду. Вот и я был так же трезв, секунданта, скрупулезный арбитр...

Сергеевы помирились, но теперь уже не Кира жила на Сретенке, а Аркаша переехал к Кулаковым. Он решил на этот шаг лишь благодаря исключительным обстоятельствам: после несчастной разлуки ему доставляло трогательный восторг во всем соглашаться с Кирой. И вот сретенский домосед, сплетающий узоры своих фантазий из колебаний комнатного воздуха, вдруг оказался в шумном таборе кулаковской квартиры. Там не было старушки Анастасии Глебовны с ее сверхтактом и сверхделикатностью, и у Кулаковых толкался народ протестный. Через проводников пассажирских поездов им с юга доставляли инжир и дыни, у них вечно

гостили родственники, атаковавшие московские магазины, и Аркаша погибал... Даже собаки, лишенные привычной конуры, вскоре заблевают от тоски, так и Аркаша заблевал без Сретенки, без изразцовой печки, без шатких табуреток на выгнутых ножках и книжной полки с собранием сочинений веймарского олимпийца. Спасло его лишь то, что он внезапно улетел на конкурс — осенью, в конце сентябрьских дней.

7

Аркашу встречала родина Жорж Санд и страна Шопена, а мы с Кирой провожали его в Москве. Битый час простояли мы на аэродроме, под серым дождиком, и Аркаша — я это заметил — мучительно переживал ситуацию, когда собеседникам нечего сказать друг другу. Кира тоже чувствовала себя неуверенно, теребя в руках чехольчик от зонтика, который я держал над ее головой, и всякий раз краснея за свое молчание, когда ненароком сталкивалась взглядом с Аркашей. Я же оставался спокоен, забываясь лишь о том, чтобы ровнее держать зонтик над Кирой. У Сергеевых мне теперь поклонялись как великодушному спасителю, вернувшему семейству мир и благополучие. Кира даже сказала, что хорошо было бы, если б я женился и мы дружили бы семьями. Я ответил, что, женившись, мне труднее будет стать ее вторым мужем, поэтому я подожду... Этот разговор происходил на аэродроме, пока Аркаша оформлял билет. Прекрасный разговор на фоне гигантов аэронавтики...

Вскоре один из гигантов взмыл в воздух, унося Аркашу завоевывать лавры. Мы с Кирой вновь оказались вдвоем. Когда это случается, я — такова уж моя собственная экзотика! — начинаю испытывать восторженную нежность к природе. Вот и теперь я вдруг обнаружил, что осень — лучшее время года, и, чтобы доказать это Кире, стал часто приглашать ее в лес. Мы забирались в лесную глушь, срезали оленки со старых пней, и опять повторялось несносное зрелище: Кира ждала мужа. Но я смирился. Я даже был партнером Кириных ожиданий и сам доблестно наводил разговор на Аркашу: мы, мол, сейчас идем, а он, должно быть... И мы шли, впереди буро темнели овраги, чугунно лиловели дубы, и весь лес был выстлан опавшими листьями, словно новым паркетом. Через тропинку вдалеке перебежали лоси. Поляны накрывал туман, похожий на пар от вскипявшего молока. Потом мы мерзли на станционной лавочке — электричка опаздывала. Накрапывал дождь, стуча по полой ручке грибовой корзины, и пахло железнодорожным гравием, мокрыми шпалами...

Вечера мы коротали в кафе, и я познакомил Киру с джазистами — Васику, Гиви и Аркашей. Да, да, у нас в джазе тоже был Аркаша — он играл на саксофоне, и Кира пожала ему руку с жалкой, растерянной улыбкой. Я же словно нарочно стал рассказывать, как замечательно это от Аркаша играет на своем инструменте (ему бы тоже выступать на конкурсах!), какой он веселый и бесшабашный — мы всегда избираем его тамадой. И действительно, второй Аркаша подсел к нам за столики, и Кира развеселилась, разругивалась, глаза ее ожили, и тут мы закрыли кафе на спецобслуживание (народу все равно почти не было), созвали девчонку-официантку, вытащили на свет божий повара дядю Маврика, маленького, крепкого человека, похожего на японского коврового борца, и закатали пир в честь Киры. Дядя Маврик в диковинных историях летописал для нас ночную жизнь Москвы, второй Аркаша, словно румынский скрипач, самозабвенно импровизировал для Киры, а я отвечал ему под сурдинку на контрабасе.

Отвечал и смотрел на Киру: ждет или не ждет? Вот она рассмеялась, откинувшись на стуле — и не ждет. А теперь задумалась, погрузилась: ждет. Вот снова не ждет и опять ждет. Я уже начал терять надежду, смиряясь с участью вечного партнера ее ожиданий, и вдруг Кира произнесла фразу... Как же она звучала?.. Словом, Аркаша существовал для нее только на Сретенке. Это было все, что сказала Кира, — тема Аркаши и Сретенки для нас умерла. Но мне кажется, что в тот миг я ее понял, но понимаю ли сейчас, не знаю. Если и понимаю, то, как говорится, уже по-своему.

8

Дуэль выигрывают секунданта...

Мы уже много лет женаты с Кирой, у нас милые дети и дружный, гостеприимный дом. Все считают наш брак удачным, и мы согласны с этим. Трудно найти людей, которые подходили бы друг другу больше, чем мы, статная и чернобровая женщина, умеющая скрывать свой возраст, и седеющий мужчина, состарившийся в джазе, живописный, импозантный, благоухающий... Правда, ночами — голова к голове — Кира уже не шепчет мне то, что шептала раньше, но у нас паразитично совпадают даже самые мелкие привычки... Да, да, краник газовой плиты мы по-прежнему закрываем в обратную сторону.

Так почему же иногда я застаю Киру в странной задумчивости и меня пугает выражение тоски в ее глазах? Может быть, она вспоминает Аркашу? Вряд ли... Победив на конкурсе — родина Жорж Санд приняла его на «ура», — Аркаша стал знаменитостью, снова женился и переехал на окраину Москвы, в двенадцатитажный белый дом. Анастасия Глебовна умерла, а родителей он забрал с собой. По городу часто расклеивают афиши с его именем, но мы с Кирой ни разу не были на концерте. Зато мы каждую неделю приходим на Сретенку, к домику, в котором поселились совсем другие люди: Киру неоднократно влечет туда. Я не в силах объяснить, почему, и попросту теряюсь в догадках. Кира и сама ничего не может объяснить, но в тот момент, когда она смотрит на знакомые колонны, арки и античные маски, я начинаю понимать, что в нашей жизни ей не хватает странности, курьеза, загадки, тайны, похожей на сросшиеся корни или сплетенные стволы берез. Впрочем, через минуту я забываю об этом, и мы заговариваем о другом...

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Дорогие друзья! Заставил ли вас задуматься рассказ Леонида Бежина? Каким, по вашему мнению, должно быть соотношение двух важнейших начал нашей жизни — материального и духовного? В рассказе с одной стороны семейство Кулаковых с его культом материального достатка и преуспеяния, с другой — семья Сергеевых, пренебрегающая бытом ради высоких духовных запросов. Нам очень хотелось бы узнать о вашем отношении и к герою рассказа, от имени которого ведется повествование. Кто он, по-вашему, Олег Вертоградов? Холодный и расчетливый «экспериментатор», способный подставить под удар любимую женщину, или человек сомневающийся, неуверенный в самом себе, старающийся спрятать свои истинные чувства за показной бравадой и наигранным равнодушием к людям? Встречали вы в жизни таких, как Олег, дружили с ними подолгу или быстро расставались?

Напишите нам об этом.

Кино поведет за собой ?

Живу в большом микрорайоне. Часто вижу, как подростки из окрестных домов от нечего делать бренчат на гитарах, задевают прохожих. Убежден — они с радостью занялись бы спортом или другим интересным и полезным делом. Но нет вблизи спортплощадки. И, главное, нет человека, энтузиаста, который бы увлек ребят, повел за собой. Вот о каких людях нужно писать побольше.

Е. МАРКОВ,
Курск

ЮНЫИ СТРЕЛОК.
СУЛТАН СУНГАТУЛЛОВИЧ ЯРУЛЛИН
СО СВОИМИ ПИТОМЦАМИ.

ТЕПЕРЬ ДЕРЖИСЬ, ТАРЕЛОЧКИ!

Творческая педагогика
Игорь МАРИНОВ

ЗНАЙ НАШИХ!

Фото Владимира МАШАТИНА

К

рик: «Дай!» И черным прочерком, будто остро скошенным крылом стрижа, стремительно протягивают свои дуги, режут воздух «летающие тарелочки». Вскинуто ружье, выстрел — мимо. Но уже грянул следом второй — и разлетается в крошево мишень... Сижу поодаль, наблюдаю. Сначала спокойно, потом ощущаю, как напрягаются руки, сжимаются колени, волнение стягивает скулы.

И снова: «Дай!»... Рядом пристроился мальчишка. Шепот: «По НЛО — огонь!» Мальчишка же...

Я достал сигарету, щелкнул зажигалкой, но тут же одернул руку, словно губы ожег. «У Яруллина не курят!» — пронеслось в голове не раз слышанное от местных. «Надо же, — подумалось, — даже в фамилии самой звучит что-то раскатное, артиллерийское». Скомкал сигарету — ведь уже вступил во владения Султана, вернее, не в собственно владения — стрельбище, а в сферу несравненно более обширную, где в силе его, Яруллина, неписанные законы. Но об этом расскажу чуть позже, потому что вот он, Султан, идет навстречу, голова слегка набок, поглядывает по сторонам остро, цепко, хитровато.

Султан Сунгатуллович Яруллин — первый директор детско-юношеской спортивной школы в небольшом районном центре, сравнительно недавно просто большим селе Тетюши, что в 129 километрах от Казани, на правом берегу матери рек русских Волги.

Приехав в Тетюши, я привез Яруллина газету, в которой было опубликовано следующее сообщение: «Монтекатини, Италия. Советская спортсменка Светлана Якимова на проходившем здесь чемпионате Европы по стрельбе завоевала серебряную медаль после того, как она в перестрелке, потребовавшейся при равном результате со шведкой Янссон, уступила сопернице. До этого Якимова стала обладательницей золотой медали в командном первенстве. Эта миловидная девушка родилась, выросла и стала заниматься стрельбой на круглом стенде в далеком русском городе Тетюши». (В том же году несколькими месяцами позже Якимова стала чемпионкой мира на первенстве в Венесуэле.)

В тот же день выходящая в Тетюшах газета «Авангард» напечатала заметку под заголовком «Близится школьный звонок». «1 сентября, как и во всех учебных заведениях, начинается учебный год для начального обучения стендовой стрельбе в ДЮСШ. Желающие должны заручиться разрешением родителей, справкой от врача, ответить на вопросы анкеты, заверить ее подписями родителей и директора общеобразовательной школы. Набор проводится в основном из числа учеников шестых классов... Главное же — это желание учиться в нашей школе стендовой стрельбы. Немного о ее истории и традициях. Наша школа берет начало в 1960 году. За этот период здесь подготовлено три мастера спорта международного класса, 30 мастеров спорта и более 400

спортсменов массовых разрядов». (Сейчас эти цифры уже намного выше.)

Газету с заметкой из Монтекатини я показал Яруллина прямо на пристани в Тетюшах. Он читал, а я изучал этого человека. Сухощавый, широкоплечий, глаза суженные, еще и с прищуром... Во всем его облике что-то ястребиное, быстрее, подбористое. И кряжистый, и легкий одновременно. Ему тогда уже перевалило за семьдесят. Но в это не верилось никак.

Он закончил читать.

— Да, скудновато написано. Но не беда. Светлана придет — сама все расскажет. Ну, по коням?

Щелкнула дверца «Жигулей», Яруллин сел за руль, и мы понеслись по уходящему вверх асфальтовому шоссе. Несколькими витками оно оплетало большие зеленые бока невероятно крутой горы со щеткой леса по гребню.

Слава Тетюшей — прочная и давняя, и корни ее далеко в истории. В старой части города, сохранившейся на иных улицах амбароподобные купеческие и мещанские дома с толстыми стенами, глухими высокими заборными и воротами, стоит скромное и опрятное здание краеведческого музея. Чучела волков и лисиц, прочей живности, обитающей в окрестных угодьях, мейсенский фарфор, портреты знатных земляков — словом, выставлено там все, что положено. А также изображение и описание герба Тетюшей с выдержкой из свода законов Российской империи об учреждении города Тетюши и того же наименования уезда — два серебряных рыцарских копья и два щита на красном поле в знак того, что «обыватели сего места суть старых служб служилые люди, употреблявшие в древности с похвалой оные орудия».

Потомки их приумножили эту славу. Среди них и Султан Яруллин. Всесоюзную известность принес Тетюшам стрелковый стенд. Он детище Яруллина.

Началось все немногим более 20 лет назад, когда вернулся на родину подполковник артиллерии в отставке Султан Сунгатуллович Яруллин, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и многих медалей, закаленный опытом самой страшной войны, которую когда-либо знал наш народ. Он родом отсюда, из Тетюшей. Сначала крестьянствовал, потом сел за руль трактора, позже уехал на Урал строить знаменитую Магнитку. В 30-е годы получил звание «ворошиловского стрелка», поступил в Объединенную татаро-башкирскую военную школу. Кадровый офицер, он сражался на фронте отчаянно храбро и удачливо. Потом служил на Дальнем Востоке, колесил по стране, побывал и в Прибалтике. Там-то он впервые и увидел стрелковый стенд. Но куда бы ни заносила судьба Яруллина, он остался волгарем.

Старинное русское слово. Произнесешь его, и встанут перед глазами уверенные в себе рабочие люди, воины и хлебопашцы, прочные, крепкие как гранит, мастера. Яруллин — мастер, мастер во всем: ведет ли «Жигули», нахлестывает ли спиннингом реку, вытягивая окуней и жерехов, показывает ли питомцам, как ловчее приладиться к ружью. Мастер — понятие и нравственное. Так говорят о людях, что не допускают слабости, не кривят душой, не жалеют себя для дела. Вопреки советам врачей уйти на покой Яруллин поступил поначалу егерем в местное охотничье хозяйство.

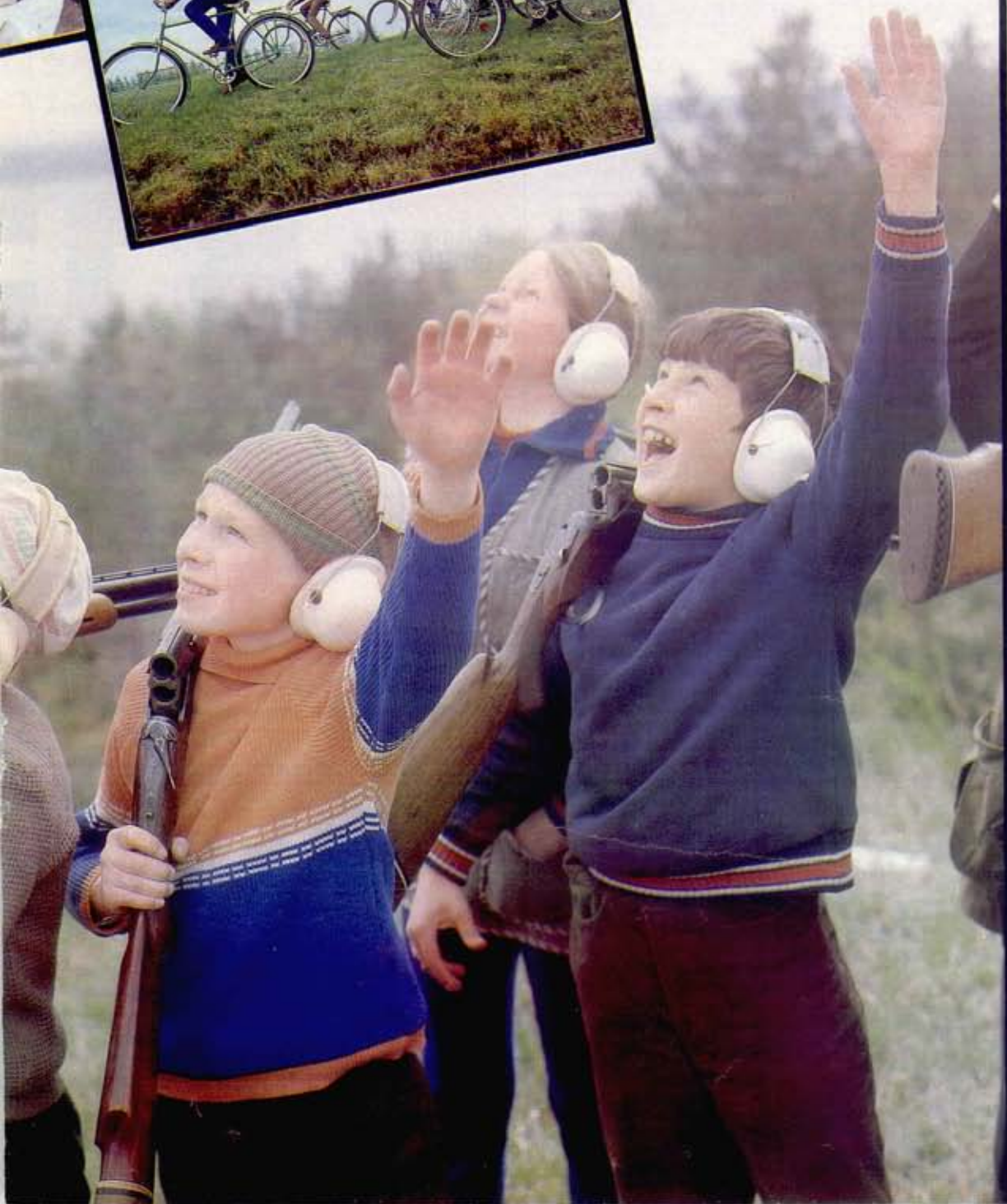
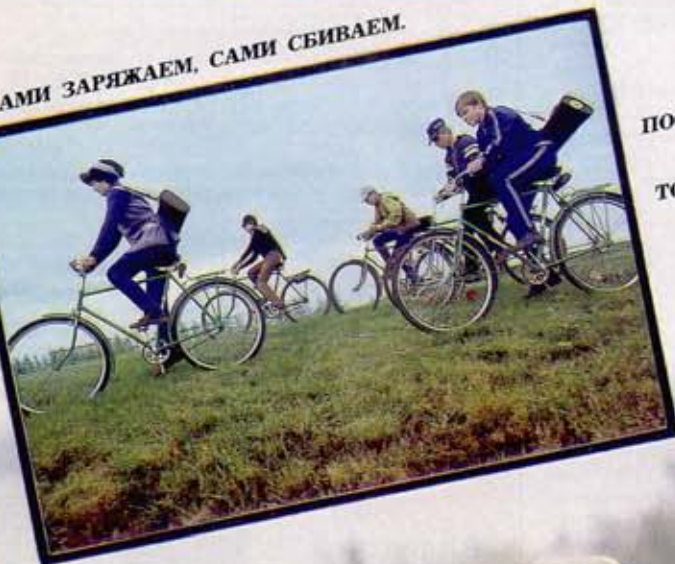
«Человек есть цепь его поступков», — говорили философы. Сам ярый охотник, Яруллин строго соблюдал закон. Браконьеров преследовал люто. «Султан, помилосердствуй. 38 штрафов в один сезон! Мыслимое ли дело?» «Мыслимое, — рубил Султан Сунгатуллович. — Во-первых, закон всегда закон, во-вторых, о внуках подумай. Им тоже захочется порыбачить и поохотиться. А выходит, тебе одному все досталось. Плати!».

Он скоро понял, однако, что наказание не единственный, а часто и не самый действенный способ борьбы с браконьерством. Тогда-то и вспомнил виденный в Прибалтике стенд. Понимал он и то, что для многих охотников не так уж важна сама дичь, как дорога возможность пострелять, попробовать силы в любимом деле. А стендовая стрельба и на охоту похожа, бескровную, к счастью, и азарт разжигает. Мысль Яруллина о стенде поначалу была не слишком определенной: спорт преимущественно городской. Да и довольно дорогой: нужны специальные ружья, машинки для метания мишеней, патроны. Тогда, прямо скажем, мало кто верил в успех задуманного предприятия. Но Яруллин был тверд и умел найти единомышленников. «Фанатик какой-то, одержимый», — говорили о нем.

Яруллин собрал средства на простенькую стендовую установку, ружья раздобыл тоже самые обыкновенные. Уже через три года после того, как Султан Сунгатуллович и члены созданного им общества охотников-любителей, не отличавших прежде круглый стенд от траншейного, своими руками открыли первую траншею, стрелки из Тетюшей в составе сборной татарского ДСО «Урожай» выиграли всесоюзные соревнования. Для некоторых это было сурпризом. Но не для Яруллина и его верной помощницы,

САМИ ЗАРЯЖАЕМ, САМИ СБИВАЕМ.

ПОСЛЕ УРОКОВ — НА ТРЕНИРОВКУ.
ТОЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ.

супруги и единомышленники, ныне завуча тетюшинской ДЮСШ Лидии Филипповны.

Надо было что-то пробыть, особенно на первых порах.— Яруллин пробивал. Находил поддержку партийных организаций и местных властей, спорткомитета республики. Это теперь говорят в полный голос о традициях тетюшинской ДЮСШ, возглавляемой заслуженным тренером СССР Яруллиным. А начало-то было ой каким непростым.

Вот что вспоминает он сам:

— Были первую траншею, и вдруг хлынул ливень, да такой, что до краев нашу траншею залил. Мне говорят: «Бросай, Султан, плохая это примета. Но мы довели дело до конца, своими руками весь косогор перерыли. Этим и гордимся. Теперь у нас два круглых и два траншейных стенда, метательные машинки «Стрела», своя мастерская по изготовлению патронов, тренажерная установка «световое ружье». Но, как и раньше, рабочих на стенде нет, все делаем своими руками.

Максимализм Яруллина, одержимость—от святой его веры в необходимость труда. Того труда, что сродни страде, не сезонной—постоянной, тяжелой и благодарной работе пахаря. Не потому ли так щедр и урожай Султана Яруллина? Его школа—19-кратный чемпион общества «Урожай». Ее воспитанники побеждали на крупнейших соревнованиях в Италии, Чехословакии, ГДР, популярном у нас в стране турнире «Ижевское ружье», были чемпионами и призерами первенств РСФСР, Советского Союза, Европы и мира. Характерно, на мой взгляд, мнение руководства Спорткомитета СССР об учениках школы Яруллина: «Опыт тетюшинской ДЮСШ—незаменимый опыт. Коэффициент полезного действия этой ДЮСШ едва ли не превышает отдачу школ высшего спортивного мастерства в Свердловске и Ростове-на-Дону.

Это, так сказать, точка зрения чисто экономического порядка, отсюда и терминология. И те же специалисты дружно согласны с тем, что работать со стрелками из Тетюшей—одно удовольствие, когда они попадают в сборные России или Советского Союза. Они жадны до нового, контактные, легко управляемы, не щадят себя на тренировках.

Оказавшись за оградой стенда над Волгой, я упомянул о неписаных законах школы Яруллина, говорил и о том, что он, крестьянин в прошлом, пахарь и сеятель. Но пашня у него теперь иная, его поле—души ребят.

С самого начала школа Яруллина решала не только чисто спортивные задачи. В лексиконе Султана Сунгатулловича то и дело мелькает слово «творчество». Попросили его помочь в подготовке значков ГТО: «Ладно, поможем. Но и вам бы не мешало творчески подойти к этому делу...» Об одном из своих подопечных: «Был у меня такой Саша Черенков. Вот истинно творческий характер! Сконструировал аппарат для штамповки патронов. Не хуже заводского. Это я вам говорю как бывший артиллерист...»

Творчески подошел он и к сложному делу борьбы с браконьерством, объединив в общество 700 охотников-любителей, потенциальных стрелков на стенде. Творчески осмысливает он и такое сложное, хоть и казенное словосочетание, как «тренировочный процесс». Для него он не только и не столько стрельба на стенде, но жизнь на стенде. Одно из новшеств Султана Сунгатулловича—контрольный выстрел, превратившийся в некий ритуал. Это—соревнование всех четырех учебных групп, а также групп совершенствования мастерства и олимпийского резерва, всех тренеров, не исключая главного наставника. Каждый тренер комплектует команду из 21 спортсмена, так что на огневой рубеж выходят, случается, до 100 стрелков. Не всякие соревнования городского и даже республиканского масштабов могут собрать столько участников.

Предварительно перед этими первыми весенними стрельбами старосты всех групп докладывают в общем собрании школы о том, как учатся юные стрелки. Права на контрольный выстрел—права на участие в торжественном ритуале—лишаются не двоечники, таких здесь нет,—те, кто катится на серых «троечках».

Я разговорился с восьмиклассником Олегом Сайкиным. На вопрос «Как дела?», не без умысла заданный, услышал:

— Неважно. Третий год занимаюсь, а только второй разряд. Да и по алгебре и химии четверки.

Вот так. И это без всякой рисовки.

— Какой человек Султан Сунгатуллович?

Олег долго думал. Потом сказал:

— Добрый.

Признаюсь, я удивился Султан Сунгатуллович совсем не походил на добрячка. Он строг, почти суров. Дисциплина для него понятие неукоснительное. Те, кто приходит в школу всерьез, не знают вкуса сигареты, о вине также нет речи. Яруллин выражается коротко, ясно, категорично. Но слышатся в его речи и командирские интонации. Предполагаю, что бывает он и крутоват, и своенравен, может быть. Впрочем, не привыкли ли мы называть крутостью просто строгую требовательность, взыскательность?

Припоминаю, как нырнул он в траншею и кричит оттуда: «Кто это там на первом номере мажет! Так и твой дедушка не стрелял на охоте. Соберись!»

— Да, меткость, зоркость глаза, твердость руки—все так. Не только в спорте, но и в жизни,—делился мыслями в беседе со мной директор тетюшинской средней школы № 1 Аркадий Алексеевич Четанов.—С появлением стенда Яруллина мы почувствовали, будто нам, педагогам, руку протянули, плечо твердое подставили. Посмотрите на его учеников. Их сразу можно узнать: аккуратно одеты, подтянуты, подстрижены, исполнены достоинства... Это плоды яруллинского воспитания. Он требователен необычайно к себе, потому и к своим спортсменам, к работающим с ним тренерам. Но такой же, прямо скажу, яростной отдачи добивается он и от родителей, и от преподавателей наших. Вот посмотрите...

Признаюсь, за долгие годы своей педагогической практики я подобного не видел. В специальной тетрадке, заведенной Яруллиным для тренеров ДЮСШ, есть графа «Тренер... посетил школу №... класс...», проверил, успеваемость ученика... Дата. Подпись».

Мне особенно по душе слова бывшего военрука, ветерана войны, ныне пенсионера Аркадия Георгиевича Перунова: «Он, Султан, благороднейший человек, многие разгильдяи у него очеловечиваются». Так и сказал—«очеловечиваются». У Яруллина от родительских просьб «возьмите к себе нашего» отбою нет. Он рассказывает:

— Мы—это ДЮСШ, где занимается группа спортивного мастерства и олимпийского резерва. Туда мы можем взять только 50 человек. А в учебных группах у нас тренируются, считайте, половина всех тетюшинских ребят. Меня часто спрашивают, как мы решаем вопрос с кадрами, большой вопрос для многих ДЮСШ и спортивных обществ. Просто решаем—растим их на месте. С нашего стрельбища молодежь уходит не только в большую спорт, но и в большую жизнь. Поскольку все наши учатся на «хорошо» и «отлично», каждый год около 10 стрелков уходят в Казанский университет, педагогический или медицинский институты. Возьмите Радика Хисамутдинова, первокурсника. Он был одним из двух медалистов школы № 1, ни разу ни одного занятия на стенде не пропустил. Многие, закончив физкультурный факультет Казанского педагогического института, возвращаются в Тетюши. Сейчас директорами круглого и траншейного стендов мои бывшие ученики Василий Петяев и Анатолий Яшин. В хорошего тренера вырастает Сергей Протасов. Активно помогают нам чемпионка Европы на траншейном стенде Людмила Володина и Николай Тенилин, также окончивший Казанский педагогический. Особенно рад за Люду. 15-летней девочкой пришла она на стенд, через год выполнила норму мастера спорта, вошла в шестерку сильнейших на Кубке. Теперь Людмила—тренер, у нее свои ученики.

Особенность школы Яруллина в том, что она, подобно прочно вросшему в родную почву дереву, плодоносит щедро, далеко вокруг разбрасывая семена. Прошли ее спортивные классы и преподаватель одной из казанских школ, кандидат в мастера спорта Нина Арсеньева, и будущий педиатр, мастер спорта Евгений Шихранов, и студент-историк, кандидат в мастера спорта Сергей Демин. Заканчивает пединститут Светлана Якимова. Возможно, и ей суждено продолжать и укреплять спортивную связь поколений, подобно бывшим питомцам тетюшинской ДЮСШ Виктору Сальникову, создавшему стенд в совхозе «Калчевский» под Челябинском. Татьяне и Юрию Шегуровым, помогающим пристреливать ружье ребятам в Ижевске, Юрию Столыпину, тренирующему стрелков в Куйбышеве, Сергею Краюшкину, работающему в Нижнекамске, многим другим. В городе Брежневке также создали школу стендовой стрельбы. Уже пошли оттуда запросы: хорошо бы тренеров из тетюшинской ДЮСШ.

Но послушаем еще Султана Сунгатулловича:

— Если заметишь, на тренировках у нас правило: стреляем до третьего промаха. Кто бы ни вышел—мастер или начинающий. Промазал—беги в блиндаж, заряжай машинку для мишеней, жди своей очереди. Больше всего претит мне в людях апатия, душевная инертность, особенно в молодых. Попадают такие и на стенде. Я никогда не спешу отделяться от них, даже от тех, кто берет ружье забавы ради. Раз заставишь, другой раз поддержишь, похвалишь, а то и прикрикнешь. Глядишь—взбодрился мальчик или девочка. И пошло дело. Потом уже появляются и охота, и азарт, и ответственность.

Но я хочу, хотел бы учить не только не мазать по «летающим тарелочкам». Там все исправимо даже после третьего промаха. А вот в жизни! Раз промазал—досадно. Второй раз промахнулся—горько. В третий—больно, иногда до отчаяния.

...Над далекой далью Волги, над зеленым лугом стрельбища чертят, словно стрижи, быстрые черные дуги тарелочки-мишени. Учатся стрелять ребята. На стенде—до третьего промаха. В жизни—точно по цели. Как Султан Яруллин.

«Атланты» из подвала

Дорогая редакция!

Задачи по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений у нас во Ржеве ответственные дяди и тети восприняли совсем не так. Клубы и спортзалы в городе пустуют, и вот лет пять назад подростки начали искать, чем бы им заняться. Полезли по подвалам и там, где находили свободные места, соорудили свои спортивные клубы. Таких мест по городу немало.

Жильцы домов, где есть такие «клубы», жалуются в горисполком, горком комсомола, в милицию, пожарную охрану. Многие против этих подвалов, но раз есть решение горисполкома...

Возьмите наш дом № 76 по улице Беттерева. Люди приходят с работы, им хочется отдохнуть, а тут—шум, музыка на всю катушку. Мы живем на первом этаже—это какой-то кошмар! Нашему подвалу присвоили звание «Атлант»—тяжелая атлетика в жилом доме. Гири разного веса, штанги, еще какие-то снаряды. Они срываются, а пол—то деревянный—стоит грохот, сылется штукатурка. Где же здесь здоровый быт? И о каком эффективном труде можно говорить после такого отдыха?

На замечания подростки не реагируют. Сквернословие, хамство. Бывают и драки. Войдешь в подвал—пахнет потом, зловоние. Еще бы! Ведь там ни вентиляции, ни санузла, ни запасного выхода. Два раза чуть было не возник пожар.

Сама я врач, муж—педагог. Мы видим, что ребята занимаются бессистемно, без медицинского контроля. Кому нужен такой спорт по месту жительства?!

Ходила в горисполком на прием к председателю бытовой комиссии. Меня отчитали, как школьницу, сказав, что я должна понимать, какое это нужное для подростков дело. Да, я понимаю, что ребят надо воспитывать, они—наша смена. Но почему-то никто не заинтересовался, как мы живем в таких условиях.

М. ПЛЮЩЕВА

Валентина
ОЛЕНСКАЯ

ВС

Пять лет назад в Ржеве Но до сих пор ребячья

Прочитав письмо, первый секретарь Ржевского горкома комсомола Валерий Поярков только усмехнулся.

— Знаю, жильцы из этого дома везде жалуются.

— А вы сами, Валерий, были в том подвале?

Секретарь горкома недовольно поморщился.

— Нет,—сказал он.—Некогда, других забот хватает.

По указанному в письме адресу я приехала под вечер. В сумерках, когда еще не зажгли городские фонари, подошла к дому, но ни музыки, ни грохота тяжелых спортивных снарядов не услышала. Клуб закрыт. Где же ребята?

— Наверно, узнали о вашем приезде,—предположила автор письма Мария Петровна Плющева,—вот и затаились.

Она попросила подождать, а сама пошла за соседями: пусть, мол, и они присоединятся к разговору, ведь вопрос-то касается всех. Четыре женщины и двое мужчин, видимо, те, кому подростки особенно досаждали, обрушили на ребят целую лавину негодования. Припомнили и хулиганские выходки, и баловство с огнем. А как-то зимой, в морозный день, подростки отключили отопление, весь дом чуть не заморозили. В другой раз кто-то из «атлантов» отключил в доме холодную воду.

Да, весьма неприглядные истории. Подобным выходкам нет и не может быть оправдания. Однако подростки, члены клуба, с которыми мне удалось таки встретиться в тот вечер, привели свои доводы.

— А кто им («им»—это, как я поняла, жителям

дома) дал право оскорблять нас? — горячились Андрей Орехов и Юра Курлыков. — Жалуются, будто мы засоряем территорию двора. Но это же неправда! Когда мы расчищали подвал, то носили мусор к реке, а потом какой-то мужчина из этого дома попросил нас засыпать ров, который остался после прокладки труб. Мы так и сделали...

Нашла коса на камень. Даже милиция не помогла разобраться в этом конфликте. Да и стоит ли распылять клубок взаимных претензий, когда суть дела в другом — в самом факте существования подросткового клуба в непригодном помещении.

— Закрыть надо этот клуб — и точка! — в один голос заявили жильцы. — Рядом с домом три школы, пусть там и занимаются спортом.

Что ж, предложение резонное, но не будем спешить с выводами. Честно говоря, вот еще о чем подумалось: может, это только здесь, на улице Бехтерева, кипят такие страсти? «Нет», — ответили на мой вопрос жильцы, — поезжайте хотя бы на Железнодорожную, 34. Там тоже клуб в подвале».

Вот эта улица, вот этот дом... Клуб открыт — это я поняла по громкой музыке, доносившейся из подъезда. Рассчитав приблизительно, под какими квартирами размещается клуб, позвонила наугад в одну из них.

Дверь открыла пожилая женщина — доброе, открытое лицо, ввалившиеся от бессонной ночи глаза. Тихий голос, натруженные руки. Анна Андреевна Удалова, так зовут ее, 35 лет работает на хлебозаводе, в горячем цехе. Работает в основном по ночам, чтобы утром город получил свежий хлеб.

— Вот, пришла с ночной смены, — устало улыбается Анна Андреевна. — Хотела уснуть, да не могу — му-

прочитал о подростковых клубах в Пензе, где также использованы подвальные помещения. А может быть, ребята просто искали место, где могли бы собраться, поговорить. В общем, сами пришли к этому решению, сами его и осуществили. Без помощи взрослых, самостоятельно.

Самостоятельно или самовольно? Есть разница. И тут надо прямо сказать: и самостоятельно, и самовольно. Ребята действовали без всякого разрешения городских властей, по своему разумению, другого выбора у них и не было.

За дело взялись горячо, с размахом. Из подвалов выносили мусор, песок, старый хлам. Настилали полы, серые кирпичные стены обивали деревянными рейками, провели электричество. Красили, прибавляли, прикручивали, устанавливали спортивные снаряды. Эх, посмотрели бы родители, с каким увлечением и азартом работали мальчишки, те самые, которых дома не заставишь помыть за собой тарелку или прибить полку для книг!

А где доставали стройматериалы? Вопрос, который сразу отодвигает на задний план все наши умиления и отрадные эмоции. Из сферы мальчишеской романтики мы переносимся в область весьма конкретных, сухих хозяйственных расчетов.

Кое-что ребята покупали на деньги, сэкономленные на кино. Но бывало, что греха таить, и воровали — на стройке, на заводе, где придется. Об этой теневой стороне ребячьей инициативы забывать не стоит.

Слухи о подвалах быстро разносились по городу. Казалось бы, самое время горкому комсомола включиться в дело, направить ребячий энтузиазм в нужное русло, а главное — помочь подросткам. Но не тут-то

корне загубить ребячью самостоятельность. А ведь при всех неудобствах (временных, будем надеяться), которые доставляют клубы жителям, уже сейчас можно говорить о позитивных результатах, связанных с их деятельностью. Главное — подростки заняты делом, не шатаются бесцельно по улицам, и не случайно поэтому, как сказали мне в городском управлении милиции, заметно уменьшилось число правонарушений среди молодежи.

— Эти подвалы — спасение для нас, — откровенно признается заместитель председателя горисполкома А. М. Земсков. — Других помещений для подростковых клубов выделить мы пока не можем, а спортивные площадки в городе оставляют желать лучшего...

Сейчас в Ржеве действуют 23 клуба для подростков. Приходят ребята в горком ВЛКСМ, просят открыть новый клуб. Они ничего не требуют, готовы все сделать своими силами, лишь бы только им разрешили (теперь на это необходимо, как и положено, разрешение) создать свой клуб.

— Конечно, тренироваться можно и в школьном спортзале, — соглашается со мной старшеклассник Андрей Иванов. — Но вы поймите, что наши клубы не просто спортивные секции. Здесь мы чувствуем себя свободно, сообща обсуждаем все вопросы... Да что там говорить, — Андрей улыбается, — клуб есть клуб.

Ну, а какова же позиция Ржевского горкома комсомола? Просят открыть новый клуб? Горком на бумаге дает «добро», а от конкретной помощи ребятам устранивается.

Да, с деловым, конструктивным ответом тут не спешат. Иначе чем же объяснить, что до сих пор в подростковых клубах нет шефов комсомольцев? В горкоме, кажется, совсем забыли, что в шестидесятилетние организации, закрепленные за клубами, тоже работают комсомольцы. Да и сами работники горкома ВЛКСМ редко заглядывают в клубы-подвалы.

— Это наше упущение, — охотно соглашается Поляков, — на заседании бюро распределим обязанности...

Еще бы Валерию не соглашаться! Ведь сегодня то и дело слышим: досуг, новые формы работы с молодежью. Говорим о перестройке, о поиске нестандартных решений. Знаем, мол, не лыком шиты. Но как еще порой велика дистанция между словом, сказанным с трибуны или записанным в постановлении, и делом, живым, не бумажным, не за тридевять земель, а за углом горкома, на соседней улице!

— Между прочим, обком комсомола поддержал нашу инициативу, — сказали мне в Ржевском горкоме ВЛКСМ.

— Какую инициативу? — не сразу поняла я.
— Нашу инициативу... с организацией клубов для подростков...

Вот, оказывается, как можно все повернуть. Ребята правдами и неправдами добывали стройматериалы, с утра до позднего вечера трудились в сырых подвалах, а горком бодро рапортует о своей «проделанной работе». Да, весьма своеобразная «инициатива»!

Примазываться к чужим делам и успехам — этой порочной практике дан решительный отпор на недавнем прошедшем XII пленуме ЦК ВЛКСМ. Ведь самоуспокоенность, пустозвонство порождают бюрократическую глухоту, когда комсомольский комитет не вникает в самые острые, самые насущные проблемы молодежи. С симптомами такой болезни и пришлось столкнуться в Ржеве.

В самом деле, как можно не слышать справедливых жалоб на шум в клубах, не оснащенных звукоизоляцией? Как можно не реагировать на сведения санэпидстанции, в которых черным по белому сказано, что условия, в каких занимаются спортом подростки в подвальных помещениях, далеки от нормальных? Вот и при осмотре ребят во врачебно-физкультурном диспансере выяснилось, что у многих юношей повышенное давление и иные отклонения, кои наблюдаются при неправильном режиме тренировок. Разве это не повод для беспокойства? Разве это не достаточное основание для того, чтобы поднять на ноги всех, кто способен помочь ребятам и словом, и делом?

Да разве только о физическом здоровье речь? А кто может поручиться за нравственное здоровье ребят? За кем идут подростки, кому внимают они в своих клубах, кто для них авторитет?

Увы, и на эти вопросы в горкоме комсомола не могли ответить.

Письмо читательницы М. П. Плющевой, как мы видим, продиктовано не только заботой о порядке и спокойствии в доме. В нем явно чувствуется и тревога за судьбу подростков, которые часто предоставлены сами себе и не всегда умеют наладить отношения с окружающими их людьми.

Слишком далеко могут завести эти игры в сумерках. Пора внести ясность в работу подростковых клубов Ржева. И сделать это должны местные власти, комсомольцы и молодежь города.

ИГРЫ УМЕРКАХ

Задача принципиальной важности для комитетов комсомола — значительно улучшить организацию содержательного досуга юношей и девушек. В этих целях эффективней использовать клубные учреждения и спортивные сооружения, развивать молодежную инициативу...

Из постановления XII пленума ЦК ВЛКСМ

появились самостоятельные подростковые клубы. инициатива остается без поддержки комсомола.

зыка, шум из подвала мешают. Пробовала даже подушку на голову полжечь — не помогает.

— А мы думали, что вы по нашему письму приехали, — говорит Екатерина Ивановна Кудряцева, которая живет в этом же доме.

Оказывается, и здешние жильцы жаловались на беспокойное соседство с подвалом, в котором обосновались подростки, но безрезультатно. Ответ был один: дескать, работа с детьми по месту жительства важнее интересов двух-трех семей.

Как же возникли клубы в подвалах? Об этом можно написать целую повесть. Но сейчас не будем касаться всех перипетий подростковой инициативы.

Ржев — город небольшой, тихий, уютный. Особенно он хорош летом — весь утопает в зелени. Но главное его украшение, конечно же, Волга. Своими живописными берегами, крутыми их изломами она, кажется, раз и навсегда лишила город однообразия. А вот жизнь молодежи в Ржеве, увы, скучна и монотонна. С большим трудом решается здесь извечная для молодых проблема: где отдохнуть, чем заняться вечером?

В городе шесть клубов и домов культуры. В горисполкоме есть планы их работы. Планы эти похожи как две капли воды. В выходные дни — танцы, в будни — кино, лекции, отчетные концерты художественной самостоятельности. На кого все это рассчитано — трудно сказать. Знаю точно: молодежь на эти дежурные «мероприятия» почти не ходит.

Так было и пять лет назад, когда подростки «оккупировали» подвалы. Кому пришла в голову эта идея, сейчас уже никто не помнит. Может, кто-то

было! Комсомольские вожаки хранили молчание и делали вид, что все эти подростковые «фокусы» их не касаются. Инерция той «нейтральной» позиции дает себя знать и сегодня.

Ждали, какое решение примет горисполком. И вот передо мной постановление горисполкома от 13 августа 1985 года «Об организации работы с детьми и подростками по месту жительства». Одним росчерком пера оборудованные ребятами подвалы получили статус подростковых клубов. Правда, в том же документе перечислены и все беды новоявленных клубов — отсутствие вентиляции, санузлов, звукоизоляции (вот он, источник жалоб жильцов!), не хватает ребятам и спортивного инвентаря, нет рядом с ними знающих руководителей, тренеров. Решено было безотлагательно заняться ремонтом, а для этого к каждому клубу прикрепили шефов.

Гладко было на бумаге... В ребячьих клубах мало что изменилось к лучшему.

— Наши шефы — ПМК-1315, — рассказывает Витя Федоров из клуба «Рассвет». — Помощи от них никакой. Как раньше, так и сейчас, все делаем своими руками. Недавно, например, просили шефов приобрести нам теннисный стол. Те отказали, говорят: нет денег.

В домоуправлении № 8, которое тоже значится в числе шестидесятилетних организаций, с ребят потребовали протоколы собраний.

— Какие протоколы? Каких собраний? — недоумевают ребята.

Понятно, что подобный формализм способен в

Не забывать традиции

Одной из прекрасных традиций русской живописи всегда было то, что лучшие мастера обращались к истории нашего народа. Мне кажется, что молодые художники об этом, к сожалению, забывают. Может быть, не все, но многие.

Игорь КУПЧЕНКО,
Херсон

”КТО С МЕЧО К НАМ ПРИ

**М
дет...**

**Лауреаты премии
Ленинского
комсомола**

Светлана ИВАНЧЕВА

Историческое сознание — проблема нравственная. Глубокая внутренняя причастность к памяти народа о прошлом — источник «духовной» оседлости, ибо «без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и к чему должны стремиться» — эти слова русского историка В. Ключевского определяют предмет и источник творческого мышления молодого московского художника Сергея Присекина.

...Сергей с увлечением говорит о ран-

ней молодости князя Александра Ярославича, отмеченной мужеством и победой в битве на Неве, за что уже в двадцать лет он был прозван Невским. А всего через два года в побоище на льду Чудского озера войска, предводительствуемые Александром Невским, подтвердили славу русского оружия, разбив немецких рыцарей-крестоносцев.

Это событие и стало темой большого исторического полотна, в названии которого использованы слова, сказанные

Невским более семисот лет назад: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Сергей рассказывает, что от момента вдохновения, когда родилась идея, до начала непосредственной работы с холстом прошло более четырех лет: поиски материалов, тщательное изучение эпохи, оружия, костюмов. Скажем, ни один из законченных копий воинов не повторен, а ведь на полотне изображено до двухсот фигур. Сергею пришлось написать целую галерею этюдов-портретов, а потом, превратившись в режиссера, строить сцену битвы, населяя ее персонажами, заранее определяя направление, в котором взгляд зрителя будет перемещаться по полотну, все глубже проникая в тот давний день.

Одна из самых значительных средневековых битв, известная в истории под названием Ледового побоища, произошла 5 апреля 1242 года. В летописи сказано о ней: «...и была тут страшная сеча для немцев... треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзшее озеро точно тронулось, и не видно было льда, потому что он был покрыт кровью». А летом прибыли в Новгород послы из Ордена и просили у Александра вечного мира. Тогда, говорят в народе, и были сказаны князем пророческие слова, что положены в название картины.

Разворачивая на холсте сцену боя, художник помещает на правой стороне русских воинов, сражавшихся за правое дело, а слева — немецких рыцарей. В центре ясная, светлая фигура новгородского князя Александра на фоне развевающегося красного плаща. Княжеский меч обращен в сторону русского воинства. Он простерт над толпой, обретая символический смысл. С вознесенной под обрез полотна хоругви на вражеское войско взирает Спас. В строгом взгляде его предreshен исход битвы. За ним в пол-лица суровый лик Дмитрия Солунского, покровителя русского воинства. Вторит битве и ярость небесная. Равные облака грозно высвечены. Лишь в просветах сияет чистая голубизна, в которой движется свет жизни — солнце. Оно уже проглядывает на картине, заливая светом мудрости и справедливости фигуру молодого князя Александра Ярославича. Множество смысловых планов сообщают картине характер народной поэмы, баллады, повествующей о народном героизме, проявившемся в исторической для русской земли битве.

Тема народного героизма требует некой условности живописного языка. Художник не акцентирует внимание на ужасах битвы, все в картине подчинено высокой идее защиты земли русской. Отсюда и подчеркнутые удаль и размах, и некоторая театральность в жестах, позах воинов. Это событие пришло к нам из невероятной дали времен, сохраненное памятью народа. Именно память, освященная глубоким чувством, и позволяет нам сочетать слова «живая история».

Оживляя историю в полотне, художник умело сочетает реальность с условностью. Горизонтальный, вытянутый формат картины дает почувствовать зрителю размах многофигурной композиции, передающей сцену боя. Выверенные соотношения фигур, ритм их построения, цветовая планировка говорят о высоком профессионализме художника. Ритмическое движение цвета к центру, подчиненное идее картины, достигает алогича в фоне, окружающем лицо и меч князя. Белый цвет лошади лишь усиливает звучание отороченного золотом плаща, на котором сверкает занесенный в символическом жесте княжеский меч.

Образ Александра Невского волновал многих русских живописцев, в частности Павла Корина, написавшего в 1942 году триптих «Александр Невский». В том же году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Александра Невского.

Обращение Сергея Присекина — участника Студии военных художников имени М. Б. Грекова — к героическому прошлому нашей Родины не случайно. Патристическое звучание слов Невского не теряет своей силы и по сей день. Без благодарной памяти о прошлом «жить неинтересно и безнравственно». На выставке «40 лет Великой Победы» в Центральном выставочном зале Москвы Сергей Присекин показал свою новую работу «Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский на Красной площади 24 июня 1945 года». Этот день, принадлежащий уже истории, забываем для каждого советского человека. Г. К. Жуков, классический «конный» портрет которого пишет Присекин, принимал парад, которым командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Во время торжественного марша впереди на специально оборудованном автомобиле везли Знамя Победы. За ним шли сводные полки фронтов, за которыми на Красную площадь вступила сводная колонна советских воинов: они несли опущенные до земли 200 знамен разгромленных немецко-фашистских войск. Под дробь барабанов поверженные знамена были брошены к подножию Мавзолея В. И. Ленина.

Этот торжественный момент и положен в основу картины. Следуя традициям русской исторической живописи, молодой художник дает современную трактовку известного сюжета «Чудо Георгия о змие». Маршал — удивительное совпадение: тоже Георгий — на вздыбленном белом коне, попирающем змия — вражеские штандарты. Создавая образ полководца, художник выстраивает символический план, позволяющий наиболее глубоко и полно осознать значение события, изображенного на полотне. Между фигурами маршалов, едва возвышаясь над ними, просматривается скульптурный памятник народным героям Минину и Пожарскому. Справа от них на Красном знамени — портреты вождей Революции.

Не посрамив чести предков, приумножив ее в боях Великой Отечественной войны, пришли на Красную площадь воины. В парадном, расшитом золотом мундире, украшенном тремя звездами Героя Советского Союза, маршальской звездой и другими высшими орденами и медалями, маршал Жуков принимает парад. Его «красивое, сильное, тяжелое лицо», говоря словами Константина Симонова, — самая звучащая часть картины.

Среди знаков истории, отмеченных радостью и победами, художник помещает торжественные фигуры всадников, символизирующие преемственность поколений. Смысловую нагрузку несет и элемент пейзажа. Сумрачно-тревожные облака над стенами Кремля — дань горькой памяти о тех, кто остался на полях войны, не дожив до светлого Дня Победы.

За полотном «Кто с мечом к нам придет» и серию портретов современников, выполненных во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Сергей Присекин в прошлом году был удостоен премии Ленинского комсомола. И здесь нельзя не сказать о том, что до сих пор работа не нашла своего места ни в одной музейной экспозиции. Увидеть ее воочию сейчас нельзя. А жаль. С картиной возникла ситуация, в которой должны разобраться компетентные организации. Сейчас художник вновь в поисках материалов, что лягут в основу триптиха, посвященного 70-летию Октябрьской революции.

Динамическая связь прошлого и настоящего с будущим, которому адресованы работы Присекина, свидетельствует о развитом историческом сознании художника, о твердости его жизненной позиции. Человек не может быть личностью без ясно ощущаемой связи своей с прошлым.

«Смена» продолжает разговор, начатый в № 3 аскетой «Не поработать ли на досуге?». В № 8 мы поместили предварительный обзор поступивших откликов. Предварительный — потому что письма на эту тему продолжают идти. Сегодня мы публикуем корреспонденцию, исследующую один из аспектов проблемы — летнее трудоустройство школьников.

Читатель —
«Смена» —
читатель

Максим ЗЕМНОВ

В одной из московских школ спросил восьмиклассников: кто хочет в каникулы поработать? Поднялся лес рук. «Конечно, хотим, но где?» — этот вопрос задал уже мне. И я не нашелся что ответить.

Наивные восьмиклассники верили, что могут устроиться на работу. В 9—10-х классах в эти «игры» уже не играли: по собственному горькому опыту или по рассказам друзей знали, что их вряд ли куда возьмут.

...Неказистая избушка в центре Тамбова не охраняется государством, это не памятник архитектуры. Здесь городское бюро по трудоустройству. Войдем по его непрочным ступеням и спросим: куда устроиться подростку? — Это не к нам, — отвечают хозяева избушки. — Идите в школу.

Но там трудоустройством подростков тоже не занимаются: — Не будем же мы каждого за ручку водить по отделам кадров!

Чтобы устроить школьника на работу, надо потратить несколько дней. Но кто может позволить себе такую роскошь? Кто возьмется за это хлопотное дело?

В июле 1985 года Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС приняли постановление, которое обязывает органы по труду помогать подросткам найти дело по силам. Теперь ученики 8—9-х классов могут работать летом на законных основаниях.

Есть на этот счет и практический опыт. Например, латвийское бюро по трудоустройству находит работу для 11 тысяч подростков. И не только для 16, но и 15-летних, которых, правда, можно брать на работу лишь в исключительных случаях.

— Мы и считаем лето исключительным случаем, — говорят сотрудники бюро.

Ребятам предлагается на выбор более ста профессий. Плакаты, которые повсюду висят в городах, сообщают: если ты летом хочешь поработать, то, имея при себе паспорт (свидетельство о рождении) и справку из школы, получишь направление. Попасть на завод, узел связи, в больницу, универсам можно только так. За несколько месяцев до начала летних каникул здесь, в бюро, уже знают, где и сколько свободных мест, каков заработок. По местному телевидению демонстрируют фильм о работе бюро, показывают его и в кинотеатрах перед началом сеанса.

Итак, в Латвии регулярно, из года в год, устраивают летом на работу 11 тысяч подростков. А в Москве даже после выхода постановления за все минувшее лето было трудоустроено лишь 1200 школьников — почти в десять раз меньше, хотя в столице подростков гораздо больше. Почему?

Я встречался со многими сотрудниками районных и городских бюро по трудоустройству, и большинство гово-

ОТ

рили о подростках как о «капризной» категории, с которой «слишком сложно работать», а лучше вообще не иметь дела.

Как, допустим, относятся руководители тамбовского органа по труду к латвийскому опыту? А никак.

— Нечего нас сравнивать с Прибалтикой! Мы — совсем другое дело. — Вот и весь сказ.

Подростку гораздо легче поступить в профессионально-техническое училище, техникум, чем устроиться на временную работу. Тем, кто все же сумел, надо, наверное, давать грамоты, чествовать, как настоящих подвижников. Ведь первый вопрос, который зададут в отделе кадров, может оказаться и таким: «Тебя что, родители не кормят?» Или: «Ты что, очень нуждаешься?» Увы, я ничего не выдумываю: это реальные вопросы, которые задавались реальным подросткам.

А между тем использование летом, где это возможно, труда подростков, как показывает статистика, равносильно притоку в народное хозяйство примерно 900 тысяч условно-годовых работников. Сколько кадровых рабочих смогли бы пойти летом в отпуск! Как упростилась бы кадровая проблема на сезонных работах! Это же золотые россыпи, а не дети!.. Но до этого богатства еще нужно добраться. Я встречался с хозяйственниками, учителями, комсомольскими работниками. Кое-кто считает: добираться и не стоит, поскольку-де со школьниками больше возни, чем проку от них. Приводятся и аргументы. Какие? Рассмотрим подробнее хотя бы самые типичные из них.

Аргумент первый: «Дети переутомляются, они и так перезрелые, у них совершенно нет времени и т. д.»

А вы не задумывались, почему никто особенно не хлопочет о трудоустройстве сельских школьников? Напротив, в газетах появляются статьи, требующие побольше оставлять им времени на учебу. Это в городе мы с таким скрипом устраиваем на работу шестнадцатилетних, на селе же ребенок чуть ли не с семи лет помогает взрослому в поле, на ферме, не говоря уже о приусадебном участке.

Вспоминаю жалобу одной городской мамы: «Не могу придумать (?) физической работы для сына. Отец приносит продукты, выбивает ковер, я стираю, убираю, готовлю, а что делать ему?»

Да, бывает, ребята утомляются. Я даже знаю, от чего — от сидячей жизни. В школе за партой, дома за уроками, у репетиторов, в музыкальных и прочих классах. И физический труд здесь — спасение, разрядка. Принцип «работаешь сидя — отдыхай стоя» всем известен. Но продукты к семейному столу покупает в магазине лишь каждый шестой ребенок, ходит в сберкассу платить за квартиру каждый двенадцатый, готовит себе после школы обед каждый пятнадцатый...

Где еще так балуют детей, как у нас?!

Аргумент второй: «Как бы деньги не испортили подростка...»

Сразу хочется возразить: а разве, получая деньги от родителей (наличными или же в качестве подарков), ребенок не «портится»? И может ли он «испортиться», когда сам будет их зарабатывать? Вряд ли. Ведь практически ни один трудоспособный подросток изначально не хочет жить в иждивении у родителей (приучить же

ДЫХАЯ

Выходит, сидеть сложна руки?

Так сложилось, что отпуска у нас с женой пришлось на разные месяцы. Пожелали мы всего полгода назад, и, естественно, ехать отдыхать без нее я не могу. Выходит, целый месяц буду дома. Решил было устроиться на это время куда-нибудь поработать. Жена скоро уйдет в декретный отпуск, так что дополнительные деньги лишними не будут. Но все мои попытки оказались тщетными. Обращался и в торговые точки, и в другие организации — все зря. «Временщиков», говорят, не надо. К тому же я работаю мастером, то есть ИТР, а стало быть, еще надо иметь и письмо с основной работы, что начальство не против, а они там в бюро по трудоустройству, думал, что-нибудь посоветуют, а они там знают не больше моего. Но ведь в городе на каждом шагу объявления: требуются рабочие! Да и на своем предприятии у нас такая?.. Придется, выходит, целый месяц сидеть сложа руки?

А. КАРПОВ,
г. Волжск

А ресурсы — на каждом шагу

Сейчас много говорят о кадровых проблемах, о недостатке трудовых ресурсов в разных отраслях экономики, особенно в строительстве. В студенческие годы я часто ездил в стройотряды, и это позволяло существенно пополнять личный бюджет. Кстати, и квалификацию я в те годы получил неплохую — каменщика. С той поры прошло уже пять лет, и каждое лето я пытаюсь во время отпуска устроиться на какую-нибудь стройку. Для меня, человека умственного труда, поработать физически — это же лучший отдых! Но ни разу пока не удалось найти приложение своим силам. Почему же студентам доверяют строить довольно сложные, ответственные объекты вплоть до жилых домов, а людям постарше — нет? Может, стоило бы все же найти какую-то форму организации таких же, как я, бывших бойцов ССО, имеющих и квалификацию, и опыт работы на стройках, а не отмахиваться от их помощи? Ведь нас, уверен, набралось бы вполне достаточно — желающих поработать летом, во время отпуска. Кстати, в пору отпусков обычно везде не хватает людей, а тут — целый кладезь резервов!

Владлен БОГДАНОВ,
Казань

Есть конкретное предложение...

Прочитала обзор писем, опубликованный в № 8 «Смены», и не могу не согласиться с мнением М. Траньковой из Ленинграда: «Необходимо, чтобы желающие трудиться на досуге получали всю нужную информацию в бюро по трудоустройству». Но хочу дополнить ее конкретным предложением: начинать надо с организации летнего трудоустройства в жаркие месяцы! Сколько сезонных рабочих мест появляется в городах в жаркие месяцы! Одних только продавцов прохладительных напитков сразу требуются тысячи по стране. А контролеры и прочие работники летних парков культуры и отдыха? Кроме того, у каждого крупного города есть свои зоны отдыха на реках и водоемах, где тоже надо организовать простейшую торговлю, обеспечить порядок. Но не держать же для этого штат заполненным круглый год! Думаю, проблема была бы решена, если бы те или иные организации заключали договоры с предприятиями (при посредничестве бюро по трудоустройству) на обслуживание таких зон и сезонных торговых точек. Работа почти на всех заводах сменная, значит, по утрам то вечер свободны, а желающим поработать, уверена, найдется множество.

Мария ЗАРЕЦКАЯ,
Москва

его к этому ох как легко!). Он был бы и рад внести свой вклад в семейный бюджет. Так можно ли лишать его такого права?

Латвийские ребята продают квас, мороженое, убирают и моют посуду в столовых, фасуют продукты в магазинах, зарабатывая по сто рублей и больше. Испортились они от этого? Ничуть.

Раньше подросток в Латвии устраивался на работу «куда возьмут». Теперь его интересует и то, сколько он будет получать. Ничего плохого в этом нет. Мы нередко говорим подростку: «Учись-ценишь трудовую копейку». Но чтобы ценить, ее сначала надо зарабатывать. Только тогда приходит настоящее осмысление того, как тяжело достаются деньги и как легко они тратятся.

Удивительно ли, что большинство подростков не знают истинную цену деньгам, не умеют, как говорится, вести им счет? Социологи опросили работников ряда московских предприятий и выяснили: только в одной семье из ста дети участвуют в планировании текущих семейных расходов, лишь в каждой десятой — обсуждают со взрослыми вопросы о покупке дорогих вещей, в каждой восьмой — куда поехать летом.

Аргумент третий: «Это же дети! Ценности им доверить нельзя — мало ли что может выйти?»

Опыт Прибалтики показал: случаи халатного, несерьезного отношения подростков к работе, к тем же «ценностям», крайне редки. В Юрмале, например, я беседовал с начальником отдела кадров городского управления торговли. За 15 лет работы на его памяти не было ни одного случая, чтобы подросток, находясь за прилавком, недодал сдачу.

И четвертый (последний ли?) аргумент: «Вы что, против коллективных форм? Против трудовых объединений школьников? И что хоро-

шего в индивидуальном трудоустройстве? В лагере труда и отдыха дети под контролем педагогов, а на заводе, в магазине?.. Вдруг попадут в нездоровую обстановку?»

Довод, пожалуй, самый серьезный. Далеко не все предприятия из-за низкого уровня организации труда готовы принять подростка с его весьма высокими, а порой и завышенными требованиями. В грязном цехе со старыми, неказистыми станками подросток, уверен, не задержится. Более того, у него сложится впечатление: идти на завод не следует, там все плохо.

Органы по труду считают, что многие хозяйственники еще не «созрели», они, дескать, не будут «возиться» со школьниками. Но ведь здесь речь не о филантропии, а о большом государственном деле — о подготовке трудовой смены. И этим при столь остром дефиците рабочих рук каждый хозяйственник просто обязан заниматься! Летняя работа на заводе, в столовой, в магазине — это, кроме всего прочего, и прекрасная школа профориентации.

Успехи школьных объединений известны. Нелепо было бы отрицать или приуменьшать их роль. Но в летнем лагере труда и отдыха старшеклассники, как правило, работают один месяц. А потом? Учесть тут надо и чисто психологический нюанс: в лагерь труда и отдыха школьника чаще всего отправляют, а на работу через бюро он хочет устроиться сам. Это ли не момент взросления?

...Мы часто повторяем: труд — главный фактор воспитания, труд — мерило всех человеческих достоинств и т. д. Как трогательно пишут ребята о труде в школьных сочинениях, но — вчитайтесь! — и как наивно. А может быть, пора чуточку поменьше «на пальцах» рассказывать им о том, что такое труд, зато шире открыть для подростков возможности поработать в свободное время? Так сказать, по собственному желанию.

ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО

Дорогие читатели! Началось лето — пора отпусков, каникул, долгих солнечных дней. «Смена» обращается к вам с предложением: если вы решите поработать в свободное время, заполните нашу анкету и пришлите в редакцию.

Имя, фамилия, возраст, место работы (учебы) _____

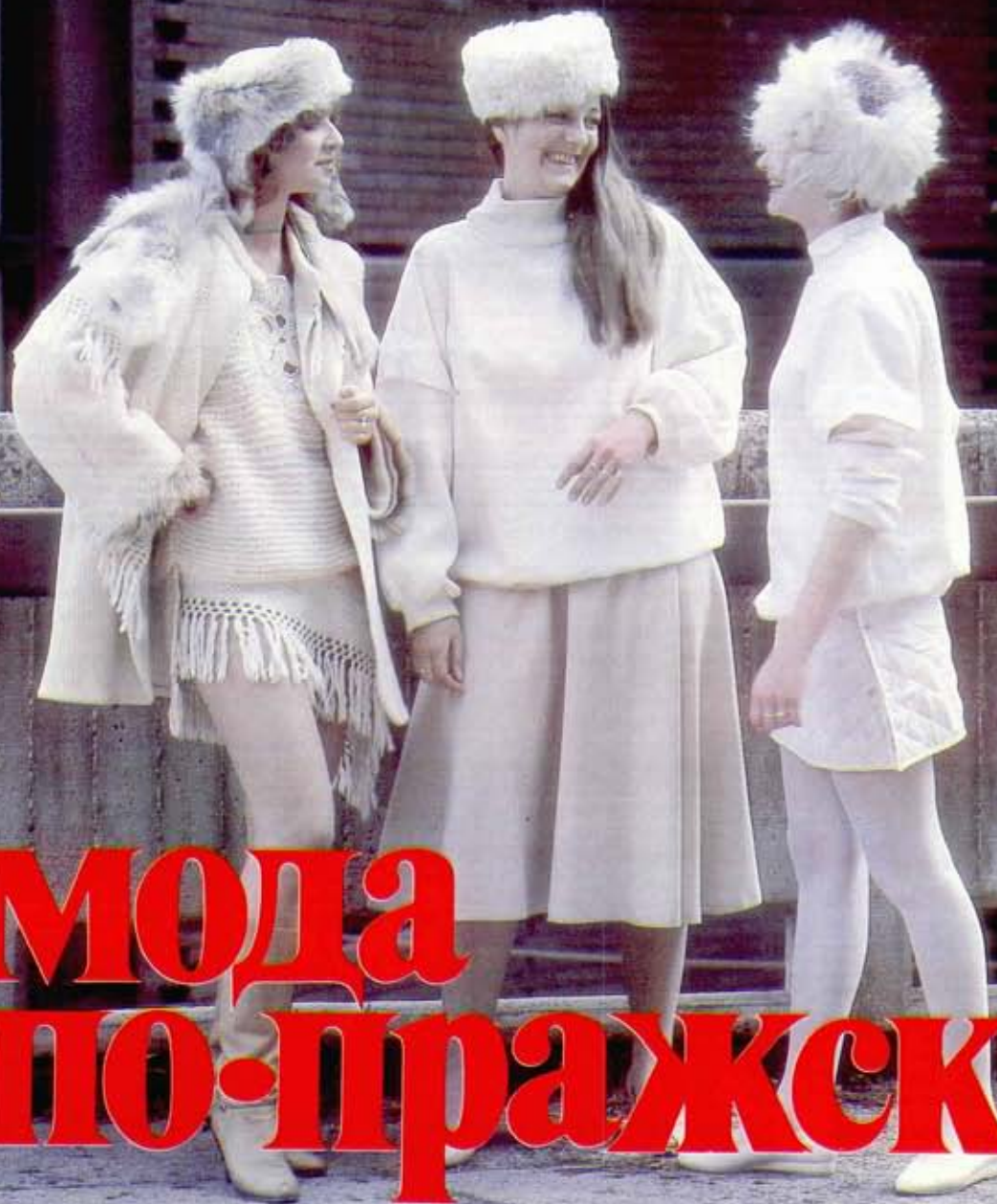
В дни отпуска (каникул) работал (пытался) _____

Заработал _____

Ваши впечатления, выводы, предложения _____

В конце лета и осенью ждем писем с ответами!

ПОРАБОТАТЬ

мода по-пражски

ных предприятий,— рассказывает член жюри конкурса, один из ведущих модельеров, Иозеф Тяптох.— Мы стремимся к тому, чтобы модели, получившие высокие оценки жюри и зрителей, как можно быстрее внедрялись в производство и попадали на прилавки магазинов.

Первый «Клуб молодежной одежды» открылся на Гавиржской улице в Праге двадцать лет назад. Теперь такие магазины есть почти во всех крупных городах Чехословакии.

— Мы не просто торговая фирма, сбывающая продукцию,— говорит директор пражского «Клуба молодежной моды» Ирена Фритшова.— Одна из важнейших функций клуба— воспитательная. Мы внимательно следим за тенденциями в моде, сотрудничаем с ведущими модельерами, изучаем покупательский спрос и принимаем участие в создании новых моделей, а тем самым и в эстетическом воспитании молодежи.

РАЗРАБОТКА НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ—ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОЗДАНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА, СЧИТАЮТ ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ХУДОЖНИКИ.

Познакомьте, пожалуйста...

У меня к вам конкретная просьба: чаще знакомить с новинками молодежной моды социалистических стран, чтобы можно было сравнить с работами наших модельеров.

Наталья КНЯЗЕВА, учащаяся ПТУ, Пермь

Владимира ВШЕТЕЧКОВА,
чехословацкая журналистка.
ОРБИС—АПН,
специально для «Смены»

Школа подготовки специалистов, создающих модную одежду, имеет в Чехословакии давние традиции. Например, текстильное училище в Брно недавно отметило свое 125-летие. Его выпускников можно встретить почти во всех крупных швейных объединениях республики. Это художники-дизайнеры по текстилю, вышивке и кружевам, современной одежде и сценическому костюму.

— В течение четырех лет наши студенты учатся чертить, моделировать, ткать, вязать, шить,— рассказывает директор училища художник Карел Велеба.— Короче, они должны овладеть всеми премудростями создания одежды.

Училища такого же профиля есть в Праге, Тренчине и Простееве. Их выпускники могут продолжить учебу в Высшем художественно-промышленном училище в Праге в мастерской профессора Здены Баузровой. Диплом этого вуза открывает двери салонов, задающих тон в чехословацкой моде.

Большое внимание моде молодых уделяет Социалистический союз молодежи ЧССР, проводящий ежегодный конкурс работ конструкторов одежды.

— Авторы должны показать практический гардероб, соответствующий требованиям мировой моды и производственным возможностям наших швей-

А что говорят очевидцы?

О комете Галлея писали в последнее время много. Но хотелось бы прочитать рассказ о работе тех, кто непосредственно участвовал в наблюдениях за кометой...

Александр ВОРОНОВ, Юрий КОТЕНКО,
г. Берегово

Наука —
техника —
прогресс

До свидания, Галлея!

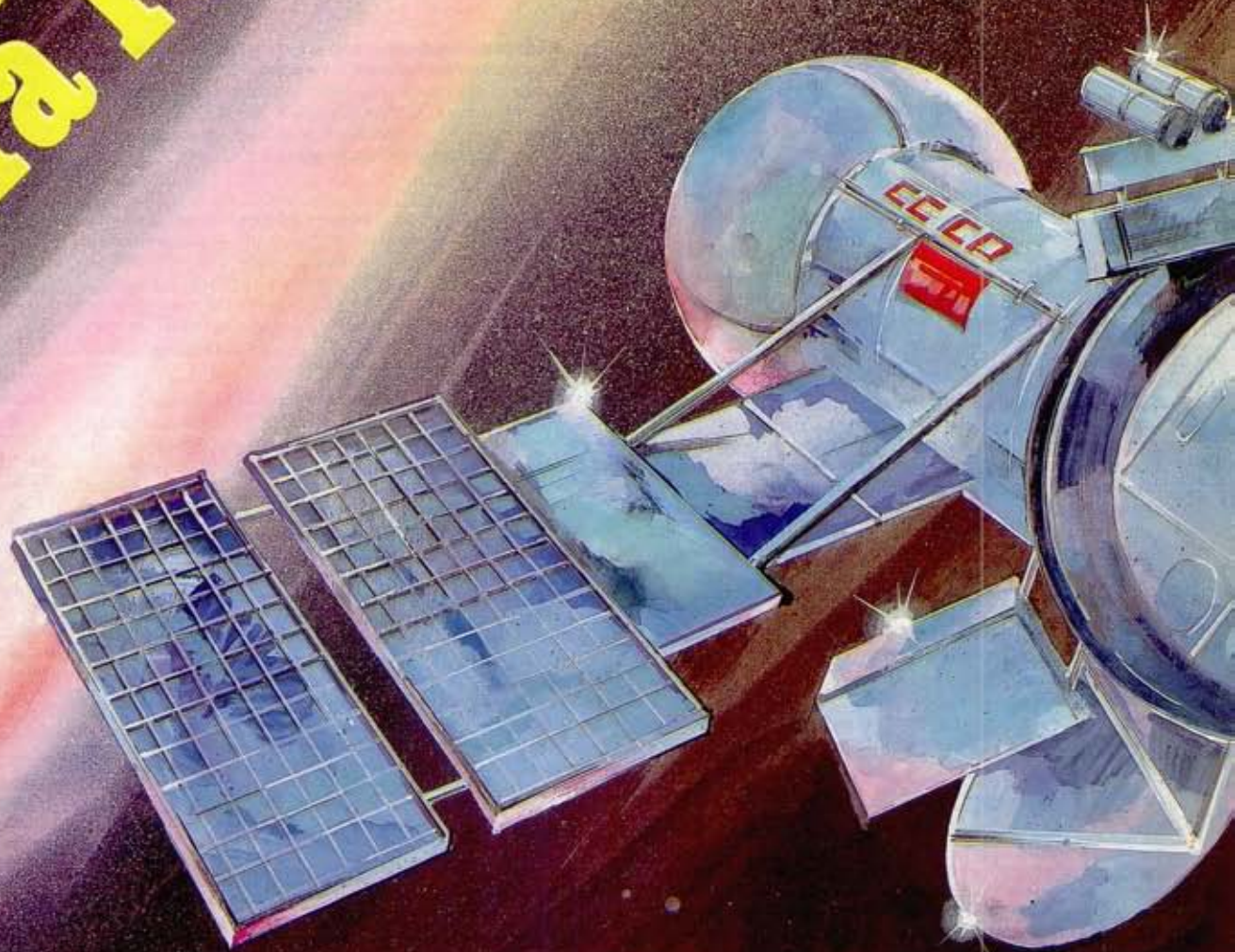

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

Директор Института
космических исследований АН СССР,
научный руководитель
проекта «Вега» академик
Роальд САГДЕЕВ:

«Успешное завершение комплексной многоцелевой программы изучения кометы Галлея с помощью советских автоматических станций «Вега-1» и «Вега-2» — внушительная победа международного коллектива ученых — участников ее осуществления.

Впервые человек смог так близко исследовать подобное космическое тело... Учитывая то, что, несмотря на мощную защиту, межпланетные станции подвергнутся бомбардировке пылевыми частицами, несущи-

мся со скоростью около 80 километров в секунду, специалисты отказались от записи научной и служебной информации на запоминающие устройства и обеспечили прямую передачу информации на Землю. Это, в свою очередь, заставило почти в двадцать раз увеличить информативность радиокomплекса, ввести постоянную ориентацию остро-направленной антенны на Землю.

Информацию о физических характеристиках ядра кометы, составе газа и пылевых частиц, взаимодействии солнечного ветра с

атмосферой и ионосферой кометы сейчас обрабатывает ЭВМ».

Итак, новая встреча с кометой Галлея состоялась. Это ее тридцатый визит из тех, что были зафиксированы людьми, начиная с 240 года до нашей эры.

В начале марта в контакт с кометой Галлея вошли советские межпланетные автоматические станции «Вега-1» и «Вега-2», стартовавшие в декабре 1984 года (в осуществлении проекта «Вега» участвовали шесть социалистических стран, Австрия, Франция и ФРГ). Пройдя в девяти тысячах километров от ядра кометы и выполнив комплекс работ, «Веги» вывели запущенный Европейским космическим агентством аппарат «Джотто» на оптимальную траекторию для прохождения через «голову» кометы на расстоянии около 600 километров от ее ядра. На снимках, полученных со станции «Джотто», ядро выглядит однородным телом неправильной формы, напоминающей картофелину длиной примерно одиннадцать километров и около семи километров в поперечнике.

Один миллиард двести миллионов километров пролетели в космическом пространстве «Веги». «Джотто» и японский аппарат «Планета-А», чтобы добыть бесценные сведения о происхождении и структуре комет, уже многие века волнующих человека. В пределах только нашей Солнечной системы имеется бесчисленное множество таких космических тел. Ученые давно уже предполагали, что кометы словно бы законсервировали в себе вещество, из которого примерно 4,5 миллиарда лет назад образовались большие внешние планеты Солнечной системы. Есть версия, что Уран и Нептун образовались из миллионов мелких комет.

Мы уже рассказывали нашим читателям об истории наблюдений за кометой Галлея, а также о том, как начиная с осени 1982 года ученые готовились к нынешней встрече с ней («Смена» № 10 за 1985 год).

В августе прошлого года первые снимки приближавшейся кометы получили астрономы Болгарии и Чехословакии, а в середине сентября Крымская астрофизическая обсерватория АН СССР провела новую фотосъемку. Вскоре десятки фотоснимков космической гостьи получили сотрудники обсерватории Уральского университета. Точно вычислить ее координаты им помог каталог-атлас опорных звезд траектории кометы Галлея, созданный учеными Уральского и Московского университетов. Каталогом воспользовались все советские и европейские обсерватории.

В первых числах ноября комету, находившуюся еще очень далеко от Земли, впервые увидели через телескоп астрономы-любители из австралийского города Алис-Спрингс.

Осенью 1985 года комета вступила в пространство внутри орбиты Марса, где уже ощущалось влияние солнечного излучения. Полученные тогда фотографии запечатлели «хвост» кометы протяженностью 2,2 миллиона километров, который раздваивался. Болгарские ученые выдвинули гипотезу о наличии у кометы Галлея двух расщепленных ядер, расположенных в двух — четырех тысячах километров друг от друга. Были выполнены также измерения светящейся массы кометного ядра. Кстати, общая масса кометы составляет около ста миллиардов тонн.

С помощью мощных телескопов впервые в нашей стране была получена информация о химическом составе и физическом состоянии вещества кометы. Предварительный анализ показал, что в «голове» кометы Галлея есть молекулы циана, двух- и трехатомного углерода, гидроксидов, аммиака, ряда других соединений. Это открытие поможет пролить свет на проблему образования планет, их дальнейшей эволюции.

К началу декабря прошлого года поперечник «головы» кометы достигал 600 тысяч километров, а длина «хвоста» — примерно 14 миллионов километров. К концу января этого года «хвост» укоротился в два с лишним раза, что, видимо, было вызвано мощными выбросами плазмы, пыли и газа, которые спустя некоторое время рассеялись в пространстве. Причиной выбросов мог быть разогрев ядра кометы при ее прохождении вблизи Солнца.

Межпланетные автоматические станции «Вега-1» и «Вега-2» уже оказали огромную услугу науке, когда в июне 1985 года по пути к комете они отделили от себя спускаемые аппараты на Венеру. В ходе пятнадцатимесячного полета «Веги» Центр дальней космической связи в Евпатории провел четыре коррекции орбит этих станций. Напряженная рабочая атмосфера царяла и в московском Институте космических исследований. В январе нынешнего года была проведена своего рода генеральная репетиция работы всей исследовательской и передающей аппаратуры, которая должна была включиться вблизи кометы в начале марта. Результаты порадовали: обе станции летели к цели, по образному выражению баллистиков, «в устойчивой трубе», что гарантировало их пролет на намеченном расстоянии от ядра кометы. Сама комета выглядела

уже как звезда примерно пятой величины. Ее «хвост», обращенный в противоположную от Солнца сторону, отчетливо разделялся на пять секторов. По мере приближения к светилу заметно менялись внешний вид кометы и размеры оболочки, окружавшей ее ядро.

При встречном движении кометы и космических аппаратов со скоростью 80 километров в секунду всего лишь доли секунды отводила небесная механика на «свидание». Однако аналитическая работа аппаратуры «Веги» продолжалась около четырех часов благодаря бортовой электронно-оптической системе наведения приборов на светящееся ядро кометы. По командам системы платформы станций поворачивались вслед за мчащейся кометой, нацеливая нужные приборы на ее ядро.

В феврале был проведен заключительный сеанс связи с «Вегами», а вскоре началась непосредственная их работа вблизи кометы. Девятого февраля комета Галлея скрылась за Солнцем и появилась в зоне видимости лишь в первых числах марта. Поскольку она плохо прослеживалась наземными телескопами в Северном полушарии, дальнейшие наблюдения за ней велись советскими и зарубежными учеными в Южном полушарии — в горах Боливи, возле города Ториха. Сохранившаяся еще с доколумбовой эпохи обсерватория в Мачу-Пикчу, археологическом комплексе на юге Перу, вновь послужила астрономии.

Там для наблюдения за кометой Галлея собрались тысячи астрономов из многих стран. Хорошо видна была она и в Австралии, и на острове Мадагаскар. В середине апреля комета вступила в противостояние с Солнцем, и при самых благоприятных погодных условиях ее еще некоторое время можно было наблюдать низко над горизонтом. Затем она скрылась из поля видимости и вновь появится теперь только через 76 лет...

Прокомментировать работу советских межпланетных автоматических станций «Вега-1» и «Вега-2» мы попросили научного сотрудника Института космических исследований АН СССР Сергея Богданова, принимавшего участие в обработке данных наблюдений за кометой Галлея:

— Особый интерес ученых к малым телам Солнечной системы — кометам, астероидам — объясняется тем, что благодаря своей малой массе и значительной удаленности от Солнца они могли законсервировать в себе вещество исходной газовой-пылевой туманности, из которой образовалась Солнечная система, и тем самым сохранить очень важную информацию о начальной стадии ее формирования.

Сейчас, после завершения этого одного из сложнейших в истории космических исследований экспериментов, ученые получили уникальную научную информацию, позволяющую не только построить модель кометы Галлея, но и заглянуть в далекое прошлое Солнечной системы.

Решение столь сложных вопросов предполагало наличие на борту космических аппаратов самых современных научных приборов для передачи информации в условиях, с которыми не встречался еще ни один космический аппарат. Сложность эксперимента состояла еще и в том, что космические аппараты были запущены с Земли в то время, когда комета наблюдалась лишь в самые сильные телескопы и траектория ее движения не была известна с достаточной точностью.

Большинство приборов, размещенных на «Вега-1» и «Вега-2», разрабатывалось при участии специалистов из Чехословакии, Венгрии, ГДР, Польши, Болгарии, Франции, ФРГ, Австрии. Всего их было установлено четырнадцать.

Ученые ставили перед собой задачи определить размеры ядра, структуру и динамику центральных областей комы кометы, химический состав комы и «хвоста» кометы, строение первичных молекул, элементный состав, размер и концентрацию пыли в коме кометы; исследовать физические и химические процессы, протекающие в атмосфере кометы, определить параметры и структуру магнитных и электромагнитных полей вблизи кометы, плотность и взаимодействие солнечного ветра и кометы.

Это далеко не полный перечень научных экспериментов, проведенных на космических аппаратах «Вега-1» и «Вега-2».

Для передачи данных с космических станций в сеансе связи «Комета» (при максимальном сближении с ядром кометы Галлея) использовалась «быстрая радиолиния», обеспечившая передачу 65 536 бит научной информации в секунду.

Несмотря на столь тщательную подготовку к встрече с кометой, ученые не исключали возможность выхода из строя ряда приборов.

За сутки до максимального сближения «Веги-2» с

ядром кометы Галлея вышли из строя блоки бортовой ЭВМ станции, отвечающие за наведение телевизионной системы на ядро. Тогда управление было передано дублирующей системе, что дало возможность получить более 700 изображений кометы на минимальном расчетном расстоянии от ее ядра (около 8000 километров). Часть солнечных батарей космических аппаратов была повреждена кометной пылью, что, однако, не сказалось на работоспособности основных научных приборов «Веги-2».

Во время пролета сквозь кому кометы комплекс плазменно-волновых приборов подтвердил предположение ученых о существовании околокометной ударной волны в солнечном ветре и исследовал ее характер. Приборы этого комплекса передали также информацию о структуре электрических и магнитных полей кометы.

С помощью пылеударного массового анализатора было получено несколько тысяч спектров элементного состава пыли комы кометы. На основе всей этой информации ученые смогут теперь по-новому взглянуть на процессы формирования планетарных образований в Галактике, и прежде всего в пределах нашей Солнечной системы.

Впереди — многие месяцы, годы обработки и анализа полученной информации, кропотливый труд ученых разных специальностей. Впереди — новые открытия.

Пожалуй, еще ни одно другое астрономическое событие не ожидалось с таким нетерпением и не будет изучаться столь тщательно, как нынешнее «свидание» с этой знаменитой космической гостьей. Причем повышенный интерес к ней проявили не только астрономы, но и многочисленные специалисты смежных областей науки, тысячи и тысячи астрономов-любителей во всем мире и... предприимчивые бизнесмены.

В конце прошлого года и в начале нынешнего расписание публичных выступлений западных астрономов, специализирующихся на комете Галлея, было не менее насыщено, чем у эстрадных знаменитостей.

Погреть руки «на комете» приспособились и многие туристические агентства. Норвежская компания «Роял викинг лайнз» организовала морской круиз с 26 марта до 9 апреля на одном из своих роскошных лайнеров. Теплоход курсировал в южной части Тихого океана, где комета Галлея обещала показать себя с максимальной яркостью. Стоимость билета — 10 220 долларов!

На Японских островах частные бюро путешествий создали «Японское общество кометы Галлея», предложившее имущим гражданам отправиться самолетами в австралийский город Батерст, где для жаждущих лицезреть комету был специально разбит палаточный лагерь.

В самом Сиднее, чтобы дать возможность горожанам получше видеть небесную красавицу, на две недели уменьшили до минимума уличное освещение, а многочисленные фонари на огромном мосту через Сиднейский залив вообще были погашены.

В Америке сотни крупных и мелких фирм активно использовали комету Галлея для рекламы своей продукции. Именем английского астронома расписывали дорожные сумки, спортивные кепи, мясные полуфабрикаты и даже оболочки пилюль от кашля. Общая прибыль, которую извлекли из этого события американские дельцы, составила около 500 миллионов долларов.

Не было радости лишь у астрономов США. Американский космический аппарат не смог принять участия в непосредственных наблюдениях за кометой Галлея. Нынешняя администрация Соединенных Штатов сочла излишним раскошелиться на это мирное предприятие в космосе. Видный американский астрофизик профессор Карл Саган так охарактеризовал позицию официального Вашингтона: «При Картере администрация США решила, а при Рейгане подтвердила, что мы не можем позволить себе такой роскоши. Стоимость полета космического аппарата для встречи с этой кометой почти равна стоимости одного бомбардировщика «В-1». По мнению Пентагона, нам необходимо сто таких бомбардировщиков, а если будет лишь 99, то под угрозой якобы окажется наша национальная безопасность...»

...Позади осталось время наиболее напряженной и ответственной работы ученых, занятых в программе по изучению кометы Галлея. Программа эта имеет не только научную значимость. Встреча с кометой, проведение целого ряда сложнейших совместных экспериментов — наглядный пример мирного сотрудничества специалистов разных стран, к которому активно стремится Советский Союз.

**Материал подготовил
Валерий МИРОНОВ.**

Какие наши годы!

Почему некоторые юноши и девушки не хотят активно участвовать в общественной жизни? Причин тут много, но главное, по-моему, в том, что нынешнее молодое поколение растет на всем готовом: хозяйство налажено, культура развита, все потребности можно удовлетворить без особых усилий. Живем-то хорошо, вот многим и кажется, что все проблемы уже решены, а наше дело, дескать,— лишь вовремя приходить на работу да исполнять свои нехитрые служебные обязанности! И работают-то многие без огонька, без напряжения—только для того, чтобы получать зарплату, занимаясь устройством своего досуга, семейными хлопотами.

Как это ни горько, но молодые люди стали больше жить для себя, не вникая, а порой и не зная насущных проблем общества. Держатся чаще кучками, раздробленно. Нет у них общих дел, общих интересов, поэтому, наверно, нет и яркой, содержательной жизни. Искренне завидую тому, кто попал в коллектив, где есть хоть несколько энтузиастов, которые работают не «от сих до сих», а увлеченно, с полной отдачей.

Почему же так бывает не везде? Более того, как мне кажется, в любой сфере нашей жизни—и на производстве, и в семье—больше конфликтов, чем понимания. Молодежь не отстаивает свои права, привыкает к положению, когда ее проблемы решают другие, старшие. Конечно, у тех больше опыта, знаний, но, поверьте, такое разделение функций неправомерно. Ведь мы, молодые, тоже можем трудиться творчески, самостоятельно, а нам говорят: ты еще молод, у тебя все впереди, я в твои годы... Поневоле пропадает всякое желание работать в полную силу.

Ирина БЕРКОВИЧ,
25 лет, проектировщица,
Минск

И невозможное возможно

Опубликованные под рубрикой «Отступить или одолеть?» в «Смене» № 7 письма молодых специалистов Ольги Борисовой и Андрея Окаемова, безусловно, очень актуальны и наводят на многие размышления. Да и сам вопрос дискуссии «Отступить или одолеть?» представляется архисовременным—ведь в нем заложен не только глубокий социально-общественный смысл, но и личностная позиция едва ли не любого молодого человека, стоящего в начале жизненного пути, который надо пройти достойно и счастливо. А счастье в конечном итоге каждый человек создает своими собственными руками.

Инженер О. Борисова заостряет внимание на образе жизни некоторых своих друзей, их поступках, пристрастиях... Послушайте, что пишет Ольга: «А мои нормальные друзья... дружно оставили свои дипломы «на черный день»: на 120 рублей, рассудили, счастливо не проживешь. Один работает в мастерской «Металлремонт», другой—носильщиком на вокзале. Подруга после пединститута берет на дом переводы и развозит газеты по точкам «Союзпечати».

Разве не странно звучат сегодня эти строчки?

Читаю их и с горечью думаю: «Неужели это пишется о молодых людях? Полных энергии, сил, здоровья, обогащенных институтскими знаниями? Нет, не верится. Наверное, Ольга имеет в виду пенсионеров, отрабатывающих свои законные два месяца».

Но, надеюсь, все, кто внимательно прочитал оба письма, поняли, что речь идет о людях, привыкших без зазрения совести брать от общества все, что оно в принципе предоставляет челове-

Продолжаем читательскую дискуссию

«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?»

Судя по откликам в редакционной почте, тема дискуссии («Смена» № 7) взволновала многих. Сегодня мы публикуем лишь несколько читательских писем, которые, как нам кажется, как бы спорят друг с другом.

Что влияет на выбор жизненного пути, жизненной позиции? Почему один, несмотря на все трудности, идет вперед, остается верен своей мечте, а другой сворачивает на обочину или же, выражаясь спортивным языком, сходит с дистанции?

Именно об этом размышляют в своих письмах читатели.

ку, а попросту говоря, «грести под себя», и при этом умудряются не растрчивать ни капли своих сил и способностей, чтобы вернуть обществу сторицей то, что получили.

Конечно, жизнь сложна, и далеко не у всех проходит она гладко, без ошибок. Как важно, чтобы наши молодые граждане знали, что решающий возраст для становления, самовоспитания не 20 или 25 лет, когда уже и институт закончен, и семья появилась, а гораздо раньше—в 13—14 лет. Да, именно в этом возрасте уже стоит задуматься, спросить себя: а так ли я живу? Какую пользу принесу я Родине, людям? Если это время упустить, если вообще жить, не ставя перед самим собой прямых и нелицеприятных вопросов, то постепенно можно просто скатиться вниз, отступить. Но как же потом будет трудно одолеть то, что все равно придется одолевать,— жизнь заставит!

Хочу напомнить молодым мудрые и добрые советы Михаила Ивановича Калинина, которые он неоднократно повторял: «Главное—это уметь видеть в жизни большую цель, великую идею. Если эта идея овладеет всем сознанием человека, то и разные житейские невзгоды ему будет легче переносить».

Прекрасно сказано!

Сегодня, как никогда, важно не бояться любых сложностей и препятствий, которые возникают на нашем стремительном пути вперед. От каждого из нас общество ждет осознанного и активного социального действия. Ум, риск и смелость—вот главные приметы нашего современника, гражданским долгом которого сегодня стало ежедневное стремление быть там, где всего сложнее и труднее. Как говорится, лучше износиться, чем заржаветь.

И потому я уверен, что большинство читателей, которым журнал задал столь актуальный вопрос: «Отступить или одолеть?», ответят на него без сомнений: «Конечно, одолеть!», подтвердив свои слова делами, поступками, энергией.

В. Ф. РУДНЕВ,
пропагандист,
Москва

Еще не закончено обсуждение вопросов, поставленных в начале дискуссии, а уже возникают новые. Откуда берутся бездельники, приспособленцы? Как преодолеть собственную инертность? Можно ли научиться жить ярко, интересно, в ладу со своей совестью?

Все вопросы, обращенные к участникам дискуссии, остаются в силе. Ваше мнение, уважаемые читатели?

Откровенно

Спрашиваете: почему иные молодые люди «уходят в тину», уваливают от работы? Скажу прямо: лень. Им лень трудиться, добиваться чего-то. Да и зачем, когда все блага достаются без труда, от родителей. И вот вместо того, чтобы заняться полезным для общества делом, такие ребята шляются по улицам с бутылкой в кармане. А если им все же приходится устраиваться на работу, то они ищут где полегче. Пусть, мол, другие вкалывают...

А. ТРЕСКИНСКИЙ,
г. Лабитнанги, Тюменская обл.

Без перспектив?

Сегодня я положил на стол своему начальнику, заведующему кафедрой сварки, заявление об увольнении по собственному желанию. Через два месяца меня освободят от занимаемой должности...

Почему пишу в редакцию об этом? Да потому, что на душе так скверно—дальше некуда.

Мне 31 год. Более десяти лет назад, после армии, я начал работать слесарем-прибористом в одном московском НИИ. Оклад—115 рублей. Пока был один, хватало: жил-то с родителями. Через два года женился, должен был родиться ребенок. Ответственность за семью привела меня к воротам автобусного парка. Шесть месяцев учебы—и я шофер. Кривая семейного бюджета резко пошла вверх. А вот семейные отношения столь же круто обострились. Развод. Появилось много свободного времени. Интерес к заработку упал, я стал много читать, думать. Решил: надо учиться.

Осенью 1978 года устроился на завод учеником слесаря-котельщика и одновременно поступил на подготовительные курсы института. Через год я студент, заработок 200 (алименты плачу сам, без суда). Увлёкся сваркой, в том же цехе получил специальность авто-

сварщика. За полтора года практически с нуля дошел до четвертого разряда (у бригадира—пятый). Учеба также двигалась успешно, в группе я был старостой.

И вот тут-то я возмечтал о преподавательской работе. Бросил завод и перешел в институт, где учился, на должность учебного мастера. Меня уверяли, что моя дипломная работа—это уже начало диссертации, что после окончания вуза мне нужно сразу поступать в аспирантуру.

Сейчас готовлюсь к защите дипломного проекта. Но, к сожалению, диплом ничего общего не имеет с будущей диссертацией. Об аспирантуре уже нет и речи. Зато все чаще задумываюсь о том, на что буду содержать жену (женился вторично) и ребенка, до появления которого на свет осталось не так уж много времени. Мой оклад—125 рублей минус четвертая часть... Вернуться на свой завод я уже не могу: во-первых, гордость не позволяет, а во-вторых, зачем же тогда учился все эти годы? И вправду, зачем?... Пойти на какой-то другой завод инженером—нет смысла: мне уже четвертый десяток, не тот возраст, чтобы ждать повышения. Вот я и решил вновь поработать на автобусе, благо права целы.

Без пяти минут инженер через пять минут собирается стать шофером... Если вы считаете, что это явление нормальное; то ничего отвечать не надо. Если же нет, то посоветуйте, как быть.

В. НИКОЛАЕВ,
г. Балашиха,
Московская обл.

Что убеждает

Вы призываете молодых работать с полной отдачей. А разве мы мало работаем? Работаем, а изменений к лучшему что-то не видно. Взять наше депо. Сколько лет я здесь, а все по-прежнему: новых станков не прибавилось, условия труда не улучшились. Откуда тут взяться энтузиазму?

Я не участвую в общественной жизни, потому что не верю ни во что и никому. Потерял веру в людей, в их искренность, доброту, бескорыстие. Понимаю, что не все стяжатели и хапуги, но в существовании бескорыстия убеждает пока только пресса. В жизни же такое—большая редкость. Нет, я не сомневаюсь в правдивости публикаций, но так хочется и в жизни встретить таких людей, о которых пишут в газетах и журналах.

А пока что убеждаешься в обратном: кругом нужны блат и связи. Да и как можно верить иному администратору, если он старается в обход общего правила пропихнуть свое чадо в институт или на какое-то «теплое» местечко? О таких примерах я знаю не только из газет.

Николай УЛАНОВ,
Свердловск

Минимум—это мало

Формализм прокрался всюду. Разве нет среди нас таких, кто живет по принципу: лишь бы меня не трогали и не ругали. Бояться проявить инициативу, самостоятельность, бояться сделать «что-нибудь не так». Выполняют установленный минимум и слывят нехлохими, дисциплинированными работниками. В общем, по форме не придерешься, а по сути... Я считаю, что сейчас нельзя мириться с такой позицией. В своем деле, на своем рабочем месте каждый из нас, как Сергей Бубка, знаменитый прыгун с шестом, должен стремиться к рекордной высоте, жить и работать по максимуму. Уверен, что многие думают так же, но часто не знают, с чего начать новую жизнь. Может, кто-нибудь подскажет?

С. БЫЧКОВ,
военнослужащий

В прошлом году (№ 18) «Смена», отвечая на многочисленные письма читателей, опубликовала материал «Владимир Высоцкий. Театр и песня». Одним из важных мотивов предыдущей публикации была, так сказать, «информационная недостаточность», когда о не всегда простых проблемах много говорят в быту и мало пишут. Читатели просили нас по возможности подробнее и четче «объяснить» Владимира Высоцкого и его удивительный творческий феномен. Статья опубликована, но поток писем возрос. Главное требование — сделать поэзию В. Высоцкого, лучшую ее часть, более доступной, снять с нее «покрывало» полупризнания. Аргументы — в пользу сегодняшней публикации стихов В. Высоцкого из книги «Нерв» («Современник», 1981 год) — в самих читательских письмах.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Чтобы судить о достоинствах и недостатках художника, надо знать его творчество. Мы же знакомы с песнями-стихами Высоцкого по магнитофонным записям, которые удается достать из третьих рук. Поэтому представление о его творчестве создается искаженное.

Учащиеся ПТУ (23 подписи), Донецк

В Болгарии вышла книга из серии, посвященной современным поэтам-бардам. В книге есть грампластинка и портрет В. Высоцкого. К сожалению, мы мало знакомы с его поэзией...

И. ЕГОРОВ, Курганская область

...Ненавижу типов, которые появляются на премьерах вовсе не потому, что в каждом первом спектакле (или концерте) есть, как в рождении ребенка, какая-то щемящая торжественность, соединение боли и радости, достигнутого и недостижимого.

Нет, быть на премьере — для снобов не самое главное, для них главное — попасть туда!..

Именно такие мещанствующие снобы распускали о Высоцком нелепые, почти фантастические сплетни и слухи и в то же самое время заискивали и лебезили перед ним. О, как им хотелось, чтобы он — Высоцкий — стал бы и для них «своим в доску», «рубахой-парнем», закадычным «дружком-приятелем»!

А он ненавидел мещан. И снобов презирал. Любых...

Лучшие песни Владимира Высоцкого — для жизни. Они — друзья людей. В песнях этих есть то, что может поддержать тебя в трудную минуту, — есть неистощимая сила, непоказная нежность и размах души человеческой.

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Из предисловия к сборнику «Нерв»

Песня певца у микрофона

Я весь в свету,
доступен всем глазам.

Я приступил
к привычной процедуре:
я к микрофону встал,

как к образам,
нет-нет,

сегодня — точно к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —

да, голос мой любому опостылет.

Уверен, если где-то я совру,

он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,

светят фонари в лицо недобро,
и сплят с боков прожектора,
и жара, жара.

Он, бестия, потоньше острия.
Слух безотказен,

слышит фальшь до йоты.

Ему плевать, что не в ударе я,

но пусть, я честно выплеваю ноты.

Сегодня я особенно хриплю,

но изменить тональность не рискую.

Ведь если я душою покривлю,

он ни за что не выправит кривую.

На шею гибкой этот микрофон

своей змеиной головою вертит.

Лишь только замолчу, ужалит он.

Я должен петь до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей.

Я видел жало. Ты змея, я знаю.

Я знал Высоцкого только по пластинкам и кинофильмам и даже не представлял, что он был еще и поэтом. Прошу «Смену» опубликовать стихи Владимира Семеновича. Книжку его стихотворений достать невозможно.

М. ГОРДЕЕВ, Петродворец

Очень хочется познакомиться со стихами человека, которого любят как поэта, как певца, как актера. После его смерти без пощадки заговорил «сарафанный телеграф». Люди спорили о творчестве Высоцкого, многое принимали, что-то отвергали, но равнодушных не было...

Сергей ПОЯРКОВ, Ленинград

Мне 66 лет, никогда не встречалась с В. Высоцким, но все фильмы с его участием, все концерты, где можно было его услышать, старалась не пропускать. Хочется знать о нем больше, хочется понять его поэтический дар...

М. ЛЕБЕДЕВА, Тула

Впервые я услышала его песни, когда мне было пятнадцать лет. Они помогли мне взрослеть. И до сих пор, слушая их, я получаю заряд нравственности, жизненной активности. Но давно уже мне хочется и почитать их про себя, как читаешь стихи.

С. БАЛЯБИН, Ухта

А я сегодня — заклинатель змей,
я не пою,
а кобру заклинаю.
Прожорлив он,
и с жадностью птенца
он изо рта выхватывает звуки.
Он в лоб мне влепит
девять грамм свинца.
Рук не поднять —
гитара вяжет руки.
Опять не будет этому конца.
Что есть мой микрофон?
Кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
но я не свят,
и микрофон не светит.
Мелодии мои попроще гамм,
но лишь сбиваюсь
с искреннего тона,
мне сразу
больно хлещет по щекам
недвижимая тень от микрофона.
Я освещен,
доступен всем глазам.
Чего мне ждать:
затишья или бури?
Я к микрофону встал,
как к образам.
Нет-нет,
сегодня точно — к амбразуре.

Из дорожного дневника

Ожидание длилось,
а проводы
были недолги.
Пожелали друзья:
«В добрый путь,
чтобы всё без помех».
И четыре страны
предо мной
расстелили дороги,
и четыре границы
шламбаумы подняли вверх.
Тени голых берез
добровольно легли под колеса,
залоснилось шоссе
и штыком заострилось вдаль.
Вечный смертник-комар
разбивался у самого носа,
превращая стекло лобовое
в картину Дали.
И сумбурные мысли,
лениво стучавшие в темя,
всколыхнулись во мне —
ну попробуй-ка, останови.
И в машину ко мне
постучало военное время.
Я впустил это время,
замешенное на крови.
И сейчас же в кабину
глаза из бинтов заглянули
и спросили: «Куда ты?
На Запад? Вертайся назад...»
Я ответить не мог:
по обшивке цапнули пули.
Я услышал: «Ложись!
Берегись! Проскочили! Бомбят!»
И исчезло шоссе —
мой единственный
верный фарватер.
Только елей стволы
без обрубленных минами крон.
Бестелесный поток

обтекал не спеша радиатор.
Я за сутки пути
не продвинулся ни на микрон.
Я уснул за рулем.
Я давно разомлел до зевоты.
Ущипнуть себя за ухо
или глаза протереть?
Вдруг в машине моей
я увидел сержанта пехоты.
«Ишь, трофейная пакость, —
сказал он, —
удобно сидеть».
Мы поели с сержантом
домашних котлет и редиски.
Он опять удивился:
«Откуда такое в войну?
Я, браток, — говорит, —
восемь дней
как позавтракал
в Минске.
Ну, спасибо, езжай!
Будет время, опять загляну...»
Он ушел на Восток
со своим
поредевшим отрядом.
Снова мирное время
в кабину вошло сквозь броню.
Это время глядело
единственной женщиной рядом.
И она мне сказала:
«Устал? Отдохни — я сменю».
Все в порядке. На месте.
Мы едем к границе.
Нас двое.
Тридцать лет отделяет
от только что виденных встреч.
Вот забегали щетки,
отмыли стекло лобовое.
Мы увидели знаки,
что призваны предостеречь.
Кроме редких ухабов,
ничто на войну не похоже.
Только лес молодой
да сквозь снова налипшую грязь
два огромных штыка
полоснули морозом по коже,
остриями — по-мирному —
кверху,
а не накренься.
Здесь, на трассе прямой,
мне,
не знавшему пуль,
показалось,
что и я где-то здесь
довооуживал невдалеке.
Потому для меня
и шоссе,
словно штык, заострилось,
и лохмотия свастик
болтались на этом штыке.

Упрямо я стремлюсь ко дну,
дыханье рвется,
давит уши.
Зачем иду на глубину?
Чем плохо было мне на суше?
Там на земле — и стол, и дом.
Там — я и пел, и надрылся...
И плавал все же, хоть с трудом,
но на поверхности держался.
Земные страсти под луной
в обыденной линияют жиже,
а я врываюсь в мир иной
тем невозвратнее, чем ниже.

Я не «идолопоклонник», но песни Высоцкого мы пели еще в середине 60-х, подчас даже не зная их автора. Мы пели их у костра, в горах, в электричке. Эти песни — факт биографии нашего поколения.

Е. ЯЛУНИН, Москва

Нам известно, что книга стихов В. Высоцкого «Нерв» вышла в 1981 году в издательстве «Современник» малым тиражом, из-за чего возник вокруг нее нездоровый ажиотаж. До молодежи она практически не дошла. Очень просим опубликовать стихи из этой книги, желательнее малоизвестные.

Семья ИВАКИНЫХ,
Тюменская обл.

Дышу я непривычно ртом.
Среда бурлит — плевать на среду!
Я погружаюсь, и притом
быстрее — в пику Архимеду.

Я потерял ориентир,
но вспомнил сказки, сны и мифы...
Я открываю новый мир,
пройдя коралловые рифы.

Коралловые города...
В них многогорбно, но не шумно —
нема подводная среда,
и многоцветна, и разумна.

Где та чудовищная мгла,
которой матери стражуют?
Светло, хотя ни факела,
ни солнце мглу не освещают.

Все гениальное и не-
допонятое — всплеск и шалость.
Спаслось и скрылось в глубине
все, что гналось и запрещалось.

Дай бог, я все же дотяну,
не дам им долго залежаться.
И я вгребаясь в глубину,
мне все труднее погружаться.

Под черепом — могильный звон,
давление мне хребет ломает,
вода выталкивает вон,
и — глубина не принимает.

Я снял с острой карабин,
но камень взял (не обессудьте),
чтобы добраться до глубин,
до тех пластов — до самой сути.

Я бросил нож — не нужен он.
Там нет врагов, там все мы — люди.
Там каждый, кто вооружен,
нелеп и глуп, как вошь на блюде.

Сравнюсь с тобой, подводный гриб,
забудем и чины, и ранги.
Мы снова превратились в рыб,
и наши жабры — акваланги.

Нептун — ныряльщик с бородой,
ответь и облегчи мне душу:
— Зачем простились мы с тобой,
предпочитая влаге сушу?

Меня сомненья — черт возьми! —
давно буравами сверлили:
зачем мы сделались людьми?
Зачем потом заговорили?

Зачем, живя на четырех,
мы встали, распрямили спины?
Затем — и это видит Бог, —
чтоб взять камня и дубины.

Мы умудрились много знать,
повсюду мест наделать лобных,
и предавать, и распинать,
и брать на крюк себе подобных.

И я намеренно тону,
ору: — Спасите наши души!
И если я не дотяну, —
друзья мои,

бегите с суши!
Назад, не к горю,
не к беде,
назад и вглубь, но не ко гробу,

назад — к прибежищу, к воде!
Назад — в извечную утробу!

Похлопал по плечу трепанг,
признав во мне свою породу.
И я выплевываю шланг
и в легкие пускаю воду!..

Сомкните стройные ряды,
покрепче закупорьте уши.
Ушел один — в том нет беды,
но я приду по ваши души!

Так дымно,
что в зеркале нет отраженья,
и даже напротив не видно лица,
и пары успели устать от круженья,
и все-таки я допою до конца.
Полгода не балует солнцем погода,
и души застыли под коркою льда,
и, видно, напрасно я жду ледохода,
и память
не может согреть в холода.
В оркестре играют устало,

сбиваясь,
смыкается круг —
не прорвать мне кольца.
Спокойно! Я должен уйти улыбаясь,
но все-таки я допою до конца.

Зарыты в нашу память на века
и даты, и события, и лица,
а память как колодец глубока, —
попробуй заглянуть — наверняка,
лицо — и то — неясно отразится.

Разглядеть,
что истинно, что ложно,
может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно,
не разбейте глиняный сосуд.

Одни его лениво ворошат,
другие неохотно вспоминают,
а третьи даже помнить не хотят,
и прошлое лежит, как старый клад,
который никогда не раскапывают.

И поток годов унес с границы
стрелки — указатели пути,
очень просто в прошлом заблудиться
и назад дороги не найти.

С налета не вини — повремени!
Есть у людей на все свои причины.
Не скрыть, а позабыть хотят они:
ведь в толще лет еще лежат в тени
забытые заржавленные мины.

В минном поле прошлого копаться
лучше без ошибок, потому
что на минном поле ошибаться
просто абсолютно ни к чему.

Один толчок — и стрелки побегут,
а нервы у людей не из каната,
и будет взрыв,

и перетрется жгут...
Ах, если люди вовремя найдут
и извлекут до взрыва детонатор!

Спит земля спокойно под цветами,
но когда находят мины в ней,
их берут умелыми руками
и взрывают дальше от людей.

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе,
на все я не имею полномочий...
Я был зчат,
как нужно, во грехе, —
в поту и в нервах
первой брачной ночи.
Да, знал я, отрываясь от земли:
чем выше мы,
тем жестче и суровей;
я шел спокойно прямо в короли
и вел себя
наследным принцем крови.
Я знал — все будет так,
как я хочу.

Дайте слово комментатору

Широкому читателю мало что известно о специфике работы спортивных телекомментаторов. И вообще, как приходят бывшие спортсмены на телевидение? Имеет ли право комментатор высказывать в репортаже собственное мнение по поводу хода игры или соревнований? Словом, вопросов к ним много. Пожалуйста, дайте им слово на страницах журнала.

А. КОДАКОВ,
Одесса

КОММЕНТ К ЖИЗНИ

Любителям футбола хорошо известно имя заслуженного мастера спорта СССР Владимира Маслаченко, в течение 18 лет защищавшего спортивную честь «Локомотива» и «Спартака», неоднократно выступавшего за сборную СССР.

Владимир Маслаченко входит в «Клуб Льва Яшина», доступ куда открыт только тем голкиперам, которые остались «сухими» в 100 и более матчах.

Сегодняшняя работа Владимира Никитовича — органичное продолжение его спортивной деятельности. Поэтому, прежде чем спросить, что привело его в спортивную тележурналистику, я попытался выяснить, как состоялась его первая встреча с футболом.

Мне было лет семь. Вернувшись из эвакуации, мы жили в Кривом Роге. Родители считали меня болезненным ребенком и все время таскали по врачам. И вот как-то на пути в поликлинику я увидел мальчишек, игравших в футбол. Когда мы проходили за воротами, вратарь как раз пропустил гол. Тогда я, вырвавшись от матери, которая держала меня за руку, растянулся на булыжной мостовой и поймал мяч. Кто-то из мальчишек крикнул мне: «Эй, ты! Приходи сюда завтра!» Я кивнул головой и тут же получил нагоняй от матери, не подозревавшей, что в тот миг я, как говорится, услышал зов судьбы.

Ему есть что вспомнить: в те времена на зеленое поле выходили легендарные форварды из ЦДКА и «Динамо», неповторимые звезды московского «Спартака»... Торопливый голос Вадима Синявского увлекал воображение мальчишек, и они, сидя у репродукторов, мысленно совершенно отчетливо видели «коронные» финты и замысловатые комбинации своих кумиров. И потом, во дворе, играя в футбол самодельным тряпичным мячом, они ощущали себя в одной команде с Хомичем и Бесковым, с Грининым и Бобровым...

— А ведь, кроме футбола, был еще баскетбол, волейбол, настольный теннис. Однажды простоял у теннисного стола с 8 утра до половины третьего ночи.

— В то время вам, наверное, и в голову не приходило, что когда-нибудь вы, как и Вадим Синявский, тоже будете «работать в эфире»...

— Нет, конечно. Да и потом, размышляя о своем будущем, думал о чем угодно, только не о тележурналистике. Она, как и футбол, позвала меня неожиданно, правда, знакомым голосом Николая Николаевича Озерова. Я тогда иг-

рал в «Спартаке» и вовсе не собирался уходить из футбола. Уверен, что смог бы сохранить высокую форму еще на протяжении нескольких лет. И вдруг в «Спартак» приглашают Анзора Кавазашвили. Я сначала даже обрадовался этому, так как был убежден, что в конкуренции с Анзором сумеем отстоять право быть первым вратарем «Спартака». Но мой «поединок» с Анзором не состоялся — руководители команды заранее решили отдать ему предпочтение.

У меня в то время было столько приглашений от других клубов, что я мог бы устроить жеребьевку. Но я поставил точку. Или «Спартак», или: «Прощай, футбол...»

Так закончилась моя спортивная карьера. И хотя я уже получил диплом об окончании института физкультуры, чувствовал себя словно путник в незнакомом городе... Стал заниматься на курсах французского. (До этого я несколько лет изучал язык самостоятельно.) Совершенно оставить футбол я не мог, поэтому выступал за команду ветеранов и, разумеется, был частым гостем на стадионе, теперь уже в качестве зрителя. И вот однажды Николай Николаевич Озеров, с которым мы встретились на каком-то матче, сказал мне:

— Поднимись во втором тайме ко мне в комментаторскую кабину, я задам тебе кое-какие вопросы...

Словом, Николай Николаевич сделал меня участником прямого репортажа. А после окончания игры спросил:

— Послушай, а не попробовать ли тебе заняться радиожурналистикой?

После этого я стал регулярно ходить на стадион вместе с Озеровым. Для меня заказывалась свободная линия, и я вел репортаж — иногда 15 минут, а иногда и 45. В эфир он, естественно, не шел, а записывался на пленку. Потом мы встречались с Озеровым, закрывались в студии, включали магнитофон, и Николай Николаевич разбирал мои промахи. И все же примером через год все это мне надело. Я сказал:

— Давайте устроим мне прослушивание, и пусть специалисты скажут, годюсь я в комментаторы или нет.

Во мне заговорил чисто спортивный азарт. Собрались журналисты, редакторы, а я... как и положено новичку, сделал грубую ошибку: забыл включить. Но потом все-таки отработал свои 15 минут. Видимо, это было не так уж плохо, потому что мне предложили подать заявление о приеме на работу.

— Когда-то вы смотрели в поле из вратарской площадки. Но вот уже 15 лет видите стадион из кабины комментатора. В чем разница?

— Я ее не ощущаю, — говорит Маслаченко. — Когда был голкипером, тоже стремился проникать в суть футбола.

Но гениальный всплеск
похож на бред.

В рождение
смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
и не находим нужного вопроса.

Маски

Смеюсь навзрыд,
как у кривых зеркал,
меня, должно быть,
ловко разыграли:
крючки носов и до ушей оскал —
как на венецианском карнавале.

Что делать мне?
Бежать, да поскорей?

А может,
вместе с ними веселиться?
Надеюсь я — под маскою зверей
и многих человеческие лица.
Все в масках, париках —
все, как один.

Кто сказочен, а кто —
литературен.
Сосед мой справа —
грустный Арлекин,
другой — палач,
а каждый третий — дурень.

Я в хоровод вступаю хохоча,
но все-таки
мне беспокойно с ними, —
а вдруг кому-то маска палача
понравится и он ее не снимет?

Вдруг Арлекин навеки загрустит,
любуюсь сам
своим лицом печальным?

Что,
если дурень свой дурацкий вид
так и забудет на лице нормальном?

Вокруг меня смыкается кольцо,
меня хватают, вовлекают в пляску.
Так-так, мое обычное лицо
все остальные приняли за маску.

Петарды, конфетти!
Но все не так...

И маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт,
что наступаю на ноги партнерам.

Смеются злые маски надо мной,
веселье — те начинают злиться,
за маской пряча,
словно за стеной,
свои людские подлинные лица.

За музами гоняюсь по пятам,
но ни одну не попрошу открыться:
что, если маски сброшены, а там
все те же полумаски-полулица?

Я в тайну масок все-таки проник.
Уверен я, что мой анализ точен:
и маска равнодушья у иных —
защита от плевков и от пощечин.

Как доброго лица не прозевать,
как честных угадать
наверняка мне?

Они решили маски надевать,
чтоб не разбить свое лицо о камни.

Запомню, запомню,
запомню тот вечер,
и встречу с любимой,
и праздничный стол.
Сегодня я сам самый
главный диспетчер,
и стрелки сегодня я сам перевел.

И пусть отправляю
я поезд в пустыню,
где только барханы
в горячих лучах, —
мои поезда не вернутся пустыми,
пока мой оазис совсем не зачах.

И вновь отправляю я поезд по миру,
я рук не ломаю, навзрыд не кричу.
И мне не навязжут
чужих пассажиров —
сажаю в свой поезд кого захочу.

Я не бывал внакладе и в уроне.
Мои друзья по школе и мечу
служили мне, как их отцы — короле.

Не думал я над тем, что говорю,
и с легкостью
слова бросал на ветер.
Мне верили и так, как главарю,
все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
и злую лошадь мучил стремянами.

Я знал, мне будет сказано:
«Царуй!»

Клеймо на лбу
мне рок с рожденья выжиг.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
был терпелив
к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
а тайный взгляд,
когда он зол и горек,
умел скрывать, воспитанный шутком.
Шут мертв теперь...
«Аминь! Бедняга Йорик!»

Но отказался я от дележа
наград, добычи, славы, привилегий:
вдруг стало жаль мне
мертвого пажа...
Я объезжал зеленые побеги.

Я позабыл охотничий азарт,
возненавидел и борзых, и гончих.
Я от подранка гнал коня назад
и плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел:
наши игры с каждым днем
все больше походили на бесчинства.
В проточных водах по ночам, тайком
я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал,
глупея с каждым днем,
и — прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
не нравились. И я зарылся в книги.

Мой мозг,
до знаний жадный, как паук,
все постигал:
недвижность и движенья,
но толку нет от мыслей и наук,
когда повсюду им опроверженья.

С друзьями детства
перетерлась нить.
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами —
«быть — не быть»,
как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед.
В него мы стрелы мечем —
в сито просо,
отсеивая призрачный ответ
от вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша
сквозь затихший гул,
пошел на зов, —
сомнения кралась с тылу,
груз тяжких дум наверх меня тянул,
а крылья плоти вниз влекли,
в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни,
едва застыв,
он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все.
И, как они,
я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью —
есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнивал
с тем, с кем я лег
в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал.
Я наплевал на датскую корону.
Но в их глазах —
за трон я глотку рвал
и убивал соперника по трону.

Не понимая общих закономерностей игры, не обладая способностью предугадывать действия игроков, трудно защищать ворота. Мне было интересно, как действует нападающий, какова его психология. Вот почему на тренировках я очень много играл в поле...

И сегодня, глядя на рисунок современного футбола, я стараюсь постичь, как он изменяется, догадаться о том, что пока еще не стало очевидным для всех. Так на последнем чемпионате Европы я увидел новую расстановку игроков — пять футболистов в средней

Фото Петра НОВИКОВА

Мы очень большое значение придаем морально-волевой подготовке и «блеску в глазах». Хотелось бы, во-первых, чтобы этот «блеск» был блеском мысли. А во-вторых, нельзя забывать, что воля, упорство, самоотверженность не могут компенсировать отсутствие техники.

Что касается заявления Лобановского, то, думаю, иначе он и не мог сказать. Истинные спортсмены всегда должны ставить перед собой самую высокую цель. Кстати сказать, наш футбол, несмотря на все неудачи последних лет, вполне конкурентоспособен на международной арене.

— Тем не менее удача, образно говоря, не преследует наших мастеров. Почему же?

— По-моему, главные причины — недоверие тренеров к фантазии исполнителей и недостаточный технический уровень футболистов, не позволяющий им отдаться на произвол своего воображения.

Футбол начинается в детстве. Необходимо так воспитывать юных, чтобы они мечтали стать виртуозами, ценили эстетику футбола, чтобы их одушевлял тот дух чистоты и бескорыстия, который всегда отличал истинных мастеров. Отсюда понятно, сколь высокие требования должны мы предъявлять к воспитателям юных спортсменов. Говоря так, я имею в виду не только учителей физкультуры и тренеров, но и нас, спортивных журналистов. Я часто выступал в школах и в профессионально-технических училищах. Помню, в одном ПТУ я попросил ребят: пусть те, кто всерьез занимается спортом, поднимут руку. И я был потрясен, когда в зале не поднялось ни одной руки...

Почему же многие юноши и девушки обходят стороной спортивные площадки? Может быть, потому, что они хотят заниматься не физическими упражнениями вообще, а именно тем видом спорта, который вызывает у них интерес?

— Журналисты, как правило, мечтают написать книгу. А о чем мечтаете вы?

— В ближайшие годы получат распространение видеоматрифоны. Поэтому нужно уже сейчас создавать учебные программы, посвященные утренней гимнастике, аэробике, атлетизму и т. д. Необходимы видеофильмы, которые помогли бы овладеть техникой горных лыж, настольного тенниса, езды на велосипеде... Не сомневаюсь, что большой популярностью пользовались бы и развлекательные программы с участием лучших фигуристов, гимнастов, горнолыжников, а также «звезд» эстрады.

— Телезрители знают телекомментаторов в лицо. Видимо, и вас нередко узнают на улице. Как вы к этому относитесь?

— Как-то раз на встрече со зрителями — она называлась «Спорт и юмор» — писатель Михаил Генин сказал: «Человек становится по-настоящему популярным, когда его начинают пародировать. А вот Маслаченко, к сожалению, никак не даст нам повода для пародии». Прошло несколько месяцев, Генин позвонил мне и сказал: «Ну, наконец-то. Твоя фраза: «Футбол — это всегда интересно» — как раз то, что нужно. Теперь я за тебя возьмусь».

Но, увы, пародии все нет и нет...

И все же, хотя меня и не тяготит бремя популярности, ко мне действительно иногда подходят незнакомые люди и задают вопросы — обычно о футболе. Отвечая им, я стараюсь быть предельно откровенным. В последнее время меня чаще всего спрашивают, кто же завоюет золотые медали на чемпионате мира в Мексике. А это как раз тот вопрос, на который я не в состоянии ответить.

Беседовал
Андрей БАТАШЕВ.

АРИИ КОММЕНТАТОРА

линии, которую применила команда Дании. Этот вариант очень быстро переняли французы, которые и стали чемпионами.

Я сказал с телеэкрана об этом новшестве, однако потом с изумлением услышал от некоторых наших специалистов, что они не заметили на первенстве континента ничего особенного... К сожалению, тренеров, как правило, не интересует мнение комментатора. А жаль.

— В чем вы видите основную задачу комментатора? Что заставляет вас чувствовать себя необходимым для зрителя, который, казалось бы, видит то же, что и вы?

— Это не совсем так. Мой взгляд обострен моим спортивным прошлым. Я стараюсь не просто фиксировать то, что и так всем ясно, а стремлюсь открыть то, что было бы, если бы... Иными словами, пытаюсь показать возможности и футболистов, и футбола. Оценивая действия игроков, я обычно предлагаю свой вариант развития той или иной ситуации, тем самым приглашая зрителя в собеседники, а может быть, и в оппоненты...

— Утверждают, что жизнь комментаторов полна неожиданностей...

— Увы, как и во всякой другой, без них не обходится. Бывают необъяснимые случаи, когда комментатор вдруг перестает «слышать» себя. Со мной это произошло несколько лет назад. Рассказывая в программе «Время» о международном шахматном турнире в Голландии, я сказал, что Михаил Таль сыграл вничью с американцем Робертом... Фишером.

Когда я вышел из студии, меня остановил ответственный выпускающий:

— Немедленно иди обратно! Таль играл с Бирном! Бирном, а не Фишером! Иди и извинись перед телезрителями.

— Но это нелепая оговорка... Все знают, что Фишер уже давно не выступает...

— Все равно, после сообщения о погоде выйди и скажи, что ты ошибся.

Но я так и не пошел. Ошибку решили исправить на следующий день. Мой коллега должен был прочитать: «Напомним, что вчера в Голландии завершился очередной тур международного шахматного турнира», а затем объявить его результаты. Комментатор так и сделал. Правда, при этом он чуть ли не всех шахматистов назвал Робертами... Эту ошибку исправить было уже невозможно...

Иной раз комментатору приходится и рисковать. Несколько лет назад в Воскресенске проходил хоккейный матч с участием «Химика». От результата игры зависела расстановка лидеров в таблице.

Мы организовали телемост «Воскресенск — комната редактора — студия»

и, казалось, были готовы ко всему. И вот я веду спортивный выпуск, и вдруг дверь открывается, в студию входит редактор и, чтобы не попасть в кадр, издала на пальцах показывает мне цифры: 3, 2 и 1.

Я его не понимаю... В это время на экране побежала картинка — я вышел из кадра. Воспользовавшись этим, сую ему лист бумаги и показываю: «Пиши!» Редактор начинает писать: «За одну минуту до конца счет 3:2 в пользу «Химика».

Не успел я это произнести, как замечаю, что теперь уже диктор Аза Лихитченко, получив новое сообщение, тоже что-то пишет для меня. Но теперь уже и она, и я в кадре. Тогда, не скрываясь уже больше от телезрителей, беру листок и читаю: «Счет 3:2 в пользу «Химика» за одну секунду до конца игры».

Что делать? Ждать следующего звонка из Воскресенска? На это нет времени. Я мысленно увидел ледовую площадку и понял, что у себя дома «Химик» ни за что не пропустит шайбу за секунду до конца... И объявил, что матч в Воскресенске закончился победой хозяев площадки. Счет, к счастью для меня, не изменился...

Все дальше уплывает в прошлое время, когда он, Владимир Маслаченко, с восторгом слушал репортажи Вадима Снявского о матчах с участием «звезд» послевоенного футбола. Однако он и сегодня чувствует себя представителем того поколения болельщиков, которые, аплодируя мастерству и мужеству выдающихся мастеров, стремились и в обычной жизни быть похожими на своих кумиров, действительно любивших «не себя в искусстве, а искусство в себе».

— Наверное, поэтому, — говорит Маслаченко, — я не могу без чувства стыда смотреть, как иные игроки, получив в столкновении удар, как снопы, валяются на землю. Думаю, что имею моральное право сказать об этом, так как очень хорошо знаю, что такое ушибы и переломы.

Я считаю: если уж ты выбрал футбол, изволь уважать зрителей и веди себя, как подобает мужчине. Однажды, когда неимоверные страдания изображал Виталий Старухин, мощный форвард донецкого «Шахтера», истинный атлет по своим физическим данным, я, не выдержав, сказал во время репортажа: «Товарищ Старухин! Встаньте, пожалуйста! Все зрители вас уже пожалели...»

Конечно, после таких замечаний у комментатора порой возникают конфликты с игроками.

— А какие качества, на ваш взгляд, определяют истинного мастера? Совершенная техника? Видение поля? Чувство мяча, партнера?..

— ...И воображение. Индивидуальность исполнителя. Сегодня на нее огромный спрос. К сожалению, в нашем футболе оригинальных мастеров меньше, чем хотелось бы. Почему? Может быть, потому, что тренеры далеко не всегда ощущают ту грань, за которой система, организация начинают подавлять индивидуальность футболистов... Когда я вижу, как руководители команд навязывают свою схему талантливым мастерам, не считаясь с их пожеланиями, моя душа протестует.

Мне думается, в рамках любой тактической системы необходимо оставлять простор для творчества. Именно так поступал один из лучших советских тренеров, Борис Андреевич Аркадьев. Истинный архитектор игры, Аркадьев всегда давал футболистам возможность творить на поле. Это создавало особую атмосферу в команде, потому что только творчество, я убежден в этом, рождает дружбу в коллективе.

Мне могут возразить, приведя примеры того, как «порядок» (то есть организация) бил «класс», который предполагает коллективное творчество исполнителей. Да, так бывало. Но «порядок» не способен долго одерживать верх над «классом». Если же на каком-то этапе он срывается, тогда возникает порядочная, то есть средняя команда. Она может преуспеть в борьбе за очки, но вот творить на футбольном поле ей не дано. На это способны лишь «классные» коллективы, такие, как ЦДКА, «Динамо» (Москва) и «Спартак» 1956 года, как «Динамо» (Тбилиси) 1981 года.

Иной раз о музыканте-виртуозе говорят, что он играет «в завтра» — настолько необычна его трактовка произведения и совершенна техника. Точно так же следует, видимо, оценивать и игру футбольных «звезд», яркость которых зависит от того, насколько далеко они продвинулись в это манящее «завтра».

— Владимир Никитович, считанные дни отделяют нас от начала мексиканского чемпионата мира. Реальны ли, по вашему мнению, надежды старшего тренера сборной команды СССР В. Лобановского, который заявил в одном из своих интервью: «В Мексике мы будем стремиться к наивысшему результату...»?

— Мне кажется, в Мексике восторжествует футбольное искусство, в котором будут и мысль (тактика), и чувство (импровизация), и высочайшее техническое мастерство. А вот те, кто уповает лишь на физическую подготовку и, в частности, на умение быстро бегать, останутся, видимо, на вторых ролях. В числе главных претендентов на победу будут, на мой взгляд, южноамериканские команды, а также сборные Франции и Италии. Шансы нашей команды, по-моему, пятьдесят на пятьдесят.

ЗЕМЛЯ МЫ ДЕТИ ТВОИ

Евгений САДОВСКИЙ,
майор милиции,
Москва

Могила Неизвестного солдата

Кремлевский сквер,
Знакомая ограда...
Иду, молчанье
Скорбное храня,
К могиле
Неизвестного солдата,
Где бьется пламя
Вечного огня.

Дань почести отдать
Тому солдату
Иду я
С непокрытой головой,—
Иду я как к отцу,
Иду как к брату,
Погибшим в сорок первом
Под Москвой.

Иду к тому,
Кто спас весь мир когда-то,
Кто преградил дорогу
Черной мгле,—
К могиле
Неизвестного солдата,
Известного
Всем людям на земле!

Юрий ФРОЛОВ,
мастер,
Московская обл.

Подарок отца

Стамески, молотки, рубанки
Легли на стол передо мной.
Мне показалось — пахнет дранкой
У нас в квартире городской.

Я у отца труду учился —
За верстаком был рядом с ним.
Отец мой фабрикой гордился,
А фабрика гордилась им.

Порой мой путь
был в жизни труден,
И я скажу не для словца —
Мне показал дорогу в люди
Подарок моего отца.

Эльвира ЧАСТИКОВА,
библиотекарь,
Обнинск

Слушай, Земля!

Слушай, Земля,
как поют на лугах нынче травы.
Бархатный шмель поселился в лиловом цветке.
Может быть, те, кто в бессмертие верует, правы?
Жить бы да жить
в первобытном простом стебельке!

От горизонта до купола было бы синим
Вечное небо, и тени прозрачно б легли.
Не потому, что красива Земля, а как символ
Мира, желанного мира,
вблизи и вдали.

Пусть бы крылом прикасался к прохладе рассвета
Голубь ручной.
Ты прислушайся только, Земля!
Ах, как поет каждой травкой российское лето,
Щедро всему и бессмертье, и радость суля!

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Несколько тысяч читателей ежегодно участвуют в нашем конкурсе. Около ста стихотворений самодеятельных авторов появляются на страницах журнала. Многие победители конкурса «Смены» выпустили поэтические сборники, завоевали признание читательской аудитории.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Светлана ТОМСКИХ,
студентка,
Челябинск

Так хорошо в натопленной избе
От тяжести пурги освободиться
И на скамейку тихо опуститься,
Рассказывая что-то о себе;
Смотреть в окно,

как густо снег идет,
И обжигаться чаем непривычным,
Которому название — брусничный,
Его хозяйка в руки подает.
В сервантах здесь
сервизы не стоят,
Здесь не фарфор,

а кружки жестяные,
Их мятые бока — не расписные,
Они и формы строго не хранят.
Изысканность не для таких домов,
Но разве мы изысканность искали?
Мы от нее и в городе устали,
Нам простота важнее других даров.
О счастье мимолетном и судьбе
Поет хозяйка за беленой печью.
Как шалью, теплотой укрыты плечи,
Так хорошо в натопленной избе!

Евгений ПОЖИДАЕВ,
школьник,
Новочеркасск

Ночь

Все затихает: лес, река
И шум долины беспокойной.
И спят седые облака
Среди холмов степей привольных.
Вот Дон замедлил шаг размерный,
К березкам ласковым приник.
И от смущения, наверно,
Притих бунтующий родник.

Вадим КАТКЕВИЧ,
актер,
Ленинград

Давнее

Поздравление было в стихах,
рокотало над стадионом.
Дед Мороз выезжал на коньках —
представляете? — с микрофоном!

Вам сегодня — в танце кружить,
вам сегодня — игры да пение.
Ну, а Деду надо прожить —
представляете? — до стипендии...

Бал закончен. Второй — на носу.
Я иду по вечернему городу
и в спортивной сумке несу —
представляете? —
клей да бороду...

Юрий ЕГУНОВ,
полковник запаса,
г. Горький

Горит огонь...

Горит огонь, горит у пьедестала
И светит в непогоду и туман.
Он — как костер последнего привала
Моих друзей, моих однополчан.

Им не трубят ни «Сбора», ни «Отбоя».
Оглухнув на войне от канонад,
Они остались там, где поле боя
Могилой братской стало для солдат.

Здесь соловьи и русские березы,
Что в дни войны солдаты сберегли,
И кажется, в лугах лежат не росы,
А слезы матерей родной земли.

**Владимир
КОНДРИЯНЕНКО,**
капитан-лейтенант,
Кронштадт

Ночь. Вокзал. Бездомная дворняга
Заскулила под стеной во сне,
Вспомнив,
как вчера вблизи продмага
Ее били палкой по спине.

Как, дрожа, зализывала раны
И, в кустах приткнувшись пустыря,
На земле сырой проснулась рано
Под дождем холодным октября.

Как искала целый день приюта,
Тюкали ее со всех сторон,
Гнали от больницы, института,
Сторож не пустил на стадион.

Как плелась по выцветшему саду,
И в сердцах срывая кто-то злость,
Громко крикнул:

— Пристрелить бы надо!
Много их, бездомных, развелось...

Человек не стал ей старшим братом,
Кто бросал камнями, кто свистел.
А она смотрела виновато,
Взгляд о дружбе рассказать хотел.

Елена ИСАЕВА,
машинистка,
Москва

Оказалось вдруг, что я не в силах
Твой портрет изобразить в словах.
Молодой, веселый и красивый,
С доброю улыбкой на губах...
Это все слова, какие можно
Отнести к любому и к любой.
Почему нарисовать мне сложно
Хорошо знакомый облик твой?
Потому, наверное, что слово,
Как ты хорошо ни напиши,
Не заменит образа живого —
Нежность глаз и преданность души,
Не заменит ласку и заботу,
Не заменит рук твоих тепло...
Стало вдруг спокойно отчего-то.
Это счастье, кажется, пришло.

Петр МАКАРОВ,
слесарь,
г. Фрунзе

Я уйду на рассвете
седой полевою дорогой,
Где рождается утро
на грубой холстине межи,
Там в высокую ниву
присядет со мной недотрогой
Синеокая тишь
расплетать свои косы во ржи.

Как мечтающий странник,
разую усталые ноги,
Упаду, распластавшись,
горячим лицом в ковыли.
Заколотится сердце
в неведомой сладкой тревоге,
И повеет надеждой
от влажной и теплой земли.

ОТВРАЩЕНИЕ

Уважаемая «Смена»! Мне и многим моим друзьям фильм «Пришла и говорю» показался интересным и важным для нашего кинематографа. Дело даже не в Пугачевой, а в очередной и своевременной попытке наших кинематографистов нащупать дальнейшие пути развития в области музыкальных фильмов...

Да, картина получилась неважная, но согласитесь, ведь и «тупиковая ветвь» дает возможность понять, как развиваться дальше. Мне кажется, нашим кинематографистам гораздо полезнее понять сегодня, как НЕ НАДО делать, чтобы ответить на вопрос: КАК НАДО? А теперь насчет аргументов Боднарку из Одессы... Вот он пишет: «...Но вот что интересно: зал-то был полон. И очень многие зрители, по их словам, получили от просмотра фильма огромное удовольствие. Многие придерживаются точки зрения, что это, мол, настоящее современное искусство, а фильм «Пришла и говорю» — новое слово в кинематографе. Неужели у многих людей сегодня такие низкие критерии, такие испорченные вкусы?» Вопрос Боднарк задает хороший. Правильный. Действительно, многие наши зрители очень любят смотреть музыкальные фильмы и совсем не любят те, которые предлагают им для их же пользы. Тут наша общая беда. Но, уважаемый тов. Боднарк, а что мы сделали для того, чтобы вкусы наших зрителей хоть немного улучшились? Не кажется ли вам, что фильм «Пришла и говорю» на фоне общей безликости кинопродукции — просто явление? А что можно противопоставить? Назовите хоть один приличный музыкальный фильм отечественного производства, кроме тех, которыми были отмечены отроческие годы наших бабушек. И потом опять же «из Боднарку»: «Да, Пугачева — кумир. И поэтому должна особенно требовательно относиться к тому, что она пропагандирует своим творчеством, своим искусством». Интересно, что должна «пропагандировать» эстрадная певица? Сесть на комбайн и в образе святого петь про урожай? Или спуститься в шахту и, наваливаясь грудью на отбойный молоток и смахивая со лба влажную праду, игриво выводить: «Держи меня, соломинка, держи...»? Это имеет в виду товарищ Боднарк, когда пишет слово «пропаганда»?

Думаю, было бы интереснее и полезнее не «цеплять» Пугачеву, а серьезно поговорить о перспективах творческого роста талантливой певицы. Попытаться понять ее и, возможно, помочь ей. Ведь переживает она странный, по-видимому, и сложный момент ее творческого пути, когда она болезненно, скрывая собственную растерянность, ищет новый образ, соответствующий и ее возрасту, и ее особому месту в нашем эстрадном искусстве. Мне думается, не от хорошей жизни «кутается» Пугачева в разноцветные дымы и перья — возможно, это страх лишиться популярности и любви поклонников, в особенности молодых. Ведь что и говорить, толпа ее молодых почитателей сильно поредела. А вы, товарищ Боднарк, вместо того, чтобы

Конечно, мы это предполагали. У нас даже сложилось впечатление, что читатели специально ждали опубликования в № 5 «Смены» за этот год двух противоречивых мнений о фильме «Пришла и говорю» с участием Аллы Пугачевой.

Поток откликов огромный. Но интересно и важно другое — читательская почта открывает новые повороты нашего диалога. Размышления о фильме переходят в размышления о творчестве Аллы Пугачевой, а часто даже уходят в сторону от заданной темы, вторгаясь в сферу эстрадного искусства вообще. И это радует. Это говорит о том, что наши читатели умеют за частным увидеть большее, умеют рассматривать явление искусства в контексте общей культурной, в данном случае музыкальной жизни. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию небольшую подборку писем и ждем новых откликов. Уверены, что они интересны не только нам с вами, уважаемые читатели, но и Алле Борисовне Пугачевой. Какому художнику безразличны оценки его творчества?..

разобраться, еще и добываете талантливого человека. Их же мало у нас, талантливых. Может, бережнее к ним будем относиться, а?..

М. КОТОВА,
Омск

Я с большим удовольствием прочитал письмо Игоря Боднарку. Полностью присоединяюсь к его мнению. Странно, что инженер по профессии, не музыкант, не певец бьет тревогу. А где же ответственные, компетентные лица? Где специалисты-музыканты? Где люди, ответственные за музыкальную и кинематографическую культуру?

ГРОЗДОВ,
Ленинград

Откликаясь на приглашение поделиться мыслями о фильме «Пришла и говорю», считаю все-таки его обсуждение в печати принципиальной ошибкой. Почему? Скажу прямо: слишком много чести. Именно это и заставило меня взяться за перо.

Итак, «Пришла и говорю». Говорит прежде всего уже само название фильма. О том, что в арсенале многочисленных достоинств его героини такое понятие, как «скромность», едва ли отыщется. И это немаловажное обстоятельство накладывает заметный отпечаток на весь фильм, определяет, по существу, его содержание.

О чем же говорит на протяжении всего фильма сама уважаемая певица? Она недвусмысленно дает понять, что пятьдесят лет назад ты, дорогой советский кинозритель, был излишне разборчивым, что тебя устраивали только высококачественные фильмы, такие, например, как «Цирк» Григория Александрова. Но времена, увы, меняются, меняются люди. И теперь ты, нынешний, должен почитать за счастье видеть и слышать то, что показываю и говорю тебе я, Алла Пугачева!

Пятьдесят лет назад деятели культуры, в частности работники кино, умели смотреть вперед. Поэтому «Цирк» Г. Александрова — это и наше сегодня. «Пришла и говорю» — даже не позавчерашнее. Просто не наше.

Ошиблась Алла Борисовна. Ошиблись автор сценария И. Резник и режиссер

Н. Ардашников. Не тот сегодня кинозритель, он сумеет разобраться, кто есть кто и что есть что. Все это начинает понимать даже неискушенная молодежь.

Николай САЗОНОВ,
Кемеровская область

Уважаемая редакция, меня ваши публикации навели на раздумья не столько о фильме «Пришла и говорю», сколько о том, почему Пугачева стала кумиром не только молодежи, но почти что (если быть объективными) целого общества? И вообще, хорошо это или плохо — кумир?.. Наверное, правильнее всего ответить на этот вопрос так: кумиры — явление нормальное для любого общества, точнее, для общественного сознания, нуждающегося в идеалах, как в капле воды отражающих особенности исторического развития. Человеку идеал необходим. Правомерно ли понятие «идеал» по отношению к Пугачевой? Думаю, да. Уже потому, что ее песни — это «словесный портрет» поколения, времени, это музыкальный образ «общественной нервной системы», если так можно сказать. Мне даже кажется, что в какой-то момент появляется человек, артист, личность которого обладает необычайной силой воздействия, какой-то энергетикой, проникающей в сознание зрителя вне зависимости, хочет этого зритель или нет. Наверное, талант, индивидуальность, самобытность — сами по себе явления... Вам не приходилось встречаться с людьми, от которых исходят заряды, даже когда они просто разговаривают с вами? Может быть, это какое-то природное свойство, и Пугачева им отмечена?..

И. ГОНЧАРОВА,
Севастополь

Совершенно непонятно, почему балетное трио «Экспрессия» товарищ Боднарк считает «полуобнаженными девицами с бородатым парнем»? И движения у них какие-то неприличные, утверждает автор письма, опубликованного у вас. И зачем вообще они принимают участие в концертах известной певицы? Но мне кажется, что сам тов. Боднарк как только их увидел, так сразу и забыл,

о чем же Алла Пугачева там поет, — так его отвлекли ненавистные ему девицы. Ну а про «каратиста», в которого Боднарк опять-таки метнул камень, и говорить не приходится. Это всего лишь тренер по аэробике, с которым Пугачева импровизирует в танце. О смысле песен Боднарк говорит грубовато: мол, от них можно только «балдеть» (он заимствует это слово, правда, не совсем удачно, из, как он пишет, «лексикона молодых любителей эстрадной музыки»). Странно, ведь на концерты этой «балдежной» музыки ходят и стар и млад, и вряд ли пожилые люди относятся к фанатам, которые «балдеют». Видимо, им тоже что-то нравится в этих песнях, в современной молодежной эстраде. Возможно, в чем-то и просчитались постановщики фильма, — бывает. И все-таки главное в этой кинокартине то, что показана неординарная, умеющая многое, талантливая актриса, которая чувствует и публику, и песню. Я считаю, что категоричность оценок говорит об ограниченности ума человека, который эти оценки выставляет. Лучше и целесообразнее пытаться ПОНЯТЬ...

Е. ГВОЗДЕВА,
Донецк

Я целиком и полностью согласна с И. Боднарком. Меня возмущает до глубины души: до каких же пор подражание Западу будет оцениваться как нечто ценное?! Неужели кому-то непонятно, что такие картины извращают вкусы и нравы молодежи. Чему может научить «театр Пугачевой» — забыть о скромности, о девичьей гордости? И содержание-то ее песен призывает к тому, чтобы любить всех без разбора — хоть холодных, как айсберг в океане, хоть с одним крылом, хоть вообще бескрылых... Очень жаль Пугачеву. Она, видимо, вообще не имеет понятия о настоящей любви и потому проповедует все наносное.

Л. МИЧКИНА,
Челябинск

Вот поет Пугачева о любви, а мне кажется, что сама она не верит в то, что проповедует. Это кажется профессиональным и человеческим цинизмом. Почему-то она видится мне неискренней в большинстве своих последних песен. Но был ведь когда-то «Арлекино»! Был когда-то образ грустного, милого артиста, который как бы сумел отказаться от всего материального во имя искусства. И в этот образ верилось, он ранил душу. Зачем же певица изменяет себе? Зачем пытается наполнить собой чужую, несвойственную ее мироощущению форму? Она же выглядит нелепо в чужеродном одеянии. Пугачева и «мерседесы» — одно и то же, что Пугачева и кокошники, не так ли?

Н. МЕДВЕДЕВ,
Ленинград

Действительно, фильм «Пришла и говорю» удачей не назовешь. Что он может дать людям? Что? И вообще, как понять этот фильм? Я лично поняла из него одну вещь. А Пугачева все время кому-то жалуется: я устала, я устала, я больше не могу. Я должна улыбаться, петь, веселиться для них, а они мне надоели. Я больше не могу и так далее. Ну, раз она так устала, так зачем тратить свои силы на съемки, на выступление? Не лучше ли отдохнуть? Но попробуйте Пугачевой предложить отдохнуть. Знаете, что она ответит?.. Вот-вот... Мой приятель, который смотрел фильм раньше меня, хорошо сказал: «Мне кажется, что «Пришла и говорю» снимали по заказу Интуриста и Дома моделей. Но одежду отечественного производства мы демонстрировать почему-то не хотим, поэтому демонстрируем зарубежную...» Честно говоря, жаль, что хорошая певица соглашается работать манекенщицей, — не пристало ей...

И. ИГНАТОВА,
Ташкент

Артур КОНАН ДОЙЛ

РОМАН

Полиция Страйка

— Мне кажется, мистер,— сказал он однажды вечером,— что вы ухаживаете за моей дочью. Так ли это?

— Да, это так,— ответил молодой человек.

— Тогда я скажу вам, что это бесполезно. Тут есть другой.

— Да, она мне сказала.

— И можете считать, она сказала вам правду. Но она сказала, кто он есть?

— Я спрашивал ее, но она не ответила.

— Да, может, она не хотела вас пугать.

— Пугать?— Макмурдо вспыхнул в один момент.

— О да, мой друг! Но нет стыда бояться такого человека. Это Тедди Болдуин.

— И кто он, к черту, такой?

— Он— один из главных масонов.

Молодой человек уставился на Шафтера.

— Но я сам масон.

— Вы? Я бы никогда не пускал вас в дом, если бы знал, хоть за сто долларов в неделю.

— Но что тут дурного?

— Это общество убийц, вот что!

Макмурдо скептически рассмеялся.

— Вы что, можете это доказать?

— Доказать это! Или не было пятьдесят убийств доказать это? Я не хочу иметь вас под крышей.

Следующую ночь вы должны спать не здесь!

Молодой человек сразу же отыскал Этти. Когда они сидели в гостиной, дверь внезапно распахнулась и с хозяйским видом вошел человек. Этти вскопчила на ноги в смущении и испуге.

— Это мой друг, мистер Болдуин, наш новый жилец. Мистер Макмурдо, разрешите представить вас мистру Болдуину.

— Кто это такой?— грубо спросил Болдуин.— Этти вам говорила, как у нас обстоят дела?

— Понятия не имел, что между вами может быть какая-то связь.

— Не имели? Теперь имеете. Знайте, что эта

девушка моя. А вам неплохо было бы пойти прогуляться.

— Благодарю вас, я не расположен гулять.

— Да? Так, может, вы расположены к драке, мистер жилец?

— Именно так!— вскричал Макмурдо, вскакивая на ноги.— Вы в жизни еще не сказали ничего более уместного.

— Я покончу с вами, не пачкая рук,— ответил его враг.— Вы еще пожалеете, что переступили порог этого дома, когда я доберусь до вас.

— Только теперь!— вскричал Макмурдо.

— Я сам выберу время, мистер. Обещаю вам это. Взгляните!— Он закатал рукав и показал странный знак на руке: треугольник внутри круга, который, казалось, был выжжен.— Знаете, что это такое?

— Не знаю и не боюсь!

— Узнаете до того, как станете хоть чуть-чуть старше!

И Болдуин в ярости выскочил из комнаты.

Девушка кинулась на шею ирландцу:

— Ох, Джек, какой ты храбрый! Но все бесполезно, ты должен бежать. Сегодня, Джек! Сегодня. Это твоя единственная надежда! Что ты можешь ему противопоставить— ему, за которого Макджинти и вся ложа?

Макмурдо расплел ее руки, поцеловал и ласково усадил обратно на стул.

— Не надо бояться за меня. Я сам масон. Я только что сказал об этом моему отцу. Может, я не лучше остальных, так что не возводи меня в святые. Может, ты тоже теперь возненавидишь меня после того, что я тебе сказал?

— Возненавидеть тебя? Никогда в жизни! Но если ты масон, Джек, то почему ты не поспешишь и не заручишься расположением Макджинти? Скорей, Джек, скорей! Ты должен быть первым!

— Я подумал о том же самом,— сказал Макмурдо.— А теперь я пойду и сделаю это.

И через час Макмурдо сидел в укромной задней комнатке салуна Макджинти, беседуя с владельцем.

— Откуда вы?
— Ложа 29, Чикаго.
— Когда приняты?
— 22 июня 1872 года.
— Геррмейстер?
— Джеймс Г. Скотт.
— Почему вы покинули Чикаго?
— Черт меня раздери, если я вам скажу!

Макджинти рассердился: он не привык, чтобы с ним разговаривали таким тоном.

— Почему вы мне не скажете?
— Потому что брат не может лгать брату.

— Послушайте, мистер, я, как геррмейстер, не могу принимать в ложу брата, за прошлое которого не могу нести ответственности.

Макмурдо заколебался. Потом он вынул из внутреннего кармана газетную вырезку и протянул ее геррмейстеру.

Макджинти пробежал глазами сообщение о том, что в Чикаго в предновогоднюю неделю 1874 года в «Лейк Салуне» был застрелен некий Хуан Пинто.

— Ваша работа?— спросил он, возвращая заметку.

Макмурдо кивнул.

— За что вы его?
— Я помогал дядюшке Сэму делать деньги. Этот Пинто помогал мне пускать их в обращение. Потом он сообщил мне, что хочет расколоться. Может, он бы так и сделал. Я ждать не стал. Я подстрелил его и смылся.

— Почему сюда?
— Прочел в газетах, что полиция здесь не особо шарит.

— А вы еще не разучились делать доллары?
Макдональд вынул несколько из кармана:

— Эти не с филаделфийского монетного двора.

— Дайте-ка сюда!— Макджинти поднес их к свету своей огромной, волосатой, как у гориллы, рукой.— От настоящих не отличить. Похоже, ложа будет гордиться вами... Эй, что там, к черту? Нельзя поговорить с джентльменом пять минут, чтобы тебя не прервали!

В комнатку прорвался Тед Болдуин и захлопнул за собой дверь.

— Что,— сказал он, с яростью взглянув на Макмурдо,— опередили меня, да? Геррмейстер, мне надо сказать вам об этом человеке пару слов.

— Тогда скажите их здесь, мне в лицо,— вскричал Макмурдо.

— Я их скажу, когда сочту нужным и как сочту нужным.

— Ну-ну!— сказал Макджинти, сдерживая их.— Этого никогда не будет. Мы приобрели нового брата, Тед, и нехорошо встречать его таким образом. Уберите ваши руки!

— Никогда!— в бешенстве крикнул Болдуин.

— Я предлагал ему драку, если он считает, что обижен мной,— сказал Макмурдо.— Драку на кулаках, или, если это его не устраивает, любым другим способом. И теперь я прошу вас как геррмейстера по справедливости рассудить наш спор.

— А из-за чего все?
— Из-за молодой леди. Она свободна в выборе.

— Свободна?— взревел Болдуин.

— В выборе между двумя братьями нашей ложи— да,— сказал босс.

— Ах, вот каково ваше решение?
— Да, таково, Тед Болдуин,— сказал Макджинти, метнув сатанинский взгляд.— Вы собираетесь с ним спорить? А теперь подайте друг другу руки.

— Я быстр на ссору и быстр на прощение,— сказал Макмурдо, протягивая руку.— Это все моя ирландская кровь. Что до меня, то я зла не таю.

Болдуин вынужден был пожать предложенную руку под неумолимым взглядом страшного босса.

А на следующий день в двери салуна вошел полицейский офицер, специально присланный в помощь местной полиции, которая была не в силах бороться с организованной преступностью в этом районе.

— Вы новый капитан?— спросил Макджинти.

— Точно так. Мы обращаемся к вам, Макджинти, и к другим влиятельным горожанам с просьбой помочь поддерживать здесь закон и порядок. Зовут меня капитан Марвин.

— Без вас мы бы лучше обошлись,— холодно сказал Макджинти,— у нас в городе есть собственная полиция, и незачем было привлекать кого-то со стороны.

— Ну-ну, не будем спорить,— добродушно сказал полицейский.— Ба, да здесь есть старые знакомые! Вы Джек Макмурдо из Чикаго, точно, и не вздумайте отрицать!

Макмурдо спал с лица:

— Не говорите мне, что вы Марвин из Чикагской Центральной?

— Он самый— старина Тедди Марвин, к вашим

Окончание. Начало в №№ 8—10.

услугам. Мы не забыли убийства Хуана Пинто.
— Я его не убивал.

— Правда? Его смерть оказала вам услугу, иначе бы вас подловили на фальшивых деньгах. Но, между нами, явных улик против вас не нашлось, и вы можете вернуться в Чикаго хоть завтра.

На этом полицейский покинул бар; но он уже успел сотворить местного героя. Дела Макмурдо в далеком Чикаго обсуждались шепотом. А он уклонялся от всех расспросов с улыбкой.

В субботнюю ночь Макмурдо был принят в ложу. Три человека сняли с него пиджак, закатали рукав правой руки и быстро обвязали веревку вокруг локтей. Затем на голову ему надели толстый черный капюшон, закрывший ему лицо, так что он ничего не мог видеть. После этого он был введен в комнату заседаний.

— Вытерпишь ли ты боль?—раздался голос.

— Точно так же, как и все другое,—ответил он.

— Испытайте его!

Он собрал все свои силы, чтобы не вскрикнуть, когда безумная боль пронзила его руку. Ему чуть не стало дурно, но он стиснул губы и сцепил свои руки, чтобы скрыть страдания.

— Я мог бы вынести и побольше,—сказал он.

Послышались громкие аплодисменты.

После этого он был посвящен в дела логи. В основном они сводились к проверке выплат денег—выплат, которыми наводящая ужас ложа обложила всех в этой долине, от крупных промышленников до мелких лавочников, а также к вопросам наказания «неисправных должников». Наказание могло быть только одно.

— Мальчики,—сказал под конец Макджинти,—в нашем городе есть человек, жаждущий, чтобы его привели в порядок. И от вас зависит сделать это. Я говорю о Джеймсе Стренджере из «Геральда». Хотите послушать, как он опять разинул против нас свою пасть?

Послышался согласный ропот, бормотание проклятий. Макджинти достал из бокового кармана газету:

— «Царство террора в угольном и сталелитейном районе...

Прошло двенадцать лет с тех пор, как первые убийства оповестили нас о возникновении преступной организации в самых недрах нашего общества. Организация эта действует публично и открыто.

Должны ли мы вечно терпеть это? Должны ли мы вечно жить...» —наверно, можно и не читать дальше этого вздора. Вот что он о нас говорит. А я хочу у вас спросить: что мы ему ответим?

— Смерть ему!—заревело множество злобных голосов.

— Нет, мальчики. Если Стренджер получит сполна, то может возникнуть больше неприятной шумихи, чем нам нужно. Все эти издатели объединятся, и каждая газета и журнал штата начнут кричать о необходимости полиции и войск. Но его надо внятно предупредить. Возьметесь вы за это, брат Болдуин?

— Разумеется!—энергично откликнулся тот.

— Возьмите людей, сколько вам нужно. Я думаю, стоит взять и нашего нового брата.

Тедди Болдуин взглянул на Макмурдо так, что было ясно: он не забыл и не простил.

— Ладно, пусть идет, если хочет. Чем скорее мы сделаем дело, тем лучше.

Они быстро добрались до редакции газеты «Вермисса Геральд». Макмурдо и еще один налетчик остались на страже, остальные вошли в дом. Оттуда донесся крик, зов о помощи, грохот ног и падающих стульев. Потом из дома прямо на Макмурдо выскочил пожилой человек и был сбит, не успев пробежать дальше, осколком очков брызнули к ногам ирландца. Седые волосы человека были в крови. Тедди Болдуин остановился над жертвой, чтобы добить ее, но тут Макмурдо схватил его за плечо:

— Остановись!

Болдуин поглядел на него с изумлением.

— Разве не приказал гермейстер,—продолжал Макмурдо,—чтобы этот человек остался в живых, а ты что делаешь, как не собираешься его убить?

— Он прав,—замечил один из налетчиков.

— Эй, вы!—крикнул человек снизу.—Поспешите-ка лучше! Все окна зажглись, и через пять минут здесь будет целый город!

На улице слышались крики, в холле появилась готовая к действию группа наборщиков и журналистов. Но преступники, скатившись по лестнице, успели раствориться в ночи.

На следующий день Макджинти заехал к Макмурдо поздравить с удачным началом. Но не успели они перекинуться парой слов, как дверь внезапно распахнулась и в ее проеме показались трое мухрых и настороженных людей в полицейской форме. Макмурдо вскочил на ноги и почти выхватил револьвер, когда обнаружил, что ему в голову нацелены два

винчестера. Затем в двери вошел капитан Марвин с шестизарядным револьвером в руке.

— Похоже, вы попались, мистер Макмурдо-Грешник,—сказал он.— Не можете бросить старых шуток, да? Наденьте шляпу и пойдете с нами.

— Клянусь, вы поплатитесь за это, капитан Марвин,—сказал Макджинти.— Кто вы такой, хотелось бы знать, чтобы этаким манером врваться в дом честного и законопослушного человека?

— Не вмешивайтесь в это дело, Макджинти,—ответил полицейский.— Мы пришли не за вами, а за ним. И вы должны бы помочь нам, а не мешать исполнению наших обязанностей.

— Это мой друг, и я отвечаю за его поведение.

— По общему мнению, мистер Макджинти, вам, возможно, придется на днях ответить за свое собственное поведение. Держите под прицелом этого Макмурдо, ребята, пока я разоружу его.

— Вот мой пистолет,—холодно сказал Макмурдо.— В чем меня обвиняют?

— В участии в нападении на редактора Стренджера в конторе «Геральд». Не ваша вина, что не было совершенно убийства.

— Ну, если это все, что есть против него,—разразился хохотом Макджинти,— то вы можете не утруждать себя и отпустить его сразу же. Он в то время как раз играл в покер в моем салуне, и я приведу вам множество свидетелей в доказательство этого.

— Это ваше дело, можете представить их завтра на суде. А пока что, мистер Макмурдо, пойдете и идите спокойно, если не хотите получить заряда в голову.

— Верьте моему слову, они недолго вас смогут задерживать,—сказал на прощание босс молодому ирландцу.

И действительно, дело в суде завершилось ничем. Сам пострадавший был настолько ошеломлен внезапностью нападения, что ничего не запомнил, кроме того, что у одного из нападавших были усы. Наборщики и репортеры вынуждены были признать, что из-за слабости света и из-за собственного волнения они не могут утверждать с уверенностью, что видели именно этого человека. С другой стороны, шестеро уважаемых граждан, в том числе и Макджинти, засвидетельствовали, что Макмурдо в это время никак не мог находиться на месте преступления. Суду ничего не оставалось, как вынести оправдательный приговор.

История эта имела важные последствия. Впервые, сильно возросло уважение к Макмурдо его собратьев и его влияние на дела логи. И, во-вторых, именно после этого к нему в его новое жилье пришла Этти Шафтер. Она тихо вошла в его комнату. Он сидел за письменным столом, писал какое-то письмо и не заметил ее появления. Она неслышно подошла к нему и ласково положила руку на плечо.

Он вскочил, словно тигр, и одной рукой схватил ее за горло, другой в ту же секунду скомкал письмо. Потом радость и изумление озарили его лицо, исчезла свирепость, так напугавшая девушку. Но не только свирепость уловила она—еще и быстрый проблеск вины и страха.

— Что с тобой, Джек?—вскричала она.— Почему ты меня так испугался? Ох, Джек, если бы твоя совесть была чиста, ты бы не глядел на меня так!

— Нет, я просто думал о других вещах, а когда ты так тихо прокралась на своих прелестных ножках, то...

— Это письмо к другой женщине?

— Нет, Этти, нет! Ты для меня—единственная на земле! Клянусь тебе!

— Почему же мне нельзя было его увидеть?

— Это дела логи, и даже тебе нельзя о них знать. И когда я испугался руки, положенной мне на плечо,—откуда я мог ведать, что это твоя рука, а не рука детектива?

— Ах, Джек, как мне тяжело знать, что ты преступник среди преступников, как тяжело все время ждать дня, когда я услышу, что ты предстал перед судом за убийство! Брось все это, Джек!—Она обвила его шею руками.— Ради меня брось! Я пришла к тебе сегодня молить тебя об этом! И я на коленях прошу тебя, стоя перед тобой на коленях, заклинаю: брось!

— Дорогая, ты не понимаешь, о чем ты просишь. Разве ложа отпустит когда-нибудь человека, знающего все ее секреты?

— Я подумала об этом, Джек. У меня есть план. Отец скопил немного денег. Он хочет уехать из этих мест, где из-за страха невозможно жить. Он уже готов двинуться. Мы могли бы уехать вместе в Филадельфию или в Нью-Йорк, куда-нибудь, где бы они нас не достали.

Макмурдо рассмеялся:

— У ложи длинные руки. Ты думаешь, они не дотянутся до нас в Нью-Йорке или Филадельфии? Но послушай, моя маленькая, я не могу сейчас уехать

отсюда. Не могу, и это тебе нужно пока что принять. Но пройдет какое-то время, и, если ты согласишься ждать, я с честью выйду из всего этого.

— В таких делах не может быть чести!

— Ну, это как посмотреть. Если ты дашь мне шесть месяцев, мы уедем отсюда без того, чтобы мне было стыдно глядеть в глаза другим людям.

Девушка засмеялась от радости:

— Шесть месяцев? Ты обещаешь?

— Ну, может, мне потребуется семь или восемь. Но не пройдет и года, как мы покинем эту долину.

Это все, чего Этти смогла добиться. Но и это было уже что-то. Во мраке забрезжил дальний огонек. Когда она вернулась домой, у нее было так легко на сердце, как еще никогда не бывало с того времени, когда Макмурдо вошел в ее жизнь.

А события развивались все мрачней. Убили нескольких крупных промышленников, пытавшихся противостоять вымогателям. Один из них был застрелен в конце рабочего дня в присутствии сотен шахтеров, которые от растерянности и ужаса не смогли задержать убийц. Другой был застрелен Тедди Болдуином, когда в сумерках ехал домой на лошади. Третий был убит вместе со своей женой. Этот список можно продолжить.

Нашлась работа и для Макмурдо. Макджинти объяснил ему задачу:

— Даю вам двух людей. Вам нужно покончить с Честером Вилкоксом. Пока он жив и следит за порядком, мы не можем утвердить нашей власти в этом районе.

— Сделаю, что смогу. Но кто он и где его можно найти?

— Он главный мастер «Айрон Дайк Компани». Негр, был сержантом во время гражданской войны, весь седой и в шрамах. Мы дважды на него покушались: обе попытки не имели успеха, а во время одной из них он застрелил Джима Карнауэя. Теперь попробуйте вы. Его дом расположен вот на этом перекрестке, видите на карте? Днем к нему не подходить. Он вооружен и стреляет быстро и метко, не задавая вопросов. Но ночью—вот он, пожалуйста, жена, трое детей, и никакой помощи.

— Должен я уничтожить и его домочадцев?

— Если иначе будет нельзя, то конечно.

— Я сделаю это.

— Когда?

— День или два подумаю, посмотрю на дом, составлю план. А затем...

— Отлично. Оставляю его на вас.

Через два дня, поздно ночью, Макмурдо и двое его помощников подложили под дом непокорного старого сержанта динамит. Дом был разрушен до основания. Каково же было изумление и бешенство Макмурдо на следующее утро, когда он узнал, что Честер Вилкоккс и его семья как раз накануне перебрались в другое место, где их охраняет теперь отряд полиции!

— Оставьте его мне,—сказал Макмурдо.— Это мой человек, и я заполучу его, хоть бы мне пришлось ждать целый год.

Когда через несколько недель после этого Честер Вилкоккс исчез, а в газетах появилось сообщение, что он застрелен из засады, ни для кого не было секретом, кто это сделал.

Таковы были методы ордена. Темная тень лежала над Долиной страха. И никогда облака не сгущались так густо, как в это время, поздней весной 1875 года.

Это была высшая точка царства террора. И как раз тогда до логи дошел тревожный сигнал. Однажды к Макмурдо пришел некий Моррис—человек, некогда ставший масоном, не предполагая, что этот орден был создан для таких страшных дел. Он пришел в ужас от того, что увидел, но, однажды вступив, уже не мог развязаться с орденом. Когда-то он поверил своим сомнениям Макмурдо, положившись на честность ирландца, и был благодарен Макмурдо за то, что тот его не выдал, хотя и не согласился с ним.

— Я не забыл о вашей порядочности во время давнего разговора,—сказал он,— и поэтому пришел именно к вам. Я узнал секрет, который обжигает мне сердце. Он может означать чью-то смерть. А если я не поделюсь им с остальными, он может означать конец для нас всех.

Макмурдо пристально поглядел на Морриса. Того всего трясло. Он налил в стакан немного виски и протянул гостю:

— Это лекарство для таких, как вы. А теперь говорите, в чем дело.

Моррис выпил виски, и его бледное лицо чуть-чуть порозовело.

— Все можно сказать в двух словах: нас выслеживает детектив.

Макмурдо застыл от изумления:

— Послушайте, не сходите с ума. Здесь полно детективов и полиции, но разве они сумели до сих пор причинить нам хоть какой-то вред?

— А этот человек не из района. Вот письмо от одного из моих друзей. Прочтите сами, пожалуйста. Макмурдо прочел:

«О ваших ужасах мы постоянно читаем в газетах. Между нами, я надеюсь в скором времени получить от вас новости. Пять больших корпораций и две железные дороги глубоко заинтересованы в прекращении шантажа и вымогательства и пресечении организованной преступности в этой долине. Ты же понимаешь, что это значит! Они основательно занялись этим делом. Они наняли Пинкертон, и в долине действует сейчас лучший человек из его агентства, Берди Эдвардс. Разумеется, все это я знаю благодаря своим деловым связям; дальше это пускать не надо».

— Эй-богу!— вскричал Макмурдо.— Я ж знаю, кто это! Каким же идиотом я был, что сразу не догадался! Но это удача! Мы выловим его до того, как он сумеет нам навредить! Вот что, мистер Моррис, оставьте это письмо мне, ваше имя вообще не будет упомянуто. Я скажу, что это мое письмо. Вас это устраивает?

— Вполне.
— Хорошо. А теперь я поспешу на заседание ложи.
— Но вы ведь не убьете этого человека?
— Чем меньше вы будете знать, дружище Моррис, тем ваша совесть будет спокойней.

Моррис грустно покачал головой.
— Я уже чувствую его кровь на своих руках,— сказал он, уходя.

— Самозащита не убийство,— со злобещей улыбкой отозвался Макмурдо.— Ничего. Моррис, мы еще выберем вас геррмейстером, потому что сегодня вы спасли ложу.

Однако после ухода Морриса Макмурдо действовал так, что можно было понять: опасность представлялась ему серьезней, чем он сказал Моррису. Перед уходом он уничтожил все бумаги, которые могли его в чем-то уличить. По пути в ложу он завернул к дому старого Шафтера. Дом был закрыт для него. Но он постучал в окно, и Этти вышла к нему.

— Что-то произошло? Джек, ты в опасности!
— Все не так плохо, моя дорогая. Но готова ли ты в любой момент, днем или ночью, уехать вместе со мной?

— Вслед за тобой?
— Нет, вместе со мной. Долина будет закрыта для меня, а как я смогу, прячась от полиции, прислать тебе весточку? Я знаю хорошую женщину в том месте, откуда я прибыл, и ты будешь жить у нее, пока мы не поженемся.

— Да, Джек, я готова ехать с тобой по одному твоему слову, днем и ночью.

И Макмурдо, закончив собственные приготовления к бегству, с легким сердцем отправился в ложу. Легко можно представить себе впечатление, которое произвело там его сообщение. Макмурдо предложил во избежание утечки сведений, организовать закрытый комитет из семи человек для обсуждения сложившихся обстоятельств. В комитет вошли Макджинти, Болдуин, сам Макмурдо и еще четверо главных деятелей ложи.

— Я знаю Берди Эдвардса,— сказал Макмурдо, когда они уединились.— Думаю, нет нужды говорить, что он здесь не под собственным именем. Он храбрый человек, но он не сумасшедший. Он живет в соседнем городке, в Гобсонз Патч, под именем Стива Вильсона.

— Откуда вам это известно?
— Я разговаривал с ним. В поезде, в среду. Он представился корреспондентом одной из нью-йоркских газет. Объяснил, что собирает материал о здешних преступлениях и готов хорошо заплатить за любые сведения. Задавал самые разные вопросы, чтобы что-то вытянуть. Потом я случайно оказался на телеграфе, когда он выходил оттуда. Телеграфист пожаловался мне, что за ту китайскую тарбарщину, которую он передает, надо взимать двойную плату. Я тогда решил, что он так страхует от перехвата своей информации соперничающими газетами. Но теперь думаю иначе.

— Черт подери! Думаю, вы правы,— сказал Макджинти.— И что вы предлагаете сделать?

— Я живу сейчас в очень уединенном и тихом доме. Там нам никто не помешает. Я пойду к этому человеку, скажу ему, что я масон и что готов за хорошее вознаграждение открыть ему тайны ложи. Скажу, что все бумаги у меня дома. И, если он хочет, я все их покажу ему в десять вечера. Все семеро из нас будут ждать его. И если он уйдет от нас живым, он может говорить о счастливой звезде Берди Эдвардса до конца своих дней!

— Думаю, не ошибусь, сказав, что у Пинкертон откроется вакансия. Так и порешим, Макмурдо. Завтра в девять мы будем у вас. Вы сначала запрете за ним дверь, а остальное можете предоставить нам,— сказал Макджинти, и на этом совещание было закончено.

С утра Макмурдо отправился в Гобсонз Патч, как было условлено.

Полиция, казалось, проявляла к нему в то утро особый интерес, и капитан Марвин, которому, по собственному признанию, пришлось отступить от Макмурдо в Чикаго, теперь заговорил с ним, пока он ждал на железнодорожной станции. Макмурдо отвернулся и отказался разговаривать с ним. В полдень он вернулся из своей поездки и отыскал Макджинти.

— Он придет,— сообщил ирландец.
К девяти все семеро главных членов ложи собрались у Макмурдо. Около десяти тот вышел встречать гостя. Оставшиеся в комнате затаили дыхание. Потом они услышали невнятный разговор. Казалось, он длился целую вечность. Потом в комнату вошел Макмурдо с пальцем, прижатым к губам.

Он подошел к столу и оглядел всех. С ним произошла неувольнимая перемена. Он держал себя, как человек, проделавший огромную работу. Его глаза сверкали от возбуждения. Шестеро остальных смотрели на него с острым интересом, но он ничего не говорил. Он переводил свой загадочный взгляд с одного на другого.

— Ну что?— не выдержал наконец Макджинти.— Он здесь? Берди Эдвардс здесь?

— Да,— медленно ответил Макмурдо.— Он здесь. Я— Берди Эдвардс.

После этого короткого заявления секунд десять стояла настолько полная тишина, что комната казалась пустой. Сидя неподвижно, с белыми лицами, все шестеро в диком ужасе смотрели на того, в чьи руки они попались. Затем послышался внезапный звон стекла, и каждое окно оцетинилось ружейными стволами.

Увидев это, Макджинти взревел, как раненый медведь, и кинулся к полукоткрытой двери. Но там его встретил поднятый револьвер входящего в комнату капитана Марвина. Босс отшатнулся и рухнул на ступ.

— Вот так, пожалуй, лучше, геррмейстер,— сказал тот, которого они знали как Макмурдо.— И вы, Болдуин, если вы не уберете руки с пистолета, то до виселицы не доживете. Бросьте оружие, или господе вас... Да, так-то лучше. Дом окружен четырьмя десятками вооруженных людей, так что можете сами оценить ваши шансы. Заберите у них пистолеты, Марвин!

— Чертов предатель!— процедил сквозь стиснутые зубы Макджинти.

— Что ж, Джон Макджинти, кляните меня, если это облегчит ваши страдания. Вы называете меня предателем. А сколько людей благословяет меня! Я собрался еще немного выждать, чтобы проникнуть во все секреты общества. Но моя тайна едва не раскрылась. В город пришло письмо, из которого вы смогли бы узнать обо всем. И тогда мне пришлось действовать, и действовать быстро. И мне нечего больше сказать, кроме того, что, когда придет мой срок, мысль о том, что я сделал в этой долине, облегчит мою смерть. А теперь, Марвин, не буду вас больше задерживать. Забирайте этих людей.

Досказать осталось совсем немного. Думается, нет нужды объяснять, что, например, сам Эдвардс предупредил Честера Вилкокса перед тем, как взорвать его дом, или почему ирландец спас от смерти редактора «Вермисса Геральда». Макджинти кончил жизнь на эшафоте, рыдая и плача, когда пришел его час. Точно так же и многие другие. Но кое-кто, и в том числе Тед Болдуин, избежали самого сурового наказания. Десять лет они провели вне мира, а потом началась их охота за Берди Эдвардсом.

А тот женился на Этти Шафтер. Сначала они жили в Чикаго, потом переехали в Калифорнию, где она и умерла. Через какое-то время после смерти жены он чуть не был убит. Избежав покушения, он под именем Джека Дугласа работал на уединенном каньоне вместе с партнером— англичанином Баркером. Фортуна улыбнулась им. Остальное вы знаете.

Эпилог

Завершилось полицейское расследование, и дело Джека Дугласа было передано в верховный суд. На очередной квартальной сессии Дуглас был оправдан, как действовавший в пределах самообороны.

«Увезите его из Англии любой ценой,— написал Холмс миссис Дуглас.— Здесь его могут поджидать враги грознее тех, от которых он ускользнул. В Англии для вашего мужа нет безопасного места».

Прошло два месяца, и дело нами несколько забылось. Но однажды утром в наш ящик была опущена загадочная записка. «Ох, мистер Холмс. Ох!»— гласил странный текст. Ни подписи, ни адреса не было. Я рассмеялся, прочтя нелепую записку, но Холмс отнесся к ней неожиданно серьезно.

— Дьявольщина, Уотсон!— сказал он и долго сидел с нахмуренными бровями.

Уже был поздний вечер, когда миссис Хадсон, наша домохозяйка, явилась доложить, что мистера Холмса хочет видеть джентльмен по делу чрезвычайной важности. За ней по пятам вошел Сесиль Баркер, наш берлстоунский друг, с искаженным и осунувшимся лицом.

— У меня плохие новости, страшные новости, мистер Холмс,— сказал он.

— Я этого боялся,— ответил Холмс.

— А что, вы получили телеграмму? Нет?

— Я получил записку от кого-то, кто уже знал.

— Да. Бедный Дуглас! Я теперь знаю, что его звали Эдвардс, но для меня он навсегда останется Джеком Дугласом из Бенито Каньона. Я сообщал вам, что они вместе отплыли на «Пальмире» в Южную Африку три недели назад.

— Да, конечно.
— Вчера вечером корабль пришел в Кейптаун. Сегодня утром я получил телеграмму от миссис Дуглас:

«Джек выпал за борт во время шторма за островом Святой Елены. Никто не знает, как произошел несчастный случай.»

Эва Дуглас».

— Гм? Вот, значит, как это произошло?— задумчиво сказал Холмс.— Что ж, не сомневаюсь, что это было хорошо поставлено.

— То есть вы не считаете это несчастным случаем?

— Ни в кой мере.

— Он был убит?

— Несомненно!

— И я так думаю. Эта проклятая ложа, дьявольский выводок карающих преступников...

— Нет, нет, дорогой сэр,— ответил Холмс.— Здесь рука мастера. Это вам не обрезы и топорные колты. Старого мастера распознаешь по одному мазку кисти. Когда я вижу такой мазок, я сразу могу назвать Мориарти. Это преступление затевалось в Лондоне, а не в Америке.

— Но каков мотив?..

— Потому что это совершено человеком, который не может позволить себе неудач, все уникальное положение которого строится на том, что все его дела должны кончаться успешно. Великий ум и огромная организация были брошены на уничтожение одного человека. Это все равно, что раскалывать орех механическим молотом— бессмысленное расточительство сил. Однако эффект достигнут, орех расколот.

— Но как такой человек мог здесь быть как-то замешан?

— Могу только сказать вам, что впервые мы узнали о вашем деле от одного из его подчиненных. Эти американцы были неплохо проконсультированы. Им надо было сделать работу в Англии, и они обратились за сотрудничеством к великому организатору преступлений, что вполне естественно для зарубежных преступников. С этого момента их человек был обречен. Сначала, возможно, профессор всего лишь использовал свою машину для того, чтобы отыскать жертву. Затем он дал указания, как она может быть уничтожена. Наконец, когда он прочел сообщения о провале данного агента, он вмешался в дело сам и закончил его. Вы помните, я предупреждал в Мэнор Хаузе, что будущая опасность грознее прошлой. Разве я не был прав?

Баркер в бессильной ярости ударил себя сжатым кулаком по голове.

— Выходит, с этим мы и будем жить? Вы говорите, что никто никогда не сможет добраться до этого короля дьяволов?

— Нет, я такого не говорю,— ответил Холмс, и, казалось, взгляд его устремился далеко в будущее.— Я не говорю, что он не может быть сокрушен. Но вы должны дать мне время, вы должны дать мне время!

Мы сидели в молчании несколько минут, пока напряженный пророческий взгляд Холмса пронзал пелену грядущего.

Перевел с английского
Алексей БИРГЕР.

Рисунки
Елены
УЛЬЯНОВОЙ

ПОДПИСКА

НА «СМЕНУ»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

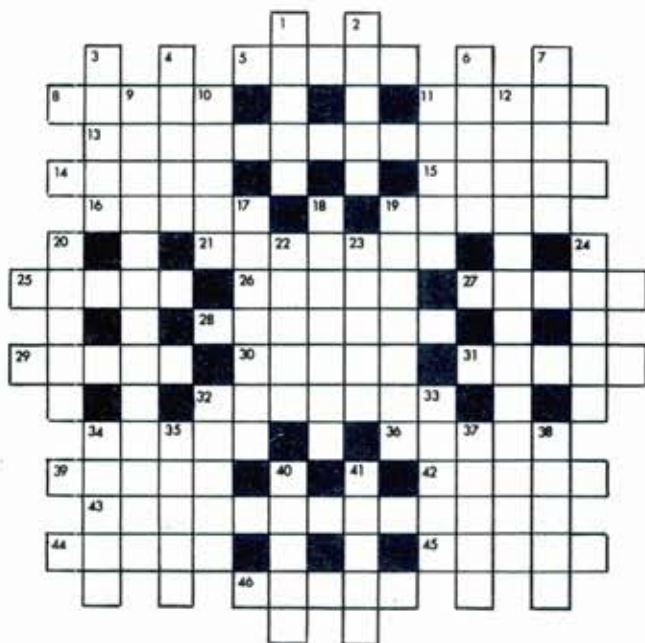
Если вы захотите подписаться на наш журнал в течение 1986 года, то можете это сделать в любом почтовом отделении связи, в агентстве «Союзпечати» до 12-го числа предподписного месяца.

ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ СВОБОДНО, БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.
ЦЕНА НОМЕРА 35 КОПЕЕК.

НЕ ЗАБУДЬТЕ, ЧТО «СМЕНА» ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ.
ОБРАЩАЕМ ВАШЕ ВНИМАНИЕ НА ТО, ЧТО В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ ПОСТУПАЕТ
В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

КРОССВОРД

Составил Л. БИРЮК,
пос. Новоозерное Крымской области

По горизонтали:

5. Рыба, живущая в реках всех стран Европы, кроме Норвегии и Шотландии. 8. Стоглавое чудовище греческой мифологии, которое Зевс завалял Этной. 11. Озеро на юге Приморского края. 13. Наука, изучающая действие вредных излучений на живые организмы. 14. Тилографская единица, равная 0,376 миллиметра. 15. Форма, в которой написан финал многих сонат. 16. Герой романа Р. Уоррена «Вся королевская рать». 19. Город на реке Мараньон в Перу. 21. Высший орган власти в древних Афинах. 25. «Ромео и Джульетта» и...— две лучшие оперы Ш. Гуно. 26. «Ревела буря, дождь шумел...» (песня). 27. Советский физик, большинство работ которого посвящены кристаллам и полупроводникам. 28. Пьедестал Медного всадника. 29. Современный «голубой идол». 30. Государство, территорию которого в древности занимала Финикия. 31. Животное, которое одним концом прикрепляет-

ся к дну водоема. 32. Отскок пули, осколка. 34. Крестьянин в средневековой Англии. 36. Засахаренная фруктовая корка. 39. Стихотворный размер, названный от греческого слова, значащего «плясовой». 42. Сосуд в форме рога. 43. Обычный прибор в системах автоматического регулирования. 44. Украшение сбруи, частая находка археологов. 45. Мера жидкости. 46. «Но мне жаль, что... ушла от нас» (последняя фраза в книге И. Ефремова «На краю Ойкумены»).

По вертикали:

1. Русский физик, изобретатель гальванопластики. 2. Отрицательно заряженная частица в электролите. 3. Доклеточная живая частица. 4. Еду, еду — следу нету, режу, режу — крови нету (загадка). 6. Писатель, чьим «любимцем» был «заслуженный артист союзных республик Марусидзе» (из афиши О. Бендера в «Золотом тельнеке»). 7. В Греции —..., в России — русал-

ка. 9. Причудливое видение, чертовщина. 10. Река системы Дуная в Чехословакии. 11. Город в Средней Азии с высокогорным ботаническим садом. 12. Устройство, задающее одинаковый темп работы двум или нескольким механизмам. 17. Вязкая жидкость, применяемая в борьбе с вредителями растений. 18. «Поместье мирного незримый покровитель, тебя хвалю, мой добрый...» (А. С. Пушкин). 19. Житель города, одна из достопримечательностей которого — Девичья башня. 20. Птух — генерал Хосе, Смушкевич — генерал Дуглас, ... — генерал Лукач. 22. Заросли карликовой березы на севере. 23. Оружие ассистентов при боевом знамени на Военно-Морском Флоте. 24. «Капринос» Гойи (род гравюры). 32. Простейший топографический инструмент. 33. Крупная птица, одна из самых малочисленных в СССР. 34. Напевы альпийских горцев. 35. Бубукин, Войнов, Иванов, Крутиков, Масленкин, ... Метрели, Нетто, Понедельник, Чохели, Яшин. 37. Страна, конечный объект путешествия Марко Поло. 38. Черные клубки: ...печенеги, берендеи. 40. Желтая сигнальная одежда у железнодорожников. 41. Складная комнатная перегородка.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 10

По горизонтали:

1. Элюар. 6. «Чекист». 9. Щека. 10. Золото. 12. Осока. 13. ...Харибда... 14. Винт. 15. Дорога. 19. Лихо. 20. Склера. 21. Лампас. 22. Ертаул. 23. Азот. 24. Плотва. 27. Астиал. 30. Отроек. 31. Астрономия. 32. ...двойка. 33. Нача. 35. Укор. 36. Бамако. 38. Лабрадорит. 40. Втулка. 41. Отскок. 42. ...Танаис. 44. Жгун. 47. Карбас. 48. Гвиана. 49. Марена. 50. Ария. 51. Ватник. 54. Этна. 55. Ясность. 56. Ферми. 57. Южанка. 58. Изюм. 59. Гольян. 60. Штурм.

По вертикали:

1. Экономист. 2. Ласт. 3. ...янки... 4. Родохрозит. 5. Тото. 6. Чоха. 7. Каракулеводство. 8. Субъект. 9. Щавель. 11. Фарада. 15. Дизель. 16. Ротт. 17. ...грусть... 18. Радиоактивность. 23. Алоа. 24. Подкат. 25. Окорок. 26. Выкрик. 27. Астана. 28. Трнава. 29. Анчоус. 34. Маргаритка. 35. Урон. 37. Октава. 39. Романтизм. 42. Тимьян. 43. Нарыно. 44. Жбан. 45. Усик. 46. Напалм. 51. Вьюн. 52. Ткач. 53. Цент. 54. Эмир.

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПРЕИМУЩЕСТВО ДВУХ СЛОНОВ

Пресловутое преимущество двух слонов подразумевает прежде всего большую мобильность и дальнобойность этих фигур по сравнению с конями. Располагая двумя слонами, одна из сторон не просто арифметически удваивает свою «слоновью» силу, она значительно выигрывает в ее эффективности. Дело в том, что каждый слон в отдельности, даже при самых благоприятных обстоятельствах, может установить контроль лишь на половине доски (белой или черной). А вот вдвоем эти фигуры могут завладеть всем шахматным пространством!

Сегодняшнее задание — на тему взаимодействия двух слонов.

Восьмой тур I

Мат в 4 хода (3 балла)

II

Ничья (3 балла)

III

Ничья (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 1 августа.

В ОФОРМЛЕНИИ IV ОБЛОЖКИ УЧАСТВОВАЛИ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, С. БОГАЧЕВ, Н. ВОРОНЦОВ, В. ГОРЮНОВ, А. ИЛЬИН, Ю. КОСОБУКИН, В. КУДИН, В. ПАНЬЧ, Е. СОКОЛОВ, С. ТЮНИН, С. ХАСАБОВ, Т. ЮНАК.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

ФУНДАМЕНТ ПОЗИЦИИ

Восьмой тур

Когда строители строят новое здание, то они прежде всего возводят фундамент, который выдерживает опоры и перекрытия будущего здания. Так и в шашечной игре есть шашки, которые являются фундаментом и опорой позиции.

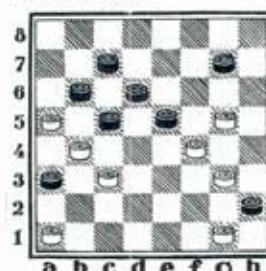

В позиции экс-чемпиона страны по шашечной композиции киевского инженера М. Бень после 1. gh4 gf6 2. hg3! фундаментом позиции черных является единственная из оставшихся шашек восьмой горизонтали — шашка черных на поле d8. Идейный замысел плана белых разрушить фундамент позиции черных: удалить их шашку с поля d8. После вынужденного 2...cb6 белые оригинальным способом это осуществляют: 3. ed4! g:c1 4.ba5 d:b4 5.a:c7! d:b6. Фундамент подорван! А без фундамента легко рушатся опоры позиции черных: 6. de5 f:d4 7. gf4 c:g5 8. h:f6, и белые выигрывают.

В. Звирбулис, Рига

М. Бень, Киев

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла). Ответы на задания восьмого тура посылайте не позже 1 августа (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 21.04.86. Подписано к печати 05.05.86. А 01964. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1371. Заказ № 2840. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

